

**ВЕСТНИК
САМАРСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА**

**Научно-практический журнал
1 (27) / 2018**

Выходит 4 раза в год

Учредитель издания:

федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний».

Журнал включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по группам научных специальностей: 12.00.00 – юридические науки, 13.00.00 – педагогические науки, 19.00.00 – психологические науки.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС 77-67319 от 30.09.2016 г.

ISSN 2307-6852

Главный редактор (председатель редакционной коллегии) –

кандидат педагогических наук полковник внутренней службы **А. А. Вотинов**.

Редакционная коллегия

Аврутин Ю. Е. – профессор кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации;

Акопов Г. В. – заведующий кафедрой общей и социальной психологии Самарского государственного социально-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии психологических наук, Академии социальных и педагогических наук, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член Президиума Российского психологического общества, председатель Самарского регионального отделения РПО, сопредседатель Самарского отделения лиги профессиональной психотерапии;

Акопян Л. С. – профессор кафедры возрастной и педагогической психологии Самарского государственного социально-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;

Архимандрит Георгий (Шестун) – заведующий межвузовской кафедрой православной педагогики и психологии Самарской духовной семинарии, доктор педагогических наук, профессор, академик РАЕН;

Волов В. Т. – директор Самарского филиала Современной гуманитарной академии, доктор педагогических наук, доктор экономических наук, доктор социологических наук, доктор физико-математических наук, доктор технических наук, член-корреспондент ГАН РАО, академик МАИ, РАЕН, РАТ, МАНПО, Нью-Йоркской академии наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Галужин А. Ф. – заместитель прокурора Саратовской области, кандидат юридических наук, доцент, почетный работник прокуратуры Российской Федерации, заслуженный юрист Самарской области;

Кленова Т. В. – заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, доктор юридических наук, профессор;

Колоколов Н. А. – судья Верховного суда Российской Федерации (в отставке), профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского педагогического государственного университета, доктор юридических наук, доцент;

Куриленко Л. В. – заведующая кафедрой теории и технологии социальной работы Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, доктор педагогических наук, профессор;

Тимофеева Е. А. – заместитель начальника Самарского юридического института ФСИН России по научной работе, доктор педагогических наук, доцент;

Хачатуров Р. Л. – профессор кафедры истории государства и права Института права Тольяттинского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) <http://elibrary.ru>.

Журнал распространяется по подписке. Подписной индекс: **70018**

Адрес редакции: 443022, г. Самара, ул. Рыльская, 24в, тел. 205-67-14, e-mail: science@samlawin.ru

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. При полной или частичной перепечатке или воспроизведении любым способом ссылка на источник обязательна. Направляя материалы в редакцию журнала, автор соглашается на размещение своих материалов в открытом доступе в сети Интернет.

BULLETIN
OF THE SAMARA LAW INSTITUTE
Science and practical journal
1 (27) / 2018

Comes out 4 times a year

Founder of journal:

Federal Government Educational Institution of Higher Education «Samara Law Institute
of the Federal Penitentiary Service».

The journal is on Higher Attestation Commission of the Russian Federation and the List of peer-reviewed scientific
publications where the main scientific results of theses for the degree of Candidate of Science, Doctor of Sciences
according to the following scientific areas should be published:

12.00.00 – legal sciences, 13.00.00 – pedagogical sciences, 19.00.00 – psychological sciences.

The journal is registered in the Federal Service for Supervision in the sphere of Communications, Information Technology
and Mass Communications, PI № FS77-67319 from 30.09.2016

ISSN 2307-6852

Editor in Chief (Editorial Board Chairman) –

Candidate of Pedagogics Colonel **A. Votinov.**

Editorial Board

Avrutin Y. – Professor of Administrative Law Department of St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation;

Akopov G. – Head of General and Social Psychology Department of Samara State Social and Pedagogical University, Doctor of Psychology, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, member of the International Academy of Psychology, Academy of Social and Pedagogical Sciences, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Presidium member of the Russian Psychological Society, chairman of Samara regional branch of the Russian Psychological Society; Co-chairman of Samara Office of the Professional Psychotherapy League;

Akopyan L. – Professor of Developmental and Educational Psychology Department of Samara State Social and Pedagogical University, Doctor of Psychology, Professor;

Archimandrite Georgiy (Shestun) – Head of Interacademic Department of Orthodox Pedagogy and Psychology of Samara and Pedagogics Theological Seminary, Doctor of Pedagogics, Professor, Academician of Russian Academy of Natural Sciences;

Volov V. – Director of Samara branch of the Modern Academy for the Humanities, Doctor of Engineering, Doctor of Pedagogics, Doctor of Economics, Doctor of Sociology, Doctor of Physics and Mathematics, corresponding member of the State Academy of Sciences of the Russian Academy of Education, Academician of the MAI, Academy of Natural Sciences, RTA, International Academy of Sciences for Pedagogical Education, New York Academy of Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation;

Galuzin A. – Deputy prosecutor of Saratov region, Candidate of Law, Associate Professor; Honored Worker of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Honored Lawyer of Samara region;

Klenova T. – Head of Criminal Law and Criminology Department of Samara State Aerospace University named after academician S. P. Korolev (National research University), Doctor of Law, Professor;

Kolokolov N. – Judge of the Supreme Court of the Russian Federation (in retirement), Professor of the Criminal and Legal Disciplines Department of Moscow State Teacher's Training University, Doctor of Law, Associate Professor;

Kurylenko L. – Head of Theory and Social Work Technology Department of Samara National Research University named after academician S. P. Korolev, Doctor of Pedagogics, Professor;

Timofeeva E. – Deputy Head for Science of Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Education, Associate Professor;

Khachaturov R. – Professor of History of the State and Law Department of the Institute of Law of Togliatti State University, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

The journal is in the Russian Science Citation Index <http://elibrary.ru>.

The journal is distributed by subscription. Index: **70018**

Editorial address: Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022; tel. 205-67-14, e-mail: science@samlawin.ru

Published articles contain the opinions of the authors, which may not coincide with the point of view of the editorial board. Responsibility for the content and reliability of the facts has the authors of materials. The editorial board reserves the right to make changes and reductions. In case of complete or partial reprinting or reproduction by all means it is necessary to make reference to the source. Sending materials to the journal the author agrees to place the materials in free access on the Internet.

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Абатуров А. И.</i> ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ СТРАН БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ В ОБЛАСТИ ОКАЗАНИЯ ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПОМОЩИ	9
<i>Бедняков И. Л.</i> ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1917–1960 гг.)	14
<i>Беляков А. В., Адылин Д. М.</i> К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПОБЕГА ИЗ-ПОД НАДЗОРА	19
<i>Вележнев С. И.</i> РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ В ПРОЦЕССЕ СОЦИОГЕНЕЗА.....	23
<i>Глебова Е. В.</i> НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ДАРЕНИЯ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ.....	30
<i>Дроздов А. И.</i> УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ: ПРОБЛЕМЫ ИХ ГУМАНИЗАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	34
<i>Коновальчук М. В.</i> К ВОПРОСУ О ДЕЙСТВИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ПРОСТРАНСТВЕ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ	40
<i>Кубанов В. В., Свищерский О. А.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ АВТОМАТИЗИРОВАННОГО УЧЕТА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ.....	43
<i>Латыпова Д. М.</i> ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРИМЕНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ, НАЗНАЧАЕМЫХ В КАЧЕСТВЕ ОСНОВНЫХ И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ.....	47
<i>Панькина И. Ю., Дубицкий К. П.</i> ПРИНЦИПЫ СУДЕБНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ И ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УПК ПОЛЬШИ: НА ПРИМЕРЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	51
<i>Полуэктов А. Г.</i> СИСТЕМА ПРАВООГРАНИЧЕНИЙ, ПРИМЕНЯЕМАЯ В ОТНОШЕНИИ ОСВОБОЖДЕННЫХ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА: КРАТКИЙ АНАЛИЗ.....	59
<i>Пономарев С. Б., Тихонова Ю. В., Стерликов С. А.</i> ДИНАМИКА СОСТОЯНИЯ КОНТИНГЕНТА ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЙ И ФАКТОРЫ, НА НЕГО ВЛИЯЮЩИЕ.....	63
<i>Романова Н. В.</i> ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПРИМЕНЕНИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ.....	68
<i>Ромашов Р. А.</i> ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА РОССИИ – ОРГАНИЗАЦИОННО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ОСНОВАНИЕ ЕЕ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ.....	72
<i>Самигулина Я. В., Кузовенкова Ю. А.</i> ПРАКТИКА КОМПЕНСАЦИИ ПОТЕРПЕВШИМ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО НЕНАСИЛЬСТВЕННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ.....	79
<i>Степанов А. В.</i> ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА КАК ОСОБЫХ СУБЪЕКТОВ АДМИНИСТРАТИВНО- ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ, СКЛАДЫВАЮЩИХСЯ ПО ПОВОДУ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МИГРАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	83

Сторожев С. А. КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ К ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ РАБОТАМ.....	87
Тимофеева Е. А. К ВОПРОСУ ОБ ОПТИМИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УИС ПОСРЕДСТВОМ ВНЕДРЕНИЯ ПЕРЕДОВОГО ОПЫТА И ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	92
Третьяков Д. В. КЛАССИЧЕСКАЯ И ПОСТКЛАССИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМЫ В ПРОБЛЕМЕ ПОНИМАНИЯ СУБЪЕКТА ПРАВА.....	98
Усеев Р. З. О РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ И ОТБЫВАНИИ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ВЕДОМСТВЕННЫМИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫМИ АКТАМИ ОГРАНИЧЕННОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ.....	103

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вилкова А. В., Литвишников В. М., Александрова М. В. ВНЕДРЕНИЕ В СЛУЖЕБНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ЗАХВАТОВ ЗАЛОЖНИКОВ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ.....	107
Головкин Р. Б., Коломина А. В. ПРАВО И ИСКУССТВО В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УИС.....	111
Диривянкина О. В. ЭВРИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК МЕТОД НЕСТАНДАРТНЫХ ВЕРОЯТНОСТНЫХ РЕШЕНИЙ. ХАРАКТЕРИСТИКИ И СТРАТЕГИИ.....	115
Пилюкова С. С. ФОРМИРОВАНИЕ УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УСТАНОВОК КУРСАНТОВ ВЕДОМСТВЕННЫХ ВУЗОВ.....	119

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Горностаев С. В. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛУЖЕБНОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ УИС РАЗЛИЧНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ.....	125
Ежова О. Н. ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ У КУРСАНТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗОВ.....	129
Иванова С. В. ПРИОРИТЕТ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ ТРУДА СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПОДГОТОВКИ К НЕЙ В ЮРИДИЧЕСКОМ ВУЗЕ.....	135

Трибуна молодого ученого

Минсафина С. Н., Долина В. А. ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН.....	139
Мусалева А. В., Шкиль Д. А. СУДЕБНЫЙ ШТРАФ КАК МЕРА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА.....	142
Сергеева Д. В., Шлыков С. А., Соловьев А. С., Почеткова Е. С. РЕКОМЕНДАЦИИ ПО СОЗДАНИЮ ЭЛЕКТРОННОЙ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ФСИН РОССИИ.....	145
ТРЕБОВАНИЯ К ПОДАЧЕ МАТЕРИАЛОВ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК САМАРСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА».....	149

CONTENTS

LEGAL SCIENCES

Abaturov A. LEGISLATIVE EXPERIENCE OF THE NEAR ABROAD COUNTRIES IN THE FIELD OF PROVIDING POST-PENITENTIARY ASSISTANCE.....	9
Bednyakov I. LEGISLATIVE REGULATION OF PRE-TRIAL PROCEDURE IN CRIMINAL CASES IN SOVIET PERIOD (1917–1960).....	14
Belyakov A., Adylin D. REVISITING THE CONCEPT OF ESCAPE FROM SUPERVISION	19
Velezhev S. ROLE OF SOCIAL NORMS IN THE COURSE OF SOCIOGENESIS	23
Glebova E. SOME FEATURES OF APPLICATION OF GIFT WITHIN THE PENAL SYSTEM.....	30
Drozhdov A. PRISON CONDITIONS IN PENAL COLONIES: PROBLEMS OF PRISONERS' HUMANIZATION AT THE PRESENT STAGE.....	34
Konovalchuk M. REVISITING THE APPLICATION OF CRIMINAL LAW WORLD IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF JUSTICE.....	40
Kubanov V., Sviderskiy O. THE USE OF COMPUTER-AIDED ACCOUNTING IN THE EXECUTION OF THE ALTERNATIVES TO IMPRISONMENT.....	43
Latypova D. PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION AND APPLICATION OF PUNISHMENTS IMPOSED AS PRIMARY AND ADDITIONAL	47
Pankina I., Dubicki K. RINCIPLES OF JUDICIAL PROOF AND PROCEDURAL FORM OF EVIDENCE ON THE CODE OF POLAND: ON THE EXAMPLE OF ECONOMIC CRIMES.....	51
Poluektov A. THE SYSTEM OF LEGAL RESTRICTIONS APPLIED TO THE EXONERATED FROM CRIMINAL LIABILITY WITH THE APPOINTMENT OF A JUDICIAL FINE: BRIEF ANALYSIS.....	59
Ponomarev S., Tikhonova J., Sterlikov S. DYNAMICS OF CONTINGENT EDUCATIONAL COLONIES AND FORM FACTORS.....	63
Romanova N. LEGAL ASPECTS OF APPLICATION THE DEATH PENALTY IN THE YEARS OF CIVIL WAR IN RUSSIA.....	68
Romashov R. LAW ENFORCEMENT SYSTEM OF RUSSIA – ORGANIZATIONAL AND FUNCTIONAL BASIS OF ITS CRIMINAL POLICY	72
Samiulina Y., Kuzovenkova Y. THE PRACTICE OF COMPENSATION FOR MORAL HARM TO INJURED PERSONS, CAUSED BY A NON-VIOLENT CRIME AGAINST THE PROPERTY	79
Stepanov A. THE CONCEPT AND CLASSIFICATION OF NON-CITIZENS, AS SPECIAL SUBJECTS OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL RELATIONS CONCERNING MIGRATION SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	83

Storozhev S. CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF PERSONALITY OF THE PRISONERS SENTENCED TO COMMUNITY SERVICE.....	87
Timofeeva E. REVISITING THE ACTIVITY IMPROVEMENT OF THE FPS THROUGH BEST PRACTICES AND INNOVATION TECHNOLOGY ESTABLISHING	92
Tretyakov D. CLASSICAL AND POST-CLASSICAL PARADIGMS IN THE PROBLEM OF UNDERSTANDING THE SUBJECT OF LAW	98
Useev R. ON REGULATION OF THE PUBLIC RELATIONS AT EXECUTION AND SERVING OF IMPRISONMENT WITH RESTRICTED DEPARTMENTAL NORMATIVE LEGAL ACTS	103

PEDAGOGICAL SCIENCES

Vilkova A., Litvishkov V., Aleksandrova M. ADOPTION OF MODERN TECHNOLOGIES CONCERNING HOSTAGE TAKING PREVENTION WITHIN CORRECTIONAL ESTABLISHMENTS INTO OFFICIAL ACTIVITIES	107
Golovkin R., Kolomina A. LAW AND ART IN THE SYSTEM OF SOCIAL REGULATION OF THE FPS	111
Dirivyankina O. HEURISTIC ACTIVITY AS A METHOD OF NON-STANDARD PROBABILISTIC SOLUTIONS. CHARACTERISTICS AND STRATEGIES	115
Piyukova S. FORMATION OF TRAINING AND PROFESSIONAL ATTITUDES OF THE CADETS OF DEPARTMENTAL INSTITUTES.....	119

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Gornostayev S. PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE OFFICIAL LOYALTY OF THE PRISON STAFF OF DIFFERENT PROFESSIONAL CATEGORIES.....	125
Ezhova O. FORMATION OF LEGAL CONSCIOUSNESS AMONG CADETS OF LAW INSTITUTES.....	129
Ivanova S. THE MANAGEMENT ACTIVITY PRIORITY IN LABOUR PSYCHOLOGY OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS AND PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS OF TRAINING AT A LAW UNIVERSITY (LAW HIGH SCHOOL)	135

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS

Minsafina S., Dolina V. SPECIAL ASPECTS OF PUNISHMENT EXECUTION IN THE FORM OF IMPRISONMENT TOWARDS WOMEN.....	139
Musaleva A., Shkil D. COURT FINE AS A MEASURE OF CRIMINAL LAW.....	142
Sergeeva D., Shlykov S., Solov'ev A., Pochetkova E. GUIDELINES FOR CREATION OF ELECTRONIC INFORMATION EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN THE EDUCATIONAL ORGANIZATION OF HIGHER EDUCATION OF THE FPS OF RUSSIA	145
THE REQUIREMENTS FOR THE MATERIALS SUBMITTED FOR PUBLICATION IN THE SCIENTIFIC AND PRACTICAL «BULLETIN OF THE SAMARA LAW INSTITUTE»	149

УДК 340

Абатуров А. И.

кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры кадровой, воспитательной
и психологической работы в УИС,
Кировский ИПКР ФСИН России,
610070, г. Киров, ул. Ленина, д. 179 в,
e-mail: cfyznrf@yandex.ru

Alexander I. Abaturov

Candidate of Law, Associate Professor,
head of the Department of personnel, educational
and psychological work in prisons,
The Kirov IPKR of the FPS of Russia,
Lenin str., 179 v, Kirov, Russia, 610070,
e-mail: cfyznrf@yandex.ru

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ СТРАН БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ В ОБЛАСТИ ОКАЗАНИЯ ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПОМОЩИ

Аннотация. Предметом исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе действий органов государственной власти стран ближнего зарубежья при подготовке осужденных к освобождению из мест лишения свободы, а также оказание адресной помощи этим лицам после освобождения. Автор подробно рассматривает актуальные проблемы оказания помощи освобожденным в их трудовом и бытовом устройстве, анализирует субъекты, оказывающие постпенитенциарную помощь. Особое внимание уделяется вопросам оказания помощи при освобождении осужденных с ограниченными возможностями в странах постсоветского пространства. Методологическую основу статьи составил диалектический метод познания действительности. В процессе работы также использовались общенаучные и специальные методы познания: сравнительно-правовой при анализе новых и ранее действовавших уголовно-правовых норм, а также пенитенциарного законодательства. Особым вкладом автора в исследование темы является то, что оно представляет собой работу, имеющую теоретическое и прикладное значение в сфере организации деятельности государственных органов по оказанию помощи лицам, освобождаемым из мест лишения свободы. В статье дана характеристика проблем в исследуемой сфере, проведен анализ законодательного опыта стран ближнего зарубежья по вопросам постпенитенциарного сопровождения.

Ключевые слова: осужденные, постпенитенциарная помощь, страны ближнего зарубежья, пенитенциарные кодексы, несовершеннолетние осужденные, probation, исправительное учреждение, социальная адаптация, трудоустройство, полиция.

LEGISLATIVE EXPERIENCE OF THE NEAR ABROAD COUNTRIES IN THE FIELD OF PROVIDING POST-PENITENTIARY ASSISTANCE

Summary. The subject of the studying is the public relations arising in the government actions process of the near abroad countries during preparing convicts for release and also providing post-penitentiary assistance to these persons. The author discusses in detail the problems associated with their labor and household arrangement, the subjects providing post-penitentiary assistance are analyzed. Particular attention is paid to assistance in the release of health limited convicts in the post-Soviet countries. The methodological basis of the article was a dialectical method of reality cognition. In the process of working, general scientific and special methods of cognition were also used: comparative legal when analyzing new and formerly operating criminal law norms, as well as penal legislation. A special contribution of the author in his studies is that it is a work of theoretical and applied importance in the sphere of organizing the state bodies activities to provide post-penitentiary assistance to persons released from places of liberty deprivation. The article gives a description of the studying problems, an analysis of the legislative experience of the near abroad countries on the issues of post-penitentiary assistance is given.

Keywords: convicted, post-penitentiary assistance, neighboring countries, penal codes, juvenile offenders, probation, correctional institution, social adaptation, employment, police.

Проводя исследование различных источников, регулирующих постпенитенциарное сопровождение в государствах ближнего зарубежья, можно сделать вывод, что в современный период принцип либерализации законодательства определяет концептуальное направление политики большинства стран в этой сфере.

Анализ нормативных актов стран – бывших республик СССР свидетельствует о том, что законодательно урегулированный порядок оказания постпенитенциарной помощи в основном похож, присутствующие в законодательствах отличия не принципиальны, а свидетельствуют о национальных традициях, финансовых возможностях и влиянии норм международного права на суверенное право.

Наибольший интерес с точки зрения предмета нашего исследования представляет законодательство Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Латвии, Молдовы, Приднестровской Молдавской Республики (далее – ПМР), Туркменистана, Таджикистана, Узбекистана и Эстонии, поэтому сконцентрируем внимание на этих странах.

При рассмотрении вопросов, связанных с постпенитенциарным сопровождением в указанных государствах, мы будем исследовать элементы оказания помощи освобожденным в их трудовом и бытовом устройстве, а также субъекты, оказывающие постпенитенциарную помощь.

Главу 23 «Помощь лицам, освобождаемым от отбывания наказания, и контроль за ними» Модельного уголовно-исполнительного кодекса для государств-участников СНГ [1] следует признать образцом для пенитенциарных кодифицированных источников анализируемых стран. Идентичное либо аналогичное наименование и содержание имеют и корреспондирующие главы кодифицированных актов бывших республик СССР, например: «Оказание помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания, и контроль за ними» (гл. XX Кодекса Азербайджанской Республики об исполнении наказаний) [2], «Оказание помощи осужденному, освобожденному от наказания» (гл. 20 УИК Республики Армения) [3], «Помощь освобожденным от отбывания наказания» (гл. 26 УИК Республики Беларусь) [4].

Весьма близка позиция законодателей стран постсоветского пространства по вопросам оказания помощи освобождаемым из мест лишения свободы. Так, нормативно закреплён порядок обеспечения бесплатным проездом к месту жительства или работы, продуктами питания или деньгами на дорогу, предоставления при необходимости одежды и обуви на безвозмездной основе. Различия весьма незначительные, однако, имеющие принципиальное значение. Так, законодатель Молдовы сформулировал, что расходы на приобретение билета несет осужденный (ст. 628).

Пенитенциарными кодифицируемыми источниками стран ближнего зарубежья предусмотрена и единовременная финансовая помощь лицам, освобождаемым из мест лишения свободы, которая не является обязательной выплатой (Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Латвия, Таджикистан), однако в УИК Республики Узбекистан (ст. 172) единовременное пособие выделяется непосредственно на приобретение одежды и обуви при освобождении. Имеет свою специфику позиция эстонских законодателей, которые сформулировали, что при освобождении заключенному выплачивается депонированное за счет сумм, находящихся на лицевом счете, пособие при освобождении и деньги, оставленные для внутреннего пользования, и если сумма, выплачиваемая с лицевого счета заключенного, меньше размера пособия, то заключенному выплачивается единовременное пособие в сумме разницы между размером пособия и суммой, выплачиваемой с лицевого счета (п. 4 ст. 75 Закона о тюремном заключении Эстонии).

В Азербайджане освобожденным от отбывания наказания лицам, нуждающимся в медицинской и социальной помощи, выдается единовременное денежное пособие в размере четырехкратной минимальной заработной платы.

Анализируя особенности оказания помощи при освобождении осужденных с ограниченными возможностями (инвалидов 1-й и 2-й группы), а также лиц, требующих повышенного внимания (беременных женщин, женщин, имеющих малолетних детей, и несовершеннолетних), можно констатировать, что точки зрения законодателей стран ближнего зарубежья по данному вопросу весьма созвучны, но отнюдь не идентичны. Администрация пенитенциарных учреждений предварительно согласует вопросы с родственниками указанных лиц об их сопровождении, а в случае отсутствия таковых берет на себя эту обязанность. В Беларуси, Таджикистане, Узбекистане и Казахстане возраст сопровождаемых несовершеннолетних не должен превышать шестнадцати лет, а в Армении и Азербайджане возраст малолетних детей, находящихся при осужденных женщинах и дающих им право на необходимую помощь при освобождении, конкретизирован и составляет три года и восемь лет соответственно.

Индивидуальный постпенитенциарный подход к несовершеннолетним осужденным законодательно закреплён в нормативных правовых источниках стран ближнего зарубежья в возможности отправки их в школы-интернаты (ст. 175.4 Кодекса Азербайджанской Республики об исполнении наказаний, ст. 173 УИК Республики Узбекистан), передачи органам опеки и попечительства

по месту жительства несовершеннолетних для предоставления им статуса детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей (п. 3 ст. 192 УИК Республики Беларусь).

Ярко выраженной спецификой по рассматриваемому вопросу отличается позиция таджикского и латышского законодателя. В Кодексе исполнения уголовных наказаний Республики Таджикистан указано, что комиссия по правам ребенка по месту жительства освобождаемого несовершеннолетнего по представлению администрации колонии принимает меры по устройству его на работу или учебу, а также к созданию для него жилищно-бытовых условий. В исключительных случаях, когда направление несовершеннолетнего к прежнему месту жительства нецелесообразно из воспитательных соображений, его устройство в иных местах осуществляется комиссией по делам несовершеннолетних по месту расположения колонии с учетом мнения освобождаемого (п. 5 ст. 211). Кодексом Латвии об исполнении наказаний предусмотрено, что в случае освобождения несовершеннолетних, не имеющих родителей или опекунов, администрация пенитенциарного учреждения информирует об этом пробационную службу, которая в сотрудничестве с сиротским судом (волостным судом) по прежнему месту жительства несовершеннолетнего осуществляет мероприятия по устройству его в конкретном месте жительства и решению вопроса о его занятости (ст. 114). В Приднестровской Молдавской Республике лица, осужденные за преступления, совершенные в возрасте до восемнадцати лет, по освобождении из учреждений УИС, исполняющих наказания в виде лишения свободы, подлежат прописке без ограничения по месту жительства родителей или лиц, их заменяющих, а при отсутствии таковых – по месту жительства близких родственников (п. 4 ст. 178 Исполнительного кодекса ПМР).

Проводя сравнительно-правовой анализ нормативных правовых актов, регулирующих вопросы постпенитенциарной помощи, нами было выявлено, что в Узбекистане, Таджикистане и Латвии в отличие от других стран ближнего зарубежья законодательно определены органы, которые оказывают социальную помощь осужденным после освобождения из мест лишения свободы. В Узбекистане и Азербайджане таким органом является центр социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы (ст. 171 УИК Республики Узбекистан), в Таджикистане координационным центром по оказанию постпенитенциарной социальной помощи являются инспекции исправительных работ, указания и рекомендации которых являются обязательными для комиссии по правам ребенка, администрации, трудовых коллективов, общественных организаций и предприятий (ст. 212 Кодекса исполнения уголовных наказаний Республики Таджикистан).

В некоторых странах помощь осужденным после освобождения из мест лишения свободы конкретизируется более детально в иных, не пенитенциарных нормативных актах. Так, механизм оказания постпенитенциарной помощи в Республике Беларусь регламентируется Постановлением МВД Республики Беларусь от 15.01.2014 № 15 [5], в Кыргызской Республике Постановлением Правительства от 26.02.2014 № 105 [6] и приказом Министерства здравоохранения Кыргызской Республики от 07.04.2014 № 168 [7]. В Постановлении МВД Республики Беларусь от 15.01.2014 № 15 сформулированы нормативно закрепленные рекомендации по организации оказания помощи в трудовом и бытовом устройстве лицам, освобожденным из мест принудительного содержания. Следует выделить императивный подход в вопросах установления избранного места жительства лица, освобождаемого из мест лишения свободы, для контроля за его поведением и оказания помощи в трудовом и бытовом устройстве. С этой целью сотрудники учреждения принимают от осужденного заявление. Если осужденный отказывается подавать данное заявление или информация об избранном месте жительства является ложной, сотрудники учреждения уголовно-исполнительной системы документально фиксируют этот факт и направляют запрос в органы внутренних дел по известному месту проживания данного осужденного. Одновременно администрация учреждения отправляет сообщение в орган по труду, занятости и социальной защите об оказании помощи в трудовом и бытовом устройстве.

Проведенный анализ вопросов оказания постпенитенциарной помощи в законодательстве стран ближнего зарубежья дает основания для некоторых теоретических обобщений. Так, можно спрогнозировать, что последующее изменение законодательств бывших республик СССР в сфере постпенитенциарного сопровождения будет проходить по пути повышения имплементации в национальное законодательство норм, регулирующих деятельность субъектов, оказывающих адресную постпенитенциарную помощь. Положительный накопленный опыт стран ближнего зарубежья в постпенитенциарной области позволит оптимизировать в России правоприменительный процесс и, следовательно, повысить эффективность борьбы с постпенитенциарной преступностью.

Библиографический список

1. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников содружества независимых государств «О модельном уголовно-исполнительном кодексе для государств-участников СНГ» 02.11.1996 № 8–7 г. Санкт-Петербург [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ (официальный сайт). URL: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby09/sbor77/text77537/index.htm> (дата обращения: 17.09.2017).
2. Кодекс Азербайджанской Республики об исполнении наказаний. Утвержден Законом Азербайджанской Республики от 14.07.2000 № 908-ІГ (с изм. и доп. по состоянию на 31.05.2016) [Электронный ресурс] // Параграф (официальный сайт). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420206 (дата обращения: 17.09.2017).
3. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Армения от 18.01.2005 № ЗР-60. Принят Национальным собранием Республики Армения 24.12.2004 (с изм. и доп. по состоянию на 23.05.2016) [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ (официальный сайт). URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=19493 (дата обращения: 17.09.2017).
4. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь от 11.01.2000 № 365-3. Принят Палатой представителей 14.12.1999 (с изм. и доп. по состоянию на 09.01.2017) [Электронный ресурс] // Параграф (официальный сайт). URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414827 (дата обращения: 17.09.2017).
5. Об утверждении инструкции о порядке оказания администрацией учреждения уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Республики Беларусь помощи осужденным к ограничению свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа или к лишению свободы в трудовом и бытовом устройстве: Постановление Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 15.01.2014 № 15 (в ред. постановления Совета министров РБ от 11.09.2012 № 844) [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ (официальный сайт). URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=14114 (дата обращения: 17.09.2017).
6. Об утверждении Временной инструкции по оказанию социального содействия осужденным и лицам, освободившимся из исправительных учреждений: Постановление Правительства от 26.02.2014 № 105 [Электронный ресурс] // Параграф (официальный сайт). URL: http://online.adviser.kg/Document/?doc_id=31542854 (дата обращения: 17.09.2017).
7. О реализации постановления Правительства Кыргызской Республики от 26.02.2014 № 105 «Об утверждении Временной инструкции по оказанию социального содействия осужденным и лицам, освободившимся из исправительных учреждений»: Приказ Министерства здравоохранения Кыргызской Республики от 07.04.2014 № 168 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hivplatform.kg/upload/files/Prikaz%20MZ%20KR.doc> (дата обращения: 17.09.2017).

References

1. Postanovlenie Mezhpaplamentaskoi Assamblei gosudarstv – uchastnikov sodruzhestva nezavisimyykh gosudarstv «O model'nom ugodovno-ispolnitel'nom kodekse dlya gosudarstv-uchastnikov SNG» 02.11.1996 no. 8–7 g. Sankt-Peterburg. [Resolution no. 8-7 of the inter – parliamentary Assembly of the States parties of the Commonwealth of independent States "on the model penal enforcement code for the States parties to the CIS"]. *Zakonodatel'stvo stran SNG [legislation of the CIS countries]*. URL: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby09/sbor77/text77537/index.htm> (Accessed: 17.09.2017) [in Russian].
2. Kodeks Azerbaidzhanskoi Respubliki ob ispolnenii nakazanii. Utverzhdn Zakonom Azerbaidzhanskoi Respubliki ot 14.07.2000 no. 908-IG (s izm. i dop. po sostoyaniyu na 31.05.2016) [Code of the Republic of Azerbaijan on execution of punishments. Approved By the law of the Republic of Azerbaijan dated 14.07.2000 no. 908-IG (Rev. and additional as of 31.05.2016)]. *Paragraf [Paragraph]*. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420206 (Accessed: 17.09.2017) [in Russian].
3. Ugodovno-ispolnitel'nyi kodeks Respubliki Armeniya ot 18.01.2005 no. ZR-60. Prinyat Natsional'nyy sobranie Respubliki Armeniya 24.12.2004 (s izm. i dop. po sostoyaniyu na 23.05.2016) [Criminal-Executive code of the Republic of Armenia dated 18.01.2005 no. ZR-60. Adopted by the national Assembly of the Republic of Armenia on 24.12.2004 (Rev. and additional as of 23.05.2016)] *Zakonodatel'stvo stran SNG. [Legislation of CIS countries]*. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=19493 (Accessed: 17.09.2017).

4. Ugolovno-ispolnitel'nyi kodeks Respubliki Belarus' ot 11.01.2000 no. 365-Z. Prinyat Palatoi predstavitelei 14.12.1999 (s izm. i dop. po sostoyaniyu na 09.01.2017). [The criminal Executive code of the Republic of Belarus no. 365-Z. of 11.01.2000 was Adopted by the House of representatives on 14.12.1999(Rev. and additional as of 09.01.2017)]. *Paragraf [Paragraph]*. URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414827 (Accessed: 17.09.2017) [in Russian].

5. Ob utverzhdenii instruktsii o poryadke okazaniya administratsiei uchrezhdeniya ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Ministerstva vnutrennikh del Respubliki Belarus' pomoshchi osuzhdennym k ogranicheniyu svobody s napravleniem v ispravitel'noe uchrezhdenie otkrytogo tipa ili k lisheniyu svobody v trudovom i bytovom ustroistve: Postanovlenie Ministerstva vnutrennikh del Respubliki Belarus' ot 15.01.2014 no. 15 (v red. postanovleniya Soveta ministrov RB ot 11.09.2012 no. 844). [About approval of the instruction about the order of rendering the administration of criminal-Executive system of the Ministry of internal Affairs of the Republic of Belarus of protection for the convicted to restriction of freedom, a direction in correctional facility of open type, or to imprisonment in the labour and household device: Resolution of the Ministry of internal Affairs of the Republic of Belarus no. 15 of 15.01.2014 (as amended by resolution of the Council of Ministers of 11.09.2012 no. 844)]. *Zakonodatel'stvo stran SNG. [Legislation of CIS countries]*. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=14114 (Accessed: 17.09.2017).

6. Ob utverzhdenii Vremennoi instruktsii po okazaniyu sotsial'nogo sodeistviya osuzhdennym i litsam, osvobodivshimsya iz ispravitel'nykh uchrezhdenii: Postanovlenie Pravitel'stva ot 26.02.2014 no.105. [About the approval of the Temporary instruction on rendering social assistance to the condemned and persons who were released from correctional institutions: order of the Government of 26.02.2014 no. 105]. *Paragraf [Paragraph]*. URL: http://online.adviser.kg/Document/?doc_id=31542854 (Accessed: 17.09.2017) [in Russian].

7. O realizatsii postanovleniya Pravitel'stva Kyrgyzskoi Respubliki ot 26.02.2014 no. 105 «Ob utverzhdenii Vremennoi instruktsii po okazaniyu sotsial'nogo sodeistviya osuzhdennym i litsam, osvobodivshimsya iz ispravitel'nykh uchrezhdenii»: Prikaz Ministerstva zdavookhraneniya Kyrgyzskoi Respubliki ot 07.04.2014 no. 168. [About implementation of the order of the Government of the Kyrgyz Republic of 26.02.2014 no. 105 "about the approval of the Temporary instruction on rendering social assistance to the condemned and persons who were released from correctional institutions": the Order of Ministry of health of the Kyrgyz Republic of 07.04.2014 no. 168]. URL: <http://www.hivplatform.kg/upload/files/Prikaz%20MZ%20KR.doc> (Accessed: 17.09.2017) [in Russian].

УДК 340

Бедняков И. Л.

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в, e-mail: 1981ivan@mail.ru

Ivan L. Bednyakov

Candidate of Law, Associate Professor, head of the Department of criminal procedure and criminology, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022, e-mail: 1981ivan@mail.ru

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1917–1960 гг.)

Аннотация. В статье анализируются положения ряда правовых актов 1917–1960 гг., изменивших организацию досудебного производства по уголовным делам. Изучены особенности формирования органов предварительного расследования в Советском государстве, их трансформации в условиях НЭПа и периода репрессий 30-х гг. XX в. Проанализирована попытка введения коллегияльных начал в предварительное расследование и причины отказа от подобной формы организации досудебного производства. Рассмотрены отличительные черты двух форм предварительного расследования по УПК РСФСР 1923 г.: дознания и предварительного следствия. Изучены полномочия суда в рамках предварительного расследования. Показана роль прокурора в организации предварительного расследования, его полномочия. На основе системного анализа положений уголовно-процессуального законодательства, ведомственных правовых актов сделан вывод о главенствующей роли прокурора при принятии ключевых процессуальных решений следователем. Доказано, что отсутствие четко выраженной уголовной политики, от которой зависела организация уголовного судопроизводства, привело к неустойчивости сформированной системы досудебного производства. Обозначены основные черты организации досудебного производства в рассматриваемый период, повлиявшие на современное состояние уголовно-процессуального законодательства. Выявлены и критически оценены недостатки правовой регламентации предварительного расследования в рассматриваемом историческом периоде.

Ключевые слова: следователь, следственные комиссии, досудебное производство, предварительное расследование, милиция, прокуратура.

LEGISLATIVE REGULATION OF PRE-TRIAL PROCEDURE IN CRIMINAL CASES IN SOVIET PERIOD (1917–1960)

Summary. The article analyzes the provisions of a number of legal acts of 1917–1960 which changed the organization of criminal cases pre-trial procedure. The peculiarities of the formation of preliminary investigation bodies in the Soviet state, their change in terms of NEP as well as the period of the 1930s repression were studied. An attempt to introduce the collegial principles into the preliminary investigation and the reasons for refusing of such a organization form of pre-trial procedure is made. The peculiarities of two forms of preliminary investigation according to the Criminal Procedure Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (RSFSR) of 1923: investigation and preliminary investigation are considered. The powers of the court were studied in the framework of the preliminary investigation. The role of the prosecutor in the organization of the preliminary investigation as well as his powers is analyzed. A conclusion about the primary role of the prosecutor in taking key procedural decisions by the investigator based on a system analysis of the provisions of the criminal procedure legislation, departmental legal acts is made. It was proved that the absence of a clearly defined criminal policy which influenced on the criminal procedure organization caused instability of the formed pre-trial procedure system. The main features of the pre-trial procedure organization in a given period have been identified which have affected the current state of the criminal procedure legislation. The shortcomings of the legal regulation of the preliminary investigation in a given historical period have been identified and have taken stock.

Keywords: an investigator, investigation commissions, pre-trial procedure, a preliminary investigation, militia, prosecutor's office.

Сформированный в период судебной реформы Александра II в Российской империи порядок досудебного производства по уголовным делам [1] просуществовал до установления в октябре 1917 г. власти партии большевиков. Новая власть Декретом о суде от 24 ноября 1917 г. упразднила институт судебных следователей. Расследование преступлений стали осуществлять специальные

комиссии при городских и районных советах, которые принимали итоговое решение по делу сообразно понятиям революционного правосознания.

Вместе с тем в Декрете о суде № 2 от 7 марта 1918 г. отмечалось: «Судопроизводство... по уголовным делам происходит по правилам судебных уставов 1864 г. постольку, поскольку таковые не отменены декретами ЦИК рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Совета Народных Комиссаров и не противоречат правосознанию трудящихся классов. В этом последнем случае в решениях и приговорах должны быть указаны мотивы отмены судом устарелых или буржуазных законов» [2, с. 469].

В условиях военного коммунизма допускались изъятия из основ уголовного судопроизводства 1864 г. В частности, участие защиты в стадии предварительного следствия могло быть ограничено по постановлению следственной комиссии, если того требовали интересы раскрытия истины (ст. 21 Декрета о суде № 2), обвинительный акт заменялся постановлением следственной комиссии о предании суду (ст. 22 Декрета о суде № 2).

Положением о едином народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г. [3] с целью обеспечения более организованной и успешной борьбы с преступностью была введена система следственных органов по участкам. В соответствии с принятым положением определенная территория разбивалась на следственные участки, в которых действовали следственные комиссии. Они состояли из трех человек (председателя и двух членов), которые избирались соответствующими Советами.

Исключительно коллегиально решались такие вопросы, как начало и окончание предварительного расследования, избрание, изменение или отмена меры пресечения. Материалы завершеного предварительного расследования направлялись в народный суд. В случае недостаточной мотивированности постановления следственной комиссии о предании суду или прекращении дела, народный суд отправлял дело «на доследование» (ст. 39).

Результаты дознания, проведенного органами милиции, отправлялись в народный суд, который был полномочен либо рассмотреть дело по существу, либо направить его для производства предварительного следствия в следственную комиссию. Однако практика коллегиального расследования вскоре показала свою неэффективность из-за необходимости постоянных разъездов всех членов следственной комиссии для принятия ключевых решений, определяющих движение уголовного дела.

Постановлением ВЦИК РСФСР от 28 мая 1922 г. принято Положение о прокурорском надзоре, которым в составе Народного комиссариата юстиции создана Государственная прокуратура [4].

П. 13 Положения о прокурорском надзоре возлагал на прокуратуру полномочия в части осуществления функции надзора за деятельностью народных следователей:

- надзор за производством дознания и предварительного следствия и дача указаний и разъяснений органам дознания и предварительного следствия по вопросу о мере пресечения, а равно и по другим, связанным с предварительным следствием вопросам;
- разрешение вопроса о предании суду и прекращении дел, поступающих к нему от органов дознания;
- утверждение обвинительных заключений следователей по всем делам, по которым производилось предварительное следствие, составление обвинительного акта и постановление о прекращении дела, в случаях несогласия прокурора с заключением следователя, с направлением таковых в распорядительное заседание суда для окончательного утверждения.

Несмотря на организационную принадлежность к судебной системе, следователи стали ограничены в процессуальной самостоятельности полномочиями прокуроров.

УПК РСФСР 1923 г. [5] установил детализированный порядок досудебного производства по уголовным делам, основанный на принципах социалистической законности. Досудебное производство по уголовным делам осуществлялось в форме дознания или предварительного следствия. Правом начала уголовно-процессуальной деятельности по сообщению о преступлении обладали:

- 1) органы дознания, по делам, отнесенным к их компетенции, либо по делам, по которым обязательно производство предварительного следствия с последующим уведомлением в течение суток следователя и прокурора;
- 2) прокурор, не обладавший полномочиями по непосредственному участию в производстве расследования, однако имевший право направить дело органу дознания, следователю или суду;
- 3) следователь, обязанный поставить в известность о начале предварительного следствия прокурора;

4) суд, обладавший правом передать дело для производства дознания или предварительного следствия либо принять его к своему производству (ст. 96 УПК РСФСР).

УПК (ст. 98) разделял собственно дознание, которое могло завершиться направлением дела прокурору и впоследствии в суд, и производство неотложных следственных действий по делам, по которым обязательно производство предварительного следствия. Производство дознания осуществлялось под надзором прокурора, которому органы дознания обязаны были сообщать обо всех процессуальных действиях (например, опросах подозреваемых и свидетелей, выемках, обысках, осмотрах и освидетельствованиях) и который мог давать органу дознания обязательные для исполнения указания (ст. 107 УПК РСФСР 1923 г.). Следователь ставился в известность о действиях органа дознания по делам, по которым предварительное следствие являлось обязательным (ст. 99 УПК РСФСР 1923 г.).

Прообразом современного института судебного контроля за кратковременным ограничением свободы подозреваемого стала ст. 104 УПК РСФСР. В соответствии с положениями рассматриваемой нормы суд, народный судья или следователь в течение 48 часов после поступления уведомления от органа дознания обязаны были либо подтвердить арест, либо отменить его.

Расследованию в форме предварительного следствия подлежали дела, подсудные губернским судам и трибуналам. По остальным делам предварительное следствие могло проводиться по предложению прокурора или на основании решения судьи (ст. 108 УПК РСФСР 1923 г.). Закон предоставлял следователю право признать произведенное дознание достаточно полным и не производить предварительное следствие. При этом следователь во всяком случае предъявлял лицу обвинение, допрашивал обвиняемого и составлял обвинительное заключение (ст. 109 УПК РСФСР 1923 г.).

УПК РСФСР 1923 г. подвел черту под оформлением порядка досудебного производства по уголовным делам в Советской России. Новый кодекс перенял положения УУС 1864 г. в части деления досудебного производства на дознание и предварительное следствие и более четко разделил две эти формы расследования. Сохранилось организационное отнесение следователей к судебной системе, что повлекло:

1) законодательное закрепление активной роли суда в принятии решений на этапе окончания предварительного следствия;

2) возложение на следователя обязанности полного и всестороннего расследования дела, установления как обвинительных, так и оправдательных обстоятельств;

3) самостоятельность следователя в принятии большинства процессуальных решений, в том числе связанных с заключением лица под стражу;

4) решение о предании обвиняемого суду принимается не представителем обвинительной власти, а судом, который проводит первичную оценку качества предварительного расследования.

Прокуратура приобретает широкие надзорные полномочия как в отношении дознания, так и в отношении предварительного следствия. Начало реализации функции уголовного преследования прокурором смещается на стадию предварительного расследования, где он вправе не только давать обязательные для исполнения указания, но и формулировать обвинение.

Таким образом, организация досудебного производства получила двойственную сущность: с одной стороны, производство дознания административными органами (милицией), с другой – производство предварительного следствия представителями судебной системы (народными следователями под надзором прокуратуры и активной ролью суда на этапе окончания предварительного следствия). Сложившаяся мозаичная система предварительного расследования была обусловлена переходным периодом в истории нашего государства, связанного с кардинальной сменой приоритетов, сложными процессами определения властью дальнейшего направления развития, что повлекло перестройку системы уголовного судопроизводства.

Отсутствие на этом этапе строительства государства четко выраженной уголовной политики, от которой зависела организация уголовного судопроизводства, привело к неустойчивости сформированной системы досудебного производства. В поисках оптимальной для существующей власти модели досудебного производства по уголовным делам стал актуальным вопрос о соотношении полномочий следователя и прокурора.

В результате руководством страны была принята позиция будущего прокурора СССР А. Я. Вышинского о придании следователю роли помощника прокурора в производстве следственных действий [6], которая стала последовательно реализовываться в законодательстве. К 1936 г. органы прокуратуры и следствия вышли из подчинения Народного комиссариата юстиции

и стали подчиняться исключительного прокурору Союза ССР. Таким образом, было завершено формирование системы следственных подразделений в органах прокуратуры.

Одновременно появились следственные подразделения и в системе органов внутренних дел. В 1934 г. был создан Народный комиссариат внутренних дел (НКВД), а также Главное управление государственной безопасности (ГУГБ), в структуре которого также были созданы следственные подразделения, ставшие активно расследовать дела о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-1а – 58-1г УК РСФСР, появившиеся в том же 1934 г. В дальнейшем при преобразовании структур НКВД/МГБ/МВД сохранялись полномочия по расследованию отдельных категорий уголовных дел.

Следует отметить, что в УПК РСФСР эти изменения не находили отражения, деятельность таких следственных органов регламентировалась ведомственными приказами. Безусловное подчинение следователей непосредственному начальнику, строгая система отчетности перед вышестоящим руководителем достаточно быстро привели к появлению «обвинительного уклона», так прочно укоренившегося в деятельности органов расследования на долгие годы. Предварительное следствие по многим уголовным делам в нарушение требований уголовно-процессуального законодательства упрощалось в угоду политическим интересам, права обвиняемых повсеместно не соблюдались. Например, по делам о контрреволюционном вредительстве и диверсиях предписывалось вручать обвинительное заключение обвинения лишь за сутки до начала судебного заседания [7].

В период 1928–1960 гг. досудебное производство по уголовным делам осуществлялось в двух формах: дознание (МВД) и предварительное следствие (органы прокуратуры и органы системы МВД). Отличительными признаками деятельности органов расследования рассматриваемого периода является:

- репрессивный характер уголовной политики государства, нашедший отражение в сворачивании состязательных начал уголовного судопроизводства и, как следствие, формирование законодательства по типу розыскной модели;
- максимальное упрощение и ускорение производства по уголовному делу, нацеленное на постановление обвинительного приговора;
- отсутствие объективной оценки результатов расследования прокурором, что было вызвано законодательным соединением в прокуратуре полномочий по производству предварительного следствия и надзору за его законностью;
- формальный надзор прокуратуры за действиями должностных лиц иных правоохранительных органов, ответственных за производство по уголовному делу;
- производство расследования широким кругом должностных лиц, вызванное ситуативным реагированием на возникающие проблемы в условиях периода политических репрессий, необходимостью ускоренного экономического развития, выполнением указаний руководства государства и событиями Второй мировой войны;
- номинальное участие защитника в производстве по уголовному делу, ограничение прав обвиняемых.

Библиографический список

1. Бедняков И. Л. Реформирование предварительного расследования преступлений по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. // Вестник Самарского юридического института: научно-практический журнал. № 3(25)/2017. С. 9–14.
2. Декреты советской власти. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. Т. 1.
3. Декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов «О народном суде Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» (Положение) // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 1195–1204.
4. Положение о прокурорском надзоре от 28 мая 1922 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1381000> (дата обращения: 24.09.2017).
5. http://www.pravo.by/ImgPravo/pdf/UPK_RSFSR_1923.pdf (дата обращения: 24.09.2017).
6. Смирнов А. В. Следователь в уголовном процессе Советской России в 1922–1928 гг. // 300 лет следственному аппарату России (1713–2013 гг.): сборник статей об истории следственных органов / под общ. ред. А. И. Бастрыкина; науч. ред. Д. О. Серова. М.: СК России, 2014. С. 256–263.
7. О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик: Постановление ЦИК СССР от 14 сентября 1937 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4116.htm (дата обращения: 29.09.2017).

References

1. Bednyakov I. L. Reformirovanie predvaritel'nogo rassledovaniya prestuplenii po Ustavu ugovnogo sudoproizvodstva 1864 g. [Reforming of preliminary investigation of crimes under the Charter of criminal proceedings of 1864]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta: nauchno-prakticheskii zhurnal* [Bulletin of the Samara law Institute: scientific and practical journal], no. 3(25)/2017, pp. 9–14 [in Russian].
2. Dekrety sovetsoi vlasti [Decrees of the Soviet government]. Moscow: Gos. izd-vo polit. literatury, 1957, vol. 1 [in Russian].
3. Dekret Vserossiiskogo tsentral'nogo ispolnitel'nogo komiteta Sovetov «O narodnom sude Rossiiskoi Sovetskoi Federativnoi Sotsialisticheskoi Respubliki» (Polozhenie) [The decree of the all-Russian Central Executive Committee of Soviets "On the people's court of the Russian Soviet Federative Socialist Republic" (Position)]. *Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii pravitel'stva za 1917–1918 gg. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR* [Meeting of legalizations and orders of the government in 1917–1918, the Management of the Affairs of the people's Commissars of the USSR]. Moscow, 1942, pp. 1195–1204.
4. Polozhenie o prokurorskom nadzore ot 28 maya 1922 g. [Regulations on public Prosecutor's supervision of may 28, 1922]. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1381000> (Accessed: 24.09.2017) [in Russian].
5. URL: http://www.pravo.by/ImgPravo/pdf/UPK_RSFSR_1923.pdf (Accessed: 24.09.2017) [in Russian].
6. Smirnov A. V. Sledovatel' v ugovnom protsesse Sovetskoi Rossii v 1922–1928 gg. [the Investigator in the criminal process of Soviet Russia in 1922–1928 years]. *300 let sledstvennomu apparatu Rossii (1713–2013 gg.): sbornik statei ob istorii sledstvennykh organov* [300 years to the investigation apparatus in Russia (1713–2013): a collection of articles about the history of the investigating authorities], in A. I. Bastrykin (ed.). Moscow: SK Rossii, 2014, pp. 256–263 [in Russian].
7. O vnesenii izmenenii v deistvuyushchie ugovno-protsessual'nye kodeksy soyuznykh respublik: Postanovlenie TsIK SSSR ot 14 sentyabrya 1937 g. [About modification of the existing criminal procedure codes of the Union republics: the resolution of the CEC of the USSR of September 14, 1937]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4116.htm (Accessed: 24.09.2017) [in Russian].

УДК 340

Беляков А. В.

кандидат юридических наук, доцент, зам. начальника кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в, e-mail: crimlaw@samlawin.ru

Alexey V. Belyakov

Candidate of Law, Associate Professor, deputy head of the criminal and penal executive law department, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022, e-mail: crimlaw@samlawin.ru

Адылин Д. М.

старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в, e-mail: crimlaw@samlawin.ru

Dmitry M. Adylin

senior lecturer of the criminal and penal executive law department, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022, e-mail: crimlaw@samlawin.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПОБЕГА ИЗ-ПОД НАДЗОРА

Аннотация. Лишение свободы является одним из наиболее жестких наказаний в системе мер государственного принуждения. Его карательная характеристика обусловлена как условиями отбывания наказания, так и социальной средой, в которой находится осужденный. Поэтому важным направлением профилактики пенитенциарной преступности является борьба с побегами из мест лишения свободы. Данное преступление – одно из наиболее распространенных в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Общественная опасность побега заключается не только в самовольном оставлении осужденным места отбывания наказания в виде лишения свободы, но и в возможности совершения новых преступлений.

В статье авторами проведено сравнение норм уголовного, уголовно-исполнительного права, характеризующих побег из-под охраны и из-под надзора, а также выделены их отличительные признаки. На основе проведенного исследования и изучения точек зрения ученых по поводу определения побега из-под надзора выделена авторская позиция данного понятия.

Ключевые слова: побег, надзор, охрана, места лишения свободы, осужденный, профилактика, пенитенциарная преступность.

REVISITING THE CONCEPT OF ESCAPE FROM SUPERVISION

Summary. Deprivation of liberty is one of the toughest sentences in the system of state coercion. Its punitive characteristics are due both to the conditions of serving the sentence and the social environment in which the convicted person is located. Therefore, an important area of prevention of penitentiary crime is the fight against escapes from prison. This crime-one of the most widespread in correctional facilities of criminal and Executive system of the Russian Federation. Public danger of escape is not only the absence without leave convicted the place of serving punishment in form of imprisonment, but in the possibility of committing new crimes.

In the article the authors compare the norms of criminal law, criminal Executive law, characterizing escape from protection and supervision, as well as their distinctive features. On the basis of the carried out research and studying of points of view of scientists concerning definition of escape from-under supervision the author's position of this concept is allocated.

Keywords: escape, supervision, protection, places of imprisonment, convict, prevention, prison crime.

Противодействие преступлениям, совершаемым в местах лишения свободы, является приоритетным направлением работы уголовно-исполнительной системы России (далее – УИС). Однако, несмотря на все усилия, преступления в силу объективных и субъективных причин все-таки совершаются.

Согласно статистическим данным в 2016 г. одним из наиболее распространенных преступлений, совершенных осужденными в исправительных учреждениях (далее – ИУ), остается побег из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи – 99 случаев, из которых 88 случаев является побег из-под надзора [1].

Обращаясь к проблеме предупреждения побегов из-под надзора, необходимо определиться с ключевой терминологией, что позволит более логично изложить последующий материал: некорректное использование специальных терминов может привести и к неверной правовой оценке ситуации на практике.

Так, в июле 2016 г. допущен побег осужденного с ШИЗО УКП при ФКУ ИК-5 УФСИН России по Хабаровскому краю. Данный осужденный в июне 2016 г. решением административной комиссии учреждения был признан злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания за ранее допущенный побег из-под надзора с этого же учреждения. Суд по рассмотрению изменения вида режима осужденному был назначен на июль 2016 г. [2]

Из данного примера следует, что в отношении осужденного, совершившего преступление – побег из-под надзора, применяют меры воздействия, предусмотренные УИК РФ, вместо привлечения его к уголовной ответственности. Возникает вопрос, что имели в виду сотрудники ИУ под побегом из-под надзора: нарушение режимных требований или уголовно наказуемое деяние?

Изложенное подтверждает необходимость исследования содержания понятия побега из-под надзора.

В уголовном праве понятия «побег из-под надзора» не существует. Наиболее близкими к таковому являются формулировка названия ст. 313 УК РФ «Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи». Содержание рассматриваемых противоправных действий раскрывается в части 1 данной статьи.

Помимо ст. 313 УК РФ близкими к рассматриваемой категории являются действия, запрещенные ст. 314 УК РФ «Уклонение от отбывания ограничения свободы, лишения свободы, а также от применения принудительных мер медицинского характера», где в ч. 2 описываются следующие действия: «Невозвращение в исправительное учреждение лица, осужденного к лишению свободы, которому разрешен выезд за пределы исправительного учреждения, по истечении срока выезда либо неявка в соответствующий орган уголовно-исполнительной системы лица, осужденного к лишению свободы, которому предоставлена отсрочка исполнения приговора или отбывания наказания, по истечении срока отсрочки».

Разделение рассматриваемого преступления на виды встречается в вышеупомянутом отчете по России о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в исправительных колониях, лечебных исправительных и лечебно-профилактических учреждениях УИС Минюста России, где, в частности, выделяют два вида побега: из-под надзора и из-под охраны [1].

Встречается исследуемое понятие и в специальной литературе, где словосочетание «побег из-под надзора» употребляется в следующем контексте: «побеги из-под надзора, совершаемые осужденными, отбывающими наказание в колониях-поселениях (участках колоний-поселений)» [3, с. 333; 4, с. 99].

Таким образом, в настоящее время существует несколько однородных терминов, между которыми необходимо определить границу.

Содержание рассмотренного выше отчета УИС позволяет предположить, что побег из-под охраны и побег из-под надзора являются видами деяния, предусмотренного ст. 313 УК РФ, а следовательно, в большинстве своем обладают одинаковыми признаками. По этой причине за основу определения категории «побег из-под надзора» необходимо взять уголовно-правовое понятие «побег».

В специальной литературе по данному вопросу ведется дискуссия.

А. Л. Жуйков отмечает, что побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи, совершенный лицом, отбывающим наказание или находящимся в предварительном заключении, – это самовольное незаконное преодоление любым способом линии охраны объектов [5, с. 10]. Однако данное определение не охватывает побег из-под надзора.

Б-Д. Д. Махаков считает, что побег из исправительного учреждения – это совершение побега лицом, подвергнутым государственному принуждению за совершенное им преступление, выражающееся в действиях, нарушающих порядок исполнения и отбывания наказания, нормальное осуществление уголовного судопроизводства, а также в реализации намерения уклониться от претерпевания государственного принуждения [6, с. 6]. Исследуемое определение составлено по схеме побег – это побег, что противоречит правилам логики, а его содержание не позволяет до конца раскрыть сущность изучаемого понятия. Излишне широкий подход автора стирает границы между преступлениями, предусмотренными ст. ст. 313 и 314 УК РФ.

В. М. Гаврилой определен побег «как тайный, скрытый, ухищренный, а также очевидный способ оставления осужденным исправительной колонии, уход за ее пределы без оказания кого-либо воздействия на лиц, осуществляющих исполнение наказания, охрану, иных сотрудников или сопряженный с применением насилия, угроз применения насилия, оружия или предметов, используемых в качестве оружия, нападением на охрану и завладением транспортными средствами, оружием, одеждой, документами, причинением вреда здоровью сотрудникам и другим лицам либо убийством их» [7, с. 9]. Данное определение представляется излишне перегруженным перечислением зачастую противоречивых признаков.

Наиболее приемлемым считаем определение побега как противоправного самовольного оставления лицом, отбывающим наказание, места лишения свободы или мест изоляции осужденным, подозреваемым или обвиняемым в совершении преступлений [8, с. 142–143].

Содержание ст. 313 УК РФ в зависимости от места исполнения государственного принуждения позволяет выделить три вида побегов: из мест лишения свободы; из мест исполнения уголовного наказания в виде ареста; из-под стражи. В настоящей работе предметом внимания является первый из перечисленных видов.

Ранее уже указывалось, что следует различать побег из-под охраны и побег из-под надзора. Возникает закономерный вопрос: «В чем же разница?» Например, в сентябре 2016 г. в ФКУ КП-2 УФСИН России по Тамбовской области при выполнении команды «Подъем» в 06.00 было установлено отсутствие осужденных, которые покинули расположение учреждения, преодолев основное ограждение путем «подлаза» под воротами шлюза смежной производственной зоны [2]. В июле 2017 г. из ФКУ ИК-4 УФСИН России по Пензенской области совершил побег Нематов Шавкат Мамаражабович, 1990 г. р., осужденный за совершение преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 162 УК РФ и ч. 1 ст. 105 УК РФ, к наказанию в виде 13 лет лишения свободы в колонии строгого режима. Заключенный покинул пределы исправительного учреждения через контрольно-пропускной пункт, предъявив чужие документы [9]. В обоих случаях осужденные к наказанию в виде лишения свободы незаконно покинули пределы ИУ. Однако определить, в каком случае был побег из-под надзора, а в каком – из-под охраны, исходя из объективной стороны рассматриваемых действий очень сложно.

Отвечая на поставленный ранее вопрос, следует отметить, что отличие определяется словами «охрана» и «надзор». Оба эти понятия содержатся в определении режима (ч. 1 ст. 82 УИК РФ). Исследование уголовно-исполнительного законодательства позволяет сделать вывод, что в зависимости от порядка исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы закон не во всех случаях предусматривает необходимость обеспечения охраны, а надзор обеспечивается всегда.

Так, в ч. 1 ст. 129 УИК РФ указывается, что в колониях-поселениях осужденные к лишению свободы содержатся без охраны, но под надзором администрации колонии-поселения. Также следует отметить, что в соответствии с ч. 3 ст. 121 УИК РФ и гл. XXV Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных Приказом Минюста России от 16.12.2016 № 295 (далее – ПВР ИУ), осужденным, отбывающим наказание в облегченных условиях, в целях успешной социальной адаптации по их заявлению на основании постановления начальника исправительной колонии за шесть месяцев до окончания срока наказания разрешается проживать и работать под надзором администрации исправительной колонии за пределами исправительной колонии. К категории осужденных, находящихся под надзором, можно отнести лиц, указанных в ч. 1 ст. 96 УИК РФ. В данной норме нет прямого указания на их нахождение под надзором, однако формулировка «может быть разрешено передвижение без конвоя или сопровождения за пределами исправительного учреждения» позволяет по аналогии сделать именно такой вывод.

Определение побега связано с незаконным оставлением определенного нормами права места нахождения осужденного, к которым в рассматриваемом виде противоправного деяния следует отнести:

- место работы за пределами ИУ (ч. 1 ст. 96 УИК РФ, п. 177 ПВР ИУ);
- общежитие за пределами ИУ (ч. 4 ст. 96 УИК РФ);
- установленные администрацией ИУ маршрут и время передвижения (п. п. 176, 177 ПВР ИУ);
- в часы от подъема до отбоя пределы колонии-поселения (п. «а» ч. 2 ст. 129 УИК РФ);
- вне колонии-поселения, но в пределах муниципального образования, на территории которого расположена колония-поселение (п. «а» ч. 2 ст. 129 УИК РФ);
- арендованная или собственная жилая площадь, находящаяся в пределах колонии-поселения или муниципального образования, на территории которого расположена колония-поселение (п. «б» ч. 2 ст. 129 УИК РФ).

Изложенное позволяет выделить два ключевых признака побега из-под надзора: нахождение в соответствии с законом осужденного в правовом положении под надзором; самовольное оставление осужденным, находящимся под надзором, установленного нормами права места отбывания наказания.

Таким образом, побег из-под надзора следует определить как противоправное самовольное оставление осужденным, отбывающим лишение свободы в колониях-поселениях, содержащихся на облегченных условиях в исправительных колониях общего режима, освобожденных из-под стражи, пользующихся правом передвижения без конвоя, установленного нормами права места отбывания наказания.

Библиографический список

1. Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в исправительных колониях, лечебных исправительных и лечебно-профилактических учреждениях УИС за 2016 г. Форма 16 УИС [Электронный ресурс] // СтатАналитик (дата обращения: 30.08.2017).
2. Информационное письмо ФСИН России «О недостатках в организации режима и обеспечении надзора за осужденными в исправительных учреждениях в 2016 г.» от 01.03.2017 исх. 03-12351.
3. Пенитенциарная криминология: учебник / под ред. Ю. М. Антоняна, А. Я. Гришко, А. П. Фильченко. Рязань, 2009. 566 с.
4. Кириллов М. А. Побег осужденных как один из проблемных аспектов при организации надзора в колониях-поселениях и на участках колоний поселений // Прикладная юридическая психология. 2016. № 4. С. 98–102.
5. Жуйков А. Л. Уголовная ответственность за побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. 214 с.
6. Махаков Б.-Д. Д. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с побегами из мест лишения свободы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 271 с.
7. Гаврилой В. М. Криминологические меры предупреждения побегов из исправительных колоний: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2007. 274 с.
8. Юридический словарь для сотрудников пенитенциарной системы / под ред. А. В. Малько и Р. А. Ромашова. 2-е изд, испр. и доп. М.: Юрлитинформ, 2014. 248 с.
9. Официальный сайт прокуратуры Пензенской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.procpenza.ru/news/2017/07/21/19245006> (дата обращения: 30.08.2017).

References

1. Otchet o sostoyanii prestupnosti sredi lits, sodержashchikhsya v ispravitel'nykh koloniyakh, lechebnykh ispravitel'nykh i lechebno-profilakticheskikh uchrezhdeniyakh UIS za 2016 g. Forma 16 UIS [Report on the state of crime among the persons detained in penal colonies, medical correctional and medical institutions of the penal correction system for 2016 Form 16 UIS]. *StatAnalitik* [Statisticality] (Accessed: 30.08.2017) [in Russian].
2. Informatsionnoe pis'mo FSIN Rossii «O nedostatkakh v organizatsii rezhima i obespechenii nadzora za osuzhdennymi v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh v 2016 g.» ot 01.03.2017 iskh. 03-12351 [Information letter of the Federal penitentiary service of Russia "About the shortcomings in the organization and provision of supervision of inmates in correctional institutions in 2016" from 01.03.2017 ex. 03-12351] [in Russian].
3. Penitentsiarnaya kriminologiya: uchebnik [Penal criminology]. In Yu. M. Antonyan, A. Ya. Grishko, A. P. Fil'chenko (ed.). Ryazan', 2009, 566 p. [in Russian].
4. Kirillov M. A. Pobegi osuzhdennykh kak odin iz problemnykh aspektov pri organizatsii nadzora v koloniyakh-poseleniyakh i na uchastkakh kolonii poselenii [Escapes convicts as one of the problematic aspects in the organization of supervision in the colonies-settlements and colonies of settlements]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied legal psychology], 2016, no. 4, pp. 98–102 [in Russian].
5. Zhuikov A. L. Ugolovnaya otvetstvennost' za pobeg iz mesta lisheniya svobody, iz-pod aresta ili iz-pod strazhi: dis. ... kand. yurid. nauk [Criminal responsibility for escaping from places of imprisonment, from arrest or custody. Candidate's of Law thesis]. N. Novgorod, 2008, 214 p. [in Russian].
6. Makhakov B.-D. D. Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie mery bor'by s pobegami iz mest lisheniya svobody: dis. ... kand. yurid. nauk [Criminal-legal and criminological measures to combat escapes from prison. Candidate's of Law thesis]. Moscow, 2000, 271 p. [in Russian].
7. Gavriloi V. M. Kriminologicheskie mery preduprezhdeniya pobegov iz ispravi-tel'nykh kolonii: dis. ... kand. yurid. nauk. [Criminological measures of prevention of escapes from correctional colonies. Candidate's of Law thesis]. Ryazan', 2007, 274 p. [in Russian].
8. Yuridicheskii slovar' dlya sotrudnikov penitentsiarnoi sistemy [Legal vocabulary for employees of the penitentiary system]. In A. V. Mal'ko, R. A. Romashov (ed.). 2-e izd, ispr. i dop. Moscow: Yurlitinform, 2014, 248 p. [in Russian].
9. Ofitsial'nyi sait prokuratury Penzenskoi oblasti [The official site of Prosecutor's office of Penza region]. URL: <http://www.procpenza.ru/news/2017/07/21/19245006> (Accessed: 30.08.2017) [in Russian].

УДК 340

Вележев С. И.

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в, e-mail: science@samlawin.ru

Sergey I. Velezhev

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of criminal and penal law department, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022, e-mail: science@samlawin.ru

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ В ПРОЦЕССЕ СОЦИОГЕНЕЗА

Аннотация. Статья посвящена вопросу роли социальной нормы в процессе развития личности, общества, норме как «объективно необходимых правил совместного человеческого бытия». Социальные нормы рассматриваются как регуляторы в социальной организации, в отношениях между людьми, как правила их социального взаимодействия в историческом процессе, в развитии и функционировании общества на разных этапах. Показывается, что социальная норма – это единые однообразные правила поведения к должному существованию человека в конкретном обществе. Через этапы исторического развития установления нормативных правил поведения в обществе прослеживается соотношение индивидуальных интересов и интересов общества. В статье делается ссылка, что социальные нормы – это не просто правила поведения, это еще и специфические системные связи, обеспечивающие прогрессивное развитие всей социальной организации. Как в любом объекте исследования, в социальной норме указываются признаки данного феномена, а именно социальность (данный признак показывает, каким должно быть поведение индивида по требованию общества), типичность (общие правила поведения для всех членов общества в различных типичных ситуациях), сочетание объективности и субъективности (в процессе исторического развития нормы появляются объективно, но содержание их зависит от воли людей), культурная обусловленность (содержание норм соответствует типу исторической эпохи). В статье указаны и анализируются этапы появления социальных норм, напрямую связанных с формированием социальной организации у человека, и что возникновение этого феномена свидетельствовало о том, гоминид превратился в человека, имеющего не только биологические, но и социальные признаки.

Ключевые слова: социальная норма, мономорма, социогенез, индивидум, общественное сознание, социальность, типичность, культурная обусловленность, социальный отбор, первобытное общество.

ROLE OF SOCIAL NORMS IN THE COURSE OF SOCIOGENESIS

Summary. The article examines the role of the social norm in the process of the person's development, society as well as the norm as objectively rules necessary for the joint human being. Social norms are examined as social organization regulators between people and rules for their social interaction in historical process, development and functioning of society at different stages. The social norm demonstrates a uniform monotonous rules of behavior for the proper existence of a person in a particular society. The establishment of normative rules of behavior in society, the relationship between the individual and the interests of society is traced through the stages of the historical development. The article refers to the fact that social norms are not just rules of behavior, they are also specific system-based links that ensure progressive development of the entire social organization. As any object of research in the social norm, the signs of this phenomenon are pointed out, sociality (it is the sign that demonstrates what kind of person's behavior should be at the request of society), typicality (general rules for all members of society in various typical situations), a combination of objectivity and subjectivity (in that in the course of historical development norms appear objectively, but their content depends on the people's will), cultural conditioning (the content of norms corresponds to the type of historical era). The stages of the social norms appearance that are directly related to the formation of social organization in humans and the occurrence of this phenomenon testified hominids turned into a man having not only biological, but social features are listed and analyzed in this article.

Keywords: social norm, mononorm, sociogenesis, an individual, social consciousness, sociality, typicality, cultural conditioning, social selection, primitive society.

В юриспруденции норма чаще всего рассматривается и формулируется как «объективно необходимые правила совместного человеческого бытия». При этом социальная норма всегда направлена на регулирование отношений, возникающих в процессе функционирования общества и достижения нужного поведения его членов.

Социальная норма представляет собой не что иное, как меру положительного, полезного поведения в обществе, целью которого является достижение определенного результата, необходимого социальной организации личности. Но нужно заметить, что при таком понимании регулирования общественных отношений практически невозможно провести различия между социальными и техническими нормами, то есть такое понимание не содержит необходимых отличительных признаков изучаемого явления. В данном случае, наверное, важна не общественная полезность, а сфера проявления – то есть та область, которая связана с отношениями между людьми. Социальные нормы представляют собой общие правила и формы социального взаимодействия между людьми, которое возникает в процессе развития и функционирования общества на различных исторических этапах.

Социальная норма – это общие правила к должному существованию человека в конкретной социальной организации, что требует от конкретной личности сверить каждый свой поступок, каждое свое намерение с требованиями окружающих, коллектива, общества. Другими словами, дает возможность сверить свои желания и возможности с ограничивающей каждого индивида необходимостью, которая определяется для личности коллективом, обществом. В качестве общеобязательного правила избирается такой вариант поведения, который бы не нарушал интересов участников отношения и общества в целом. На данном принципе и строятся правила регулирования отношений в обществе.

Через этапы исторического развития установления нормативных правил поведения представляется возможным проследить соотношение индивидуальных и общественных интересов. Эти нормативные правила поведения представляют собой диалектическое единство общественного и индивидуального начал. Они составные части, во-первых, всего общественного сознания, во-вторых, конкретно-личного, в-третьих, они практический итог, результат сравнения конкретным индивидом своих личных установок в жизни с правилами, требованиями, установками, предписаниями, установленными в данной социальной группе, организации, обществе, наконец. Нормативные правила поведения являются результатом взаимодействия субъективных и объективных факторов, индивидуальных желаний, потребностей и общественных возможностей. При этом определяются всеобщие наиболее результативные правила поведения. Правила – это уже результат, фактически закрепляющий сложившиеся в обществе отношения, равно как и фактически сложившиеся в обществе отношения. Это представления людей о нужном, необходимом и о тех ценностных ориентирах, которые необходимы для регулирования отношений.

Нужно понять, что социальная норма – это не просто общеобязательные установления для существования конкретной личности в обществе, это внутренние структурные связи, направленные на достижение целостности, надежности, результативного функционирования и дальнейшее развитие всей социальной организации как системы. Представляется, что с помощью единых всеобщих правил становится возможным добиться единого порядка в отношениях, существующих в обществе, объединить множество индивидуальных интересов при достижении коллективных целей и результатов.

При исследовании социальной нормы, как и любого явления, необходимо выявить и указать ее признаки. К таким признакам можно отнести следующие:

- социальность – этот признак показывает, каким должно быть поведение личности с точки зрения общественных интересов, его требования к этому поведению в каждой конкретной ситуации;
- типичность – установления или правила поведения, рассчитанные на неоднократное использование, которые регулируют отношения, возникающие в различных типичных ситуациях.
- сочетание объективности и субъективности – в процессе исторического развития обществ социальные нормы возникают объективно, но содержание их зависит от воли и сознательной деятельности людей;
- культурная обусловленность – содержание нормативных установлений соответствуют типу исторической эпохи, типу культуры и социальной организации в обществе.

Внутреннее содержание социальной нормы представляет собой матрицу или план предполагаемых будущих действий, который основывается на знании общих законов развития и существования природы и общества. Указанные в ней правила поведения, установления ведут к эффективному и целенаправленному способу реализации стоящих перед индивидом задач и целей, в том числе перед социальными группами или общества в целом. Необходимо отметить, что любое нормативное установление всегда связано с действием индивида как участника отношений, суще-

ствующих в обществе. Социальная норма является не только нормативным предписанием, требованием к соответствующему поведению, она часто может предполагать информацию или сведения о возможных санкциях нарушения или невыполнения установленного требования, обязанности и т. д. Нужно отметить в связи с этим то, что большая часть социальных норм имеет полифункциональный характер, детерминированный природой всей нормативной системой общества. Эта система выполняет две основные функции регулирования общественных отношений: во-первых, закрепление, укрепление и развитие системных связей, во-вторых, обеспечение безопасности устанавливаемых и стимулируемых к совершенствованию отношений.

Осуществление первой из указанных выше функций вызывает необходимость обозначения и формулировки этого требования, выявления эффективной и необходимой формы поведения, а также предполагает ссылку на типичные случаи, при которых этими требованиями и установлениями следует руководствоваться. В этом понимании нормативное установление может рассматриваться как установленное правило поведения. Но в реальной жизни социальные нормы будут реализованы только в случае наличия реальной возможности их материально-организационного обеспечения. Должна существовать эффективная и реальная материальная и организационная система средств, обеспечивающих реализацию, воплощение в жизнь содержащегося в предписании требования относительно правила поведения. В данном случае повышается роль второй из вышеупомянутых функций – охранительной, или функции, обеспечивающей безопасность, которая вызывает необходимость наличия особой системы мер для воздействия на объект социального регулирования. В этом случае нормативное предписание как регулятор поведения людей в обществе содержит в себе информацию о санкциях, которые последуют в случае несоблюдения (соблюдения) установленного требования к поведению, то есть установленных правил, информацию о мерах по обеспечению его реализации, то есть оно должно включать социальные меры принудительного воздействия.

Нужно отметить, что наличие меры принудительного воздействия не должно рассматриваться упрощенно. В частности, это воздействие не должно рассматриваться как фактическое утверждение о том, что налагается или будет наложено наказание. Нужно отметить, что не каждое нарушение сопровождается принудительным воздействием. «Кроме того, отождествление санкции с фактическими утверждениями привело бы к тому, что нормы оказались сведенными к фактическим утверждениям. Такая редукция не может быть оправдана. Нормативные и фактические утверждения имеют различные функции» [1, с. 61]. Первостепенная задача нормативного предписания не в описании определенного правила поведения или результатов невыполнения (выполнения) этого требования к поведению, а в определении этого поведения.

Нужно заметить, что следование нормативным предписаниям решается двумя путями:

во-первых, включением в структуру системных связей общества и социального контроля, то есть использование различных принудительных мер воздействия (санкций) к субъектам общественных отношений, взаимодействующим между собой;

во-вторых, когда внешние требования путем переосмысления становятся внутренней потребностью, привычкой индивида. Появление внутренней потребности, привычки происходит в процессе социализации личности.

И в первом, и во втором способе решения этого вопроса установленные правила поведения – предписания – предполагают наличие принудительных мер воздействия (санкций), то есть неких наказаний, и эти последствия, как правило, носят социальный характер. Сфера действия нормативных предписаний измеряется границами признающей их социально организованной группы и способами институализации. Социальные нормы могут иметь всеобщее действие, относящееся в равной мере к каждому члену социально организованной группы, включенному в соответствующую систему связей, и конкретное действие, относящееся к регулируемому виду социальной деятельности или регулирующее действия конкретной личности, замещающей определенную статусную позицию или выполняющей определенную социальную роль.

Возникновение первых норм, устанавливающих правила поведения, связано с появлением у человека социальной организации – род, племя и т. д. Их появление показывает то, что первобытное существо превратилось в человека – существо, уже обладающее социальными признаками. На данном этапе человеческого развития в процессе эволюции первостепенное значение приобретает социальный отбор, а роль биологического естественного отбора как регулятора взаимоотношений снижается. Выбор наиболее эффективных социальных организаций в противоположность естественному стихийному отбору – специфическое человеческое социальное явление. В перво-

бытном мире биологический естественный отбор происходит не между различными социально организованными группами, а внутри стадных объединений. Гоминиды разделяются в стадных объединениях на более сильных и доминирующих и слабых, при этом более сильные защищают свои жизненные интересы, особенно самок, потому что только самые сильные получают возможность производить потомство – в этом суть биологической естественной эволюции.

Первоначально складывающиеся в первобытном обществе правила поведения были направлены на удержание отдельных индивидов от нежелательных поступков. Но с развитием средств производства, с получением большего количества материальных благ внутритадные связи начинают рваться. Результатом этого процесса стало нарушение биологического равновесия между стадным объединением и конкретной личностью, между общественным и индивидуальным, а это, естественно, отразилось на взаимоотношениях внутри стада. Наши первобытные предшественники в целом как вид в новых сложившихся условиях с учетом необходимой целесообразности и веления времени сумели найти выход из сложившейся ситуации и сформировали «искусственные регуляторы отношений».

Итогом формирования новых регуляторов отношений стало появление первых правил поведения, которые носили уже надбиологический, социальный характер. В данном случае можно сказать, что это был определяющий и исходный момент выхода гоминида из стадного состояния и появления человека. Однако нужно отметить то, что естественное обусловленное признание доминирующего положения сильного еще сохранялось, хотя общая тенденция изменилась.

Складывающиеся в первобытном стаде новые регуляторы поведения в виде запретов и ограничений были направлены на предупреждение физических побуждений отдельных особей, составляющих общность. При этом нужно заметить, что новые правила поведения были основаны не на механизме естественно-биологических ограничений. Принципиальным было то, что новые правила поведения (запреты и ограничения) касались уже всех членов социальной организации, а не только слабых, как в стаде.

Постепенно с развитием социальной организации, по мере совершенствования орудий производства стали рождаться более обширные и монолитнее организованные, чем первобытное стадо, общности людей – род, что представляет собой сложившееся в результате многовекового эволюционного процесса, основанное на кровном родстве объединение людей, имеющих общую собственность и ведущих совместное хозяйство. На определенном этапе развития социальной организации возникает необходимость регулирования повторяющихся изо дня в день актов производства, распределения и обмена продуктов. Появилась потребность в том, чтобы каждый индивид подчинялся общим правилам, и эти правила стали выражаться в обычаях, которые затем становятся нормативными предписаниями.

Конечно, совершенствование орудий труда, укрепление связей по обмену излишками произведенного, то есть торгово-экономические отношения являются материальными предпосылками зарождения и появления социальных норм, одними из важнейших, но не единственными: существовали и другие. Такими предпосылками стали и культурные отношения, и вопросы воспроизводства рода, когда не допускались половые отношения между женщиной и мужчиной одного рода, и др. Все это создавало условия для своего рода социальных контактов с соседней группой и соответственно строительства системы коммуникаций: обмен женщинами, имуществом или вещами (дарами) и т. д. [2, с. 40]. Это требовало определенных правил, регулирующих данные отношения, включая запреты, ограничения и проч.

Те выработанные правила, регулирующие отношения в социальной группе, которые приводили к положительным результатам, многократно повторяясь, становились общими правилами поведения, то есть обычаями. Обычаи обобщали и закрепляли повторяющиеся изо дня в день акты производства, распределения и обмена товаров и продуктов, ритуальные акты, то есть выработанные веками наиболее нужные, необходимые и эффективные для общества возможные правила поведения, которые отражали интересы всей социальной группы, общества. Такими правилами, одобренными моралью, всей социальной группой, а впоследствии и религией, были в первобытном социуме нормы, определявшие порядок присвоения, обобществления и распределения добытого членами социальной группы продукта, которые воспринимались как наиболее правильные и справедливые с точки зрения всех ее членов.

Таким образом, постепенно на протяжении продолжительного времени сформировался феномен социальной нормы, в основе возникновения которой лежали социальные, производственные, биологические, хозяйственные, торгово-экономические, религиозно-обрядовые и другие

предпосылки. При этом нужно отметить, что эти правила появились из желания и воли людей проживать вместе в единой социальной группе и существовать и действовать сообща.

Первоначальные нормативные представления, установления, правила стали возникать в период среднего палеолита, а в позднем появились уже более или менее сформировавшиеся правила поведения в стаде, верования и связанные с ними магические ритуалы, сопровождаемые верой в веление сверхъестественных сил, а впоследствии в божественное их происхождение. Вера в происхождение правил свыше по представлениям людей обеспечивала им благополучие и безопасность, защиту от других групп, различных природных явлений, которые несли смерть и разрушение. Рождаемые верованиями и условиями жизнедеятельности людей первобытные обычаи затем наполнялись идеологическим содержанием в виде преданий, верований, сказаний, осознаваясь как установленные правила поведения, в основном как веление свыше.

Нужно отметить, что в указанный период спектр норм, регулирующих социальные отношения в первобытном обществе, во многом определялся особенностью социальной регуляции самого этого периода развития общества. В первобытном обществе все требования к поведению индивида в социальной группе составляли одну общую массу правил, ограничений, ритуалов, запретов и в значительной мере они носили индискретный характер, включающий в себе и мораль, и этикет, и зачатки нормативных установлений, и религиозные веления. Подобного рода нормативные установления было предложено называть специалистом по этнографии А. И. Першицом слитными первобытными моонормами. По мнению ученых, такие индискретные нормы начали разделяться только в эпоху разложения первобытного общества и появления социальной организации, связанной с разделением на классы.

Данная система регулирования отношений в обществе была направлена на сохранение рода, племени и обеспечение оптимального функционирования. Она отличалась слитностью, твердостью, суровостью, а порой и жесткостью, не предполагала развития творческой инициативы отдельных членов социальной группы и их самостоятельности.

Естественно-природный характер социальных норм первобытного общества, которые возникли как необходимый итог осознанного опыта многих поколений, исключал потребность на тот момент в письменном закреплении выработанных правил, то есть в писаном праве как во внешнем формализованном нормативном регуляторе.

Можно сказать, что нормативное социальное регулирование существовало в обществе, еще не имеющем государства и разделения на классы. Социальное регулирование возникло с появлением первых примитивных форм социальной организации. При этом и в обществе, не имеющем государственности и разделения на классы, и в политически организованном обществе действие нормативных предписаний осуществлялось весьма разнообразно. Они могли реализовываться на заинтересованности в достижении необходимого результата, достижении необходимой цели, в осознании необходимости выполнения установленных правил с точки зрения их целесообразности, на авторитете главенствующего и, наконец, просто на животном чувстве боязни за собственную жизнь. Сама мотивация поступков, направленных на выполнение установленных правил, имеет большое значение для существования регулятивной системы, ее неизменяемости и продолжительности действия.

На разных исторических этапах процесса эволюции общества главенствующими могли быть разные предпосылки и мотивы, что, естественно, предопределяло специфику системы регулирования общественных отношений правовыми методами. Но нужно отметить, что в понимании субъекта общественных отношений всегда нормативные установления были связаны с предоставлением ему, субъекту отношений, определенных возможностей, с введением ограничений и объективно присущей общественной жизнью. Это была своеобразная дань за существование в социальной группе, так как жить в обществе и быть свободным от его правил невозможно.

На начальном этапе зарождения и развития общественных отношений в качестве внешней силы, обеспечивающей осуществление нормативных установлений, первоначально рассматривалась сила волеустановления свыше, божественное начало. Для всех народов на начальных периодах развития характерно представление о божественном происхождении всего земного, всего живого и неживого. И исходя из этого каждый поступок, каждое действие или высказывание, направленное против этого постулата, становится не только его нарушением, но и греховным – оскорблением чувств верующих и бога. Таким образом, социальные нормы и их система на начальном своем этапе во многом неразрывно связаны с религиозными взглядами о божественной основе происхождения всего земного. Поэтому многие действия в обществе требовали особых ре-

лигиозных церемоний, участия в них религиозных представителей: будь то заключение договора, заключение брака и т. д.

В социальном регулировании отношений первобытного общества, представлявшем собой нерасторжимое единство и биологических, и производственных, и моральных, и религиозных, и обрядово-ритуальных требований, уже обозначалась его внутренняя структура. Система социального регулирования, складывающаяся из нормативных установлений, уже отличалась особенностями по своим регулятивным свойствам, потому что в ней намечалась дифференциация различных запретов, дозволений, позитивных обязываний на мораль, этику, религиозные нормы, право. Эволюция нормативного сознания в эпоху разложения первобытного строя и установления классового общества характеризуется процессом разделения этой сферы культуры. В этот период развития общества начинается процесс постепенного перехода наиболее нужных, необходимых в социальном плане правил поведения в предправовые нормы.

Рассматривая вопросы, связанные с изменениями в социальном регулировании, необходимо указать на два решающих фактора, вызвавших важные изменения в развитии общества. Первый фактор – материальный: развитие орудий производства, освоение новых технологий производства материальных ценностей и тем самым появление избыточного продукта, появление возможности торговли избыточным продуктом, появление рынка и экономической свободы. Вторым фактор – гуманитарный: отделение человека от «общего», приобретение им свободы личности, самостоятельной творческой деятельности и индивидуальности. Но в связи с этим появилась необходимость создания и развитие в обществе инструментов, целью и задачей которых было бы обеспечение свободы и индивидуальности личности, а также институтов общественно-политической жизни (утверждение народовластия, демократии).

В эпоху первобытного общества, когда произведенный продукт обобществлен, при имущественном равенстве и кровнородственных связях в роде, племени не могли создаваться те условия, которые были бы основой противоречий личных и общественных интересов, которые постоянно толкали бы лицо нарушать чужие интересы. Поступки, которые были направлены против интересов всей социальной организации, были редкостью, а когда случались, становились делом всего общества. С развитием частной собственности на средства производства и разделением общества на классы, с появлением неравенства из противоречия интересов возникали конфликты, из конфликта – нарушение установленного порядка. Старые родовые инструменты социального регулирования уже не соответствовали требованиям времени и не могли играть существенной роли в предупреждении и устранении нарушений, а новых регуляторов и механизмов еще не было.

Родовые инструменты регулирования имели ограниченный характер, так как их воздействие было направлено на группу людей, связанных общим происхождением, и поэтому пока нарушения правил – обычая здесь было только для этой группы людей. Развитие общества, средств производства, рыночные отношения по мере их развития объединяют людей на новой основе, не ограниченной рамками отдельного рода, и закрепление новых отношений и их охрана приобретает общественное значение. Охрана новых отношений осуществляется уже не с помощью правил поведения, установленных первобытной организацией, а посредством установления общих правил поведения, обязательных для всех членов общественного образования.

С образованием политико-правовой системы, когда появляется право и основные социальные регуляторы принимают правовую форму, очень важное, а подчас и решающее значение приобретает религиозное присутствие, становится необходимым религиозное санкционирование. Ярким примером тому служит Древний Рим, где вся масса правил должного поведения была поставлена под защиту религии, а главная верховная группа жрецов выполняла и юридические функции по толкованию официальных норм как в общем плане, так и в конкретных случаях (казусах).

Постепенно право в общем, а нормы в частности стали приспосабливаться к существующим проблемам и к тому образу жизни, который на данный момент сложился, и поэтому из общей массы стало выделяться светское право, противопоставляемое божественному. Вследствие этого происходит возвращение к религиозно-правовым нормам чисто религиозного характера, то есть происходит дифференциация правовых норм и религиозных норм.

В период разложения первобытного строя и образования государства, появления классового общества, когда начинает развиваться право, каждый индивидуум уже сам может себя защищать от всякого рода нарушений его прав и интересов. Первоначальной и простой действенной формой защиты своих прав и интересов было индивидуальное выяснение отношений с нарушителем, то есть «самосуд». Но слабые не могли себя защитить, и поэтому для самозащиты они искали

помощи у авторитетной общественной власти, которая существовала во всякой социальной организации: совет старейшин, религиозные деятели, хранители опыта племени, которые были своего рода предтечей органов принуждения и регулирования, то есть суда как государственного установления.

По мере зарождения, развития, становления и укрепления органов государственной власти прежняя авторитетная общественная власть при рассмотрении нарушений сменяется судом, более авторитетным и сильным органом политически организованного общества. В этот период происходит противоборство правил старого порядка с новым возникающим специальным регулятором отношений – правом, которое появляется из складывающихся новых обыкновений, фиксируемых судом (в своих решениях) и новой властью (в своей административно-судебной практике). Судебный путь возникновения права был, по мнению Я. М. Магазинера, всеобщим: «У всех народов раньше, чем развилось определение правовых норм путем законодательства, эти нормы отыскивались, а иногда творились путем судебных решений» [3, с. 107].

Можно сказать, что вследствие тех изменений, которые произошли в социальном устройстве общества, под требованием нового нарождающегося общественного уклада, выросшего из частной собственности и борьбы и разногласия интересов властителей и подвластных, появилась потребность точно установить, разграничить и зафиксировать их интересы и определить под особую правовую и государственную охрану право каждого, следовательно, возникает право как нормативный социальный регулятор.

Все рассмотренное выше позволяет прийти к следующим обобщениям и выводам. Во-первых, необходимо отметить, что социальная норма представляет собой нормированное установление, представляющее определенные требования к должному существованию человека в конкретной социальной организации. Кроме того, социальная норма выступает одновременно средством фиксации и основанием реализации должествования. Это позволяет конкретному лицу соотнести свои поступки, каждое действие и намерение с требованиями общества. Иными словами можно сказать, что он должен осознать свои потребности и возможности с ограничивающей их необходимостью, которая определяется для индивида обществом. Во-вторых, феномен социальной нормы показывает, как с ее помощью можно достичь единого порядка в регулировании общественных отношений, объединить массу личных интересов при достижении значимых в общественном плане задач и целей и получении необходимых результатов. И наконец, в-третьих, нужно указать, что нормативное социальное регулирование существовало еще в обществе, не имеющем государственного устройства и не разделенном на классы. Оно возникло с появлением первых простых форм социальной организации. Также следует отметить, что в обществе, не имеющем государственного устройства, и в политически организованном обществе инструменты обеспечения реализации социальных норм весьма разнообразны и основаны на различной мотивации.

Библиографический список

1. Ивин А. А. Логика норм. М., 1973. 121 с.
2. Назаретян А. П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры (Синергетика исторического процесса): курс лекций. 2-е изд. М., 1996. 184 с.
3. Магазинер Я. М. Общая теория права на основе советского законодательства // Правоведение. 1997. № 4.

References

1. Ivin A. A. Logika norm [The logic of norms]. Moscow, 1973, 121 p. [in Russian].
2. Nazaretyan A. P. Agressiya, moral' i krizisy v razvitii mirovoi kul'tury (Sinergitika istoricheskogo protsesssa): kurs lektzii [Aggression, morality and crises in the development of world culture (Synergetics of the historical process)]. 2-e izd. Moscow, 1996, 184 p. [in Russian].
3. Magaziner Ya. M. Obshchaya teoriya prava na osnove sovetskogo zakonodatel'stva [General theory of law on the basis of Soviet legislation]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 1997, no. 4 [in Russian].

УДК 340

Глебова Е. В.

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: kolesnyak@yandex.ru

Elena V. Glebova

Candidate of Law, Associate Professor, Assistant Professor
of the Department of civil law disciplines,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: kolesnyak@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ДАРЕНИЯ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Аннотация. В целях борьбы с коррупцией гражданским законодательством установлены запреты и ограничения по институту дарения. Статья посвящена анализу применения договора дарения в уголовно-исполнительной системе, в том числе рассмотрены некоторые проблемные вопросы относительно порядка принятия подарков, получаемых должностными лицами, в частности, при исполнении ими должностных обязанностей. Автором проанализированы такие не имеющие законодательного закрепления категории, как «обычный подарок» и «взятка», рассмотрено их соотношение. На основании проведенного анализа сделан вывод, что гражданско-правовые нормы с учетом их методов воздействия на поведение субъектов выступают значимым дополнением к уголовно-правовым мерам, направленным на противодействие коррупционным отношениям. Поэтому развитие гражданско-правового направления по противодействию коррупции является перспективным в связи с тем, что с развитием общественных отношений совершенствуются и изменяются коррупционные отношения, противостоять которым одни уголовно-правовые меры не в состоянии. Институт дарения предусматривает особенности применения его в уголовно-исполнительной системе. В целях противодействия коррупционным отношениям допускается применение не только мер уголовно-правового и административно-правового характера, но и мер гражданско-правового воздействия. Следовательно, для устранения нерегулируемых отношений публичными отраслями права необходимо использовать гражданско-правовые институты в качестве субсидиарного инструмента.

Ключевые слова: дарение, обычный подарок, уголовно-исполнительная система, государственный служащий, уголовная ответственность, коррупционное проявление.

SOME FEATURES OF APPLICATION OF GIFT WITHIN THE PENAL SYSTEM

Summary. With the aim of corruption fight the civil legislation sets the bans and restrictions on institute of donation. Article is devoted to the analysis of application of the contract of donation in a penal correction system, including some problematic issues relatively about acceptance of the gifts received by public officials are considered including at execution of functions by them. The author analyzed such categories as "a usual gift" and "bribe" which do not have legislative fixing, their ratio is considered. On the basis of the carried-out analysis the conclusion is drawn that civil norms taking into account their methods of influence on behavior of subjects act as significant addition to the criminal and legal measures directed to counteraction to the corruption relations. Therefore development of the civil direction in anti-corruption is perspective because with development of the public relations, the corruption relations to which one criminal and legal measures are not able to resist are improved and change. The institute of donation provides features of application it in a penal correction system. For counteraction to the corruption relations application not only measures of criminal and legal and administrative and legal character, but also measures of civil influence is allowed. Therefore, for elimination of the unregulated relations by public branches of the right, it is necessary to use civil institutes as the subsidiary tool.

Keywords: gift, usual gift, the penal system, a civil officer, criminal responsibility, corrupt practice.

В отношении договора дарения законодательно зафиксированы некоторые запреты и ограничения. Так, в п. 1 ст. 575 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) установлены случаи недопуска дарения, за исключением обычных подарков, которые по стоимости не превышают 3 тыс. р. Установленный вышеуказанным пунктом запрет не применяется к лицам, которые замещают государственные должности РФ и ее субъектов, муниципальные должности, государственным служащим, муниципальным служащим, служащим банка в случаях дарения им подарков в связи с проводимыми протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями. В соответствии с законодательством РФ такие подарки при усло-

вии превышения по стоимости 3 тыс. р. являются соответственно федеральной собственностью, собственностью субъекта Российской Федерации или муниципальной собственностью.

Внесем определенные пояснения и комментарии к изложенному.

Начнем с уяснения содержания понятия «обычный подарок», которое зафиксировано в п. 1 ст. 575 ГК РФ, но не раскрыто. Мы склоняемся к позиции, высказанной многими авторами, что обычность предполагает ничем не выделяющийся среди других вещей подарок [1; 2; 3].

Признак «обычности» подарка вызывает проблемы по поводу определения его стоимости, в связи с чем возникают вопросы в правоприменительной практике. Во-первых, нередко разница в стоимости на одинаковый вид товара в пределах одного населенного пункта (особенно в крупных населенных пунктах) может значительно колебаться, или же цена на товар приближается к максимально разрешенному размеру стоимости, то есть к 3 тыс. р. Понятно, что подарок с вложенным чеком не является общепринятой нормой поведения. И, во-вторых, если подарок сделан своими руками, то оценить его становится сложно.

Несмотря на изменения, внесенные в ст. 575 ГК РФ [4], формулировка статьи в части правил совершения дарения в целом не изменялась, то есть исходя из содержания статьи разрешается дарить государственным служащим, к которым в том числе относятся федеральные государственные служащие уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) и лица, замещающие должности в учреждениях и предприятиях УИС, созданных для выполнения задач, поставленных перед Федеральной службой исполнения наказаний, на основании трудового договора, подарки, стоимость которых меньше 3 тыс. р., в том числе в связи с их должностным положением или в связи с исполнением ими служебных обязанностей.

Указанный факт вызывает оживленную научную дискуссию, которая сводится к утверждению, что допустимость дарения в вышеупомянутых ситуациях представляет собой прикрытый способ возможности дачи взятки государственному служащему [5].

По мнению некоторых ученых, ст. 575 ГК РФ способствует легализации взяток, поэтому они полагают, что данную статью нужно исключить. Для установления причины спора необходимо сравнить анализируемую статью ГК РФ со ст. 290 УК РФ и на основании проведенного исследования заключить: сходные ли отношения регулируют данные статьи?

Всем известно, что гражданское право отождествляется с частным правом, тогда как уголовное – относится к публичной отрасли права. Спорная ст. 575 ГК РФ призвана регулировать отношения гражданско-правовой сферы, которые охватываются по своему содержанию договором дарения.

Уголовное право, в свою очередь, определяет преступность и наказуемость деяний, фиксирует основания и условия уголовной ответственности. Получение взятки как состав преступления определен в ст. 290 УК РФ. Согласно диспозиции вышеуказанной статьи под взяткой понимаются деньги и ценные бумаги, другое имущество либо незаконное оказание услуг материального характера, предоставление иных имущественных прав, а также преимуществ неимущественного характера [6]. Причем предметом взятки перечисляются объекты гражданских правоотношений, и соответственно диспозиция нормы отсылает к нормам ГК РФ.

Законодательно понятие «взятка» не имеет закрепления, но в соответствии со ст. 290 УК РФ, в которой выделен предмет взятки, можно дать следующее определение: это принятие материальных ценностей, услуг имущественного характера и других имущественных выгод за определенное действие или бездействие в интересах взяткодателя, совершить которое лицо имело возможность или должно было исполнить в рамках своего должностного положения.

Из содержания постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» получение должностным лицом вознаграждения за использование исключительно личных, не связанных с его должностным положением, отношений не может квалифицироваться по ст. 290 УК РФ. В таких ситуациях уголовная ответственность за склонение должностного лица к совершению незаконных действий (бездействию) по службе может применяться за иные преступления (например, за подстрекательство к злоупотреблению должностными полномочиями или превышению должностных полномочий) [7].

Кроме того, согласно части 7 Постановления Пленума не образует состав получения взятки принятие должностным лицом денег, услуг имущественного характера и т. п. за совершение действий (бездействие), хотя и связанных с исполнением его профессиональных обязанностей, но при этом не относящихся к полномочиям представителя власти, организационно-распорядительным либо админи-

стративно-хозяйственным функциям[8]. В ст. 17 Закона «О государственной службе в РФ» [9] также не исключается принятие подарков государственными служащими по торжественным случаям в связи с празднованием дня рождения, юбилейной даты и т. п. от близких людей и коллег. Такие отношения по своей природе рассматриваются не как публичные, они относятся к отношениям гражданско-правового характера, в связи с чем для определенности данных отношений необходимо внести понятие «обычные подарки» в ст. 575 ГК РФ [10]. Важно различать отношения по преподнесению дара, которое является безвозмездной сделкой, и дачей взятки, где усматривается умысел по получению определенных преференций взяткодателю.

Таким образом, гражданско-правовые нормы с учетом их методов воздействия на поведение субъектов выступают значимым дополнением к уголовно-правовым мерам, направленным на противодействие коррупционным отношениям. Поэтому развитие гражданско-правового направления по противодействию коррупции является перспективным в связи с тем, что с развитием общественных отношений совершенствуются и изменяются коррупционные отношения, противостоять которым одни уголовно-правовые меры не в состоянии. Институт дарения предусматривает особенности применения его в уголовно-исполнительной системе. В целях противодействия коррупционным отношениям допускается применение не только мер уголовно-правового и административно-правового характера, но и мер гражданско-правового воздействия. Следовательно, для устранения нерегулируемых отношений публичными отраслями права необходимо использовать гражданско-правовые институты, но не в качестве основного, а в качестве субсидиарного инструмента.

Библиографический список

1. Гувев А. Н. Постатейный комментарий к части второй Гражданского кодекса РФ. М., 2009 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 30.08.2017).
2. Киракосян С. А., Власова А. В. Запрет дарения и его пределы в российском гражданском праве // Юридический мир. 2016. № 7. С. 34–38.
3. Любавина М. А. О некоторых проблемах квалификации преступлений коррупционного характера // Уголовное право. 2013. № 5. С. 89–91.
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г. и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции»: Федеральный закон от 25.12.2008 № 280-ФЗ (ред. от 06.12.2011) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 30.08.2017).
5. Кудашкин А. В. Подарок или взятка: вот в чем вопрос?! Вопросы квалификации при совершении военнослужащими коррупционных правонарушений // Право в вооруженных силах. 2010. № 3. С. 8–12.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 03.07.2016) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 28.08.2017).
7. Киселева А. И. Противодействие коррупции при реализации контрольно-надзорных функций сотрудниками УИИ // Вестник Самарского юридического института: научно-практический журнал. № 1(23)/2017. С. 132–135.
8. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) // Российская газета. 2013. № 154.
9. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 03.04.2017) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 28.08.2017).
10. Плотников Д. А. Борьба с коррупцией: гражданско-правовой аспект // Сборник научных трудов победителей и призеров конкурса на лучшую научную работу по итогам I тура олимпиады обучающихся образовательных учреждений высшего образования Министерства юстиции РФ и ФСИН России / отв. ред. А. Г. Антонов. Новокузнецк, 2016. С. 69–76.

References

1. Guev A. N. Postateinyi kommentarii k chasti vtoroi Grazhdanskogo kodeksa RF. Moscow, 2009 [Article-by-article commentary to part II of the Civil code of the Russian Federation]. *SPS «Garant»* [*SPS «Guarantor»*] (Accessed: 30.08.2017) [in Russian].
2. Kirakosyan S. A., Vlasova A. V. Zapret dareniya i ego predely v rossiiskom grazhdanskom prave [Prohibition of donation and its limits in Russian civil law]. *Yuridicheskii mir* [*Legal world*], 2016, no. 7, pp. 34–38 [in Russian].
3. Lyubavina M. A. O nekotorykh problemakh kvalifikatsii prestuplenii korruptsionnogo kharaktera [About some problems of qualification of crimes of corruption character]. *Ugolovnoe pravo* [*Criminal law*]. 2013, no. 5, pp. 89–91 [in Russian].
4. O vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii v svyazi s ratifikatsiei Konventsii Organizatsii Ob"edinennykh Natsii protiv korruptsii ot 31 oktyabrya 2003 g. i Konventsii ob ugolovnoi otvetstvennosti za korruptsiyu ot 27 yanvarya 1999 g. i prinyatiem Federal'nogo zakona «O protivodeistvii korruptsii»: Federal'nyi zakon ot 25.12.2008 no. 280-FZ (red. ot 06.12.2011) [About modification of separate legal acts of the Russian Federation in connection with ratification of the United Nations Convention against corruption of October 31, 2003 and the Convention on criminal liability for corruption of January 27, 1999 and adoption of the Federal law "on counteraction of corruption": the Federal law of 25.12.2008 no. 280-FZ (edition of 06.12.2011)]. *SPS «Konsul'tant Plyus»* [*SPS Consultant Plus*] (Accessed: 30.08.2017) [in Russian].
5. Kudashkin A. V. Podarok ili vzyatka: vot v chem vopros?! Voprosy kvalifikatsii pri sovershenii voennosluzhashchimi korruptsionnykh pravonarushenii [The gift or the bribe: that is the question?! Issues of qualification in the Commission of corruption offences by military personnel]. *Pravo v vooruzhennykh silakh* [*Law in the armed forces*], 2010, no. 3, pp. 8–12 [in Russian].
6. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 no. 63-FZ (red. ot 03.07.2016) [Criminal code of the Russian Federation from 13.06.1996 no. 63-FZ (as amended on 03.07.2016)]. *SPS «Konsul'tant Plyus»* [*SPS Consultant Plus*] (Accessed: 28.08.2017) [in Russian].
7. Kiseleva A. I. Protivodeistvie korruptsii pri realizatsii kontrol'no-nadzornykh funktsii sotrudnikami UII [Anti-corruption in the implementation of control and oversight functions by employees of the UII]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta: nauchno-prakticheskii zhurnal* [*Bulletin of Samara law Institute: scientific and practical journal*], 2017, no. 1, pp. 132–135 [in Russian].
8. O sudebnoi praktike po delam o vzyatochnichestve i ob inykh korruptsionnykh prestupleniyakh: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo suda RF ot 09.07.2013 no.24 (red. ot 03.12.2013) [About court practice on Affairs about bribery and other corruption crimes: the resolution of Plenum of the Supreme court of the Russian Federation dated 09.07.2013 no. 24 (as amended on 03.12.2013)]. *Rossiiskaya gazeta* [*Russian newspaper*], 2013, no. 154 [in Russian].
9. O gosudarstvennoi grazhdanskoi sluzhbe Rossiiskoi Federatsii: Federal'nyi zakon ot 27.07.2004 no. 79-FZ (red. ot 03.04.2017) [On state civil service of the Russian Federation: the Federal law of 27.07.2004 no. 79-FZ (as amended on 03.04.2017)]. *SPS «Konsul'tant Plyus»* [*SPS Consultant Plus*] (Accessed: 28.08.2017) [in Russian].
10. Plotnikov D. A. Bor'ba s korruptsiei: grazhdansko-pravovoi aspekt [The fight against corruption: civil legal aspect]. *Sbornik nauchnykh trudov pobeditelei i prizеров konkursa na luchshuyu nauchnyu rabotu po itogam I tura olimpiady obuchayushchikhsya obrazovatel'nykh uchrezhdenii vysshego obrazovaniya Ministerstva yustitsii RF i FSIN Rossii* in A. G. Antonov (ed.). Novokuznetsk, 2016, pp. 69–76 [in Russian].

УДК 340

Дроздов А. И.

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: drozdovalekse @yandex.ru

Aleksey I. Drozdov

Candidate of Law, Associate Professor, Assistant Professor
of theory and history of state and law Department,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Ryl'skaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: drozdovalekse @yandex.ru

УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ: ПРОБЛЕМЫ ИХ ГУМАНИЗАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы в области гуманизации условий содержания лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительных колониях. Рассмотрены данные о количестве ликвидированных исправительных учреждений за последние годы и современном состоянии системы исправительных учреждений. Сделан анализ статистических данных за пять лет (с 2012 по 2016 г.) об общем количестве осужденных, отбывающих наказание в исправительных колониях, пользующихся правом передвижения без конвоя, а также проживающих за пределами исправительных колоний. Выявлены проблемы, связанные с территориальным расположением функционирующих исправительных колоний и ухудшения условий отбывания наказания в них из-за превышения лимита наполнения. Изучены пути решения обозначенных проблем, связанных с дальнейшей гуманизацией условий содержания лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Сделано дополнительное предложение, направленное на решение указанных проблем в области проживания осужденных за пределами исправительных учреждений.

Ключевые слова: осужденный к лишению свободы, исправительное учреждение, колония-поселение, условия содержания лиц, отбывающих наказание, передвижение без конвоя, право проживания за пределами исправительной колонии, принудительные работы, исправительный центр.

PRISON CONDITIONS IN PENAL COLONIES: PROBLEMS OF PRISONERS' HUMANIZATION AT THE PRESENT STAGE

Summary. The article discusses the problem of humanization of conditions of detention of persons serving sentences of deprivation of liberty in correctional colonies. Reviewed data on the number of eliminated corrections in recent years and the current state of the correctional system. The analysis of statistical data for the five years from 2012 to 2016, the total number of convicted persons serving sentences in correctional colonies which have the right to move without convoy, as well as living outside of correctional facilities. Identified problems associated with the territorial location of the functioning of penal colonies and the worsening of conditions of serving of punishment in them because of exceeding the limit content. Examined ways of solution of problems related to the humanization of conditions of detention of persons serving sentences of deprivation of liberty. Made an additional proposal aimed at solving these problems in the areas of residence of the convicts outside the correctional institutions.

Keywords: convicted to imprisonment, correctional facility, settlement colony, the conditions of detention of persons serving sentences, movement without convoy, the right to live outside a penal colony, forced labor, correction center.

В свете либерализации государственной уголовной политики и активного применения альтернативных лишению свободы мер уголовного наказания на современном этапе достигнута самая низкая численность лиц, содержащихся в местах лишения свободы в новейшей истории Российской Федерации: на 1 января 2017 г. она составляла 522 851 человек [1].

Сокращение численности осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях (ИУ), ведет к уменьшению установленного лимита их наполнения. Те ИУ, где количество осужденных сильно снизилось, подлежат закрытию или изменению вида режима.

За последние годы было ликвидировано 87 ИУ: в 2011 г. – 22; 2012 г. – 12; 2013 г. – 19; 2014 г. – 19; 2015 г. – 15. Решается вопрос о ликвидации еще 3 исправительных учреждений [2].

На сегодняшний день система ИУ состоит из 750 учреждений [3], в нее входят: исправительные колонии (ИК) общего режима для содержания: мужчин – 126; женщин – 69; ИК строгого режима – 269; ИК особого режима – 32, из них для осужденных к пожизненному лишению свободы и лиц, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы, – 6; колонии-поселения – 126; лечебно-исправительные и лечебно-профилактические учреждения для содержания: мужчин – 88; женщин – 2; тюрьмы – 8; воспитательные колонии для содержания: юношей – 22; девушек – 2.

В связи с уменьшением количества ИУ различного вида режимов возникает проблема, связанная с территориальным расположением функционирующих ИУ. В дальнейшем это может не позволить в полном объеме осуществлять принцип отбывания наказания в пределах территории субъекта РФ, в котором осужденные проживали или были осуждены. Сокращение же существующего в этих учреждениях количества свободных мест может привести к ухудшению условий отбывания наказания из-за их переполнения [4].

Для постепенного снижения количества осужденных, содержащихся в одном жилом помещении в ИУ, и дальнейшей гуманизации условий содержания лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, Концепцией федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 гг.)» запланировано создание дополнительных мест в действующих исправительных учреждениях [5].

Введение нового вида наказания, альтернативного лишению свободы, – принудительных работ – также должно способствовать решению выше названных проблем, поскольку за совершение преступлений небольшой и средней тяжести и за совершение впервые тяжких преступлений суд при назначении наказания может заменять наказание в виде лишения свободы принудительными работами. То есть эти осужденные будут направляться не в места лишения свободы, а в исправительные центры (ИЦ), предназначенные для отбывания принудительных работ [6].

На сегодняшний день уже создано 4 ИЦ в Приморском и Ставропольском краях, Тамбовской и Тюменской областях с лимитом наполнения 464 осужденных и 7 участков, функционирующих как ИЦ при ИУ в Республиках Башкортостан и Карелия, Забайкальском крае, Архангельской, Новосибирской, Самарской и Смоленской областях с лимитом наполнения 432 осужденных. По состоянию на 13 июля 2017 г. в ИЦ прибыло 188 осужденных.

В течение 2017 г. планируется открытие еще 6 ИЦ в республиках Саха (Якутия), Татарстан, Волгоградской, Костромской, Оренбургской и Челябинской областях; 8 изолированных участков ИУ, функционирующих как ИЦ, в Республике Адыгея, Алтайском, Красноярском краях, Пензенской, Иркутской и Нижегородской областях, а в Кировской и Саратовской областях на базе колоний-поселений.

Общий лимит наполнения данных учреждений составит еще 1518 осужденных. Также изысканы дополнительные бюджетные ассигнования на строительные и ремонтные работы для открытия ИЦ еще в 10 субъектах Российской Федерации.

Кроме того, в текущем и в 2018 г. будет проведена работа по изысканию возможности создания ИЦ на базе учреждений УИС и, в первую очередь, на базе колоний-поселений или участков колоний-поселений, поскольку в перспективе ИЦ должны быть созданы в каждом субъекте Российской Федерации [7].

Однако этого, возможно, будет недостаточно для приведения условий отбывания наказания осужденными в соответствие с законодательством РФ. По нашему мнению, расширение категорий осужденных, которым предоставлено право проживания за пределами ИУ, будет являться одним действием, направленным на решение указанных проблем. Однако заметим, что увеличение количества осужденных, проживающих в общежитиях, расположенных за пределами ИУ, потребует дополнительных затрат, что на сегодняшний день достаточно проблематично, но весьма перспективно в целях их успешной социальной адаптации к условиям жизни вне изоляции, в период отбывания лишения свободы. Поэтому особенно актуальным считаем расширение категорий осужденных, пользующихся правом проживания на арендованной или собственной жилой площади. Заметим, что законодатель уже начал вносить изменения в УИК РФ в этом направлении [8].

Таблица 1

Данные ФСИН России об общем количестве осужденных, отбывающих наказание в ИК, пользующихся правом передвижения без конвоя и проживающих за пределами ИК (2012–2016 гг.)

Отчетный период	Среднесписочная численность осужденных в ИК	Среднесписочная численность осужденных в КП	Пользующихся правом передвижения без конвоя	Проживающих за пределами ИК
2012 г.	557 943	39 776	1 392	52
2013 г.	529 219	39 358	1 092	36
2014 г.	514 796	39 496	916	42
2015 г.	498 290	34 121	599	17
2016 г.	488 794	31 845	564	1

Статистические данные ФСИН России об общем количестве осужденных, отбывающих наказание в ИК, пользующихся правом передвижения без конвоя и проживающих за пределами этих учреждений за пять лет (с 2012 по 2016 г. [9]), приведенные в таблице 1, свидетельствуют о снижении количества осужденных: отбывающих наказание в ИК на 12,4 %; отбывающих наказание в КП на 17,45 %; пользующихся правом передвижения без конвоя на 59,5 %; проживающих за пределами ИК на 98 %.

Данные изменения, по нашему мнению, вызваны гуманизацией уголовного законодательства, снижением общей численности осужденных к лишению свободы и соответственно увеличением количества осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления с различными формами рецидива преступлений. Однако последний, особенно низкий показатель нельзя обосновать только этими факторами.

Причин непредоставления осужденным права проживания за пределами ИК множество. В первую очередь стоит отметить неготовность администрации учреждений довериться осужденным и предоставить право проживания вне ИУ. При решении этого вопроса, как и в случае с предоставлением права передвижения без конвоя, администрация на первое место ставит вопросы безопасности, поскольку предоставление подобного права «неблагонадежному» осужденному может поспособствовать его побегу или иному противоправному поведению [10].

В этой связи особую актуальность представляют критерии, соответствие которым свидетельствовало бы о «благонадежности» кандидата на проживание вне ИУ. Однако мы считаем, что невозможно разработать четкие и одновременно объективные критерии, которые свидетельствовали бы об исправлении осужденного, поскольку в каждом определенном случае те или иные обстоятельства необходимо рассматривать в совокупности с учетом личности осужденного [11].

В настоящее время право проживания за пределами ИУ на арендованной или собственной жилой площади предусматривается в отношении следующих категорий осужденных, отбывающих наказание: в ИК общего режима на облегченных условиях за шесть месяцев до окончания срока наказания совместно с семьей или детьми (ч. 3 ст. 121 УИК РФ); колониях-поселениях, не допускающим нарушения режима отбывания наказания и имеющим семьи (п. «б» ч. 1 ст. 129 УИК РФ). В данный перечень скоро можно будет включить и осужденных к принудительным работам, не допускающих нарушений правил внутреннего распорядка ИЦ, имеющих семьи и отбывших не менее 1/3 срока наказания (ч. 6 ст. 60.4 УИК РФ).

По нашему мнению, особое внимание здесь стоит уделить психологическому изучению кандидатов на проживание вне ИУ, в частности, применению в отношении них уже достаточно прочно и положительно зарекомендовавшего себя полиграфного устройства.

Некоторый интерес в решении данной проблемы представляет зарубежный опыт функционирования «открытых тюрем». Там заключенные постепенно заслуживают доверие со стороны администрации посредством пребывания, а затем и проживания за пределами тюрьмы начиная с

нескольких часов и заканчивая постоянным проживанием за ее пределами до окончания срока наказания [12, с. 63]. Аналогия данного способа существует в действующем законодательстве: ст. ст. 89, 97 УИК РФ предусматриваются свидания вне ИУ, а также краткосрочные и длительные выезды за пределы ИУ. Заметим, что данные институты тоже практически не реализуются.

Не менее важной причиной неэффективности данного института является дифференциация предоставления возможности проживания осужденных вне ИУ в зависимости от наличия семьи. По мнению С. А. Лаптева, существующее в действующем законодательстве неравенство в отношении холостых (незамужних) осужденных необходимо устранить и предоставлять рассматриваемое право на общих основаниях и тем и другим осужденным при соответствующем поведении [13, с. 79].

В отношении осужденных, отбывающих наказание в ИК общего режима, считаем, что предоставление возможности проживать с семьей должно оставаться одним из основных условий. В отношении же осужденных, отбывающих наказание в колониях-поселениях, учитывая, что там содержатся менее опасные преступники, многие из которых стали на путь исправления и зарекомендовали себя с положительной стороны, по нашему мнению, не следует учитывать факт наличия семьи. Считаем, что увеличение категорий осужденных, которым предоставлено право проживания за пределами КП, будет стимулировать их к правопослушному поведению и способствовать адаптации к жизни на свободе. Для этого предлагаем внести изменения в п. «б» ч. 1 ст. 129 УИК РФ, а именно исключить из текста статьи слово «семья», обеспечив равные возможности предоставления права проживания за пределами ИУ для всех осужденных, отбывающих наказание в колониях-поселениях.

Библиографический список

1. В Федеральной службе исполнения наказаний подвели итоги деятельности за 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://фсин.рф/news/index.php?ELEMENT_ID=307228 (дата обращения: 13.10.2017).
2. Концепция федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 гг.)»: распоряжение Правительства Российской Федерации от 23.12.2016 № 2808-р [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 11.09.2017).
3. Сведения о количестве, движении и составе лиц, содержащихся в местах лишения свободы за 2016 год // Статистическая отчетность по форме «1-УИС». Тверь: НИИИТ ФСИН России, 2017.
4. Дроздов А. И. Оптимизация механизма реализации наказания в виде принудительных работ // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2017. № 3. С. 12–15.
5. Дроздов А. И., Дроздов Н. А. Перспективы гуманизации условий содержания осужденных в исправительных колониях // Черные дыры в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 78–81.
6. Дроздов А. И., Орлов А. В. Принудительные работы и лишение свободы в колониях-поселениях: сравнительно-правовой анализ // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 1. С. 40–43.
7. Лукьянец Е. В. Основные итоги деятельности по исполнению уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества // Сборник материалов VII Всероссийского совещания руководителей уголовно-исполнительных инспекций, исправительных центров и подразделений по контролю за исполнением наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, территориальных органов ФСИН России (19–21 июля 2017 г.). Пушкин; СПб.: УОИНИО ФСИН России, 2017. С. 5–16.
8. О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав детей, родители которых отбывают наказание в виде лишения свободы: Федеральный закон РФ от 26 июля 2017 г. № 200-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 11.09.2017).
9. Сведения о состоянии дисциплинарной практики среди осужденных, отбывающих наказание в ИУ за 2012–2016 гг. // Статистическая отчетность по форме «ВРО-2». Тверь: НИИИТ ФСИН России, 2013–2017.
10. Дроздов А. И. О совершенствовании правового регулирования предоставления права бесконвойного передвижения осужденных к лишению свободы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2009. № 8. С. 14–20.

11. Дроздов А. И. О формировании института изменения вида исправительного учреждения и условий содержания в нем как элемента прогрессивной системы отбывания наказаний в виде лишения свободы в России // Человек: преступление и наказание. 2007. № 4. С. 45–47.
12. Фещук А. Зарубежное законодательство о предоставлении отпусков осужденным // Человек: преступление и наказание. 1999. № 1. С. 63.
13. Лаптев С. А. Организационно-правовые основы деятельности колоний-поселений: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006. 228 с.

References

1. V Federal'noi sluzhbe ispolneniya nakazanii podveli itogi deyatelnosti za 2016 g. [The Federal service of execution of punishments has summed up results of activities for 2016] URL: http://фсин.рф/news/index.php?ELEMENT_ID=307228 (Accessed: 13.10.2017) [in Russian].
2. Kontseptsiya federal'noi tselevoi programmy «Razvitie ugolovno-ispolnitel'noi sistemy (2017–2025 gg.)»: rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 23.12.2016 no. 2808-r [The concept of the Federal target program "development of the penal correction system (2017-2025)": order of the Government of the Russian Federation of 23.12.2016 no. 2808-p]. SPS «Konsul'tant Plyus» [SPS Consultant Plus] (Accessed: 11.09.2017) [in Russian].
3. Svedeniya o kolichestve, dvizhenii i sostave lits, sodержashchikhsya v mestakh lisheniya svobody za 2016 god [Information about the number, movement and composition of persons held in places of deprivation of liberty for 2016]. Statisticheskaya otchetnost' po forme «I-UIS» [Statistical reporting in the form of "I-UIS"]. Tver': NIIT FSIN Rossii, 2017.
4. Drozdov A. I. Optimizatsiya mekhanizma realizatsii nakazaniya v vide prinuditel'nykh rabot [Optimization of the mechanism of implementation of punishment in the form of forced labor]. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie [Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction], 2017, no. 3, pp. 12–15 [in Russian].
5. Drozdov A. I., Drozdov N. A. Perspektivy gumanizatsii uslovii sodержaniya osuzhdennykh v ispravitel'nykh koloniyakh [The prospects for the humanization of conditions of detention in correctional colonies]. Chernye dyry v rossiiskom zakonodatel'stve [Black holes in Russian legislation], 2017, no. 3, pp. 78–81 [in Russian].
6. Drozdov A. I., Orlov A. V. Prinuditel'nye raboty i lishenie svobody v koloniyakh-poseleniyakh: sravnitel'no-pravovoi analiz [Forced labour and deprivation of liberty in settlement colonies: comparative legal analysis Forced labour and deprivation of liberty in settlement colonies: comparative legal analysis]. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo [Penal law], 2015, no. 1, pp. 40–43 [in Russian].
7. Luk'yanets E. V. Osnovnye itogi deyatelnosti po ispolneniyu ugolovnykh nakazanii, ne svyazannykh s izolyatsiei osuzhdennykh ot obshchestva [The main results of activity on execution of the criminal punishments which are not connected with isolation condemned from society]. Sbornik materialov VII Vserossiiskogo soveshchaniya rukovoditelei ugolovno-ispolnitel'nykh inspeksii, ispravitel'nykh tsentrov i podrazdelenii po kontrolyu za ispolneniem nakazanii, ne svyazannykh s izolyatsiei osuzhdennykh ot obshchestva, territorial'nykh organov FSIN Rossii (19–21 iyulya 2017 g.). [The collection of materials of VII all-Russia meeting of heads of the criminal-Executive inspections, correctional centres and units for control over execution of punishments not connected with isolation of convicted persons from society, territorial bodies of the FSIN of Russia (from 19 to 21 July 2017)]. Pushkin, Saint-Petersburg: UOINIO FSIN Rossii, 2017, pp. 5–16 [in Russian].
8. Ovnesenii izmenenii v Ugolovno-ispolnitel'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii v tselyakh zashchity prav detei, roditeli kotorykh otbyvayut nakazanie v vide lisheniya svobody: Federal'nyi zakon RF ot 26 iyulya 2017 g. no. 200-FZ [About modification of the code of Penal enforcement of the Russian Federation for the purpose of protection of the rights of children which parents serve sentence in the form of imprisonment: the Federal law of the Russian Federation of July 26, 2017 no. 200-FZ] SPS «Konsul'tant Plyus» [SPS Consultant Plus] (Accessed: 11.09.2017) [in Russian].
9. Svedeniya o sostoyanii distsiplinarnoi praktiki sredi osuzhdennykh, otbyvayushchikh nakazanie v IU za 2012–2016 gg. [Data on disciplinary practices among state prisoners serving sentences in Yiwu for 2012-2016]. Statisticheskaya otchetnost' po forme «VRO-2» [Statistical reporting in the form of "VRO-2"]. Tver': NIIT FSIN Rossii, 2013–2017 [in Russian].

10. Drozdov A. I. O sovershenstvovanii pravovogo regulirovaniya predostavleniya prava beskonvainogo peredvizheniya osuzhdennykh k lisheniyu svobody [About the legal regulation of granting of the right beskonvoynyh of movement of persons sentenced to deprivation of liberty]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy* [Statements of the penal correction system], 2009, no. 8, pp. 14–20 [in Russian].

11. Drozdov A. I. O formirovanii instituta izmeneniya vida ispravi-tel'nogo uchrezhdeniya i uslovii soderzhaniya v nem kak elementa progressivnoi sistemy otbyvaniya nakazanii v vide lisheniya svobody v Rossii [On the formation of the Institute changes the type of prison and detention conditions in it as an element of progressive system of serving of punishment in form of imprisonment in Russia]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. [Man: crime and punishment], 2007, no. 4, pp. 45–47 [in Russian].

12. Feshchuk A. Zarubezhnoe zakonodatel'stvo o predostavlenii otpuskov osuzhdennym [Foreign legislation on the granting of leave to convicted persons]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. [Man: crime and punishment], 1999, no. 1, p. 63 [in Russian].

13. Laptev S. A. Organizatsionno-pravovye osnovy deyatel'nosti kolonii-poselenii: dis. ... kand. yurid. nauk [Organizational and legal bases of activity of colonies-settlements. Candidate's of Law thesis]. Ryazan', 2006, 228 p. [in Russian].

УДК 340

Коновальчук М. В.

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в, e-mail: konov1178@mail.ru

Marina V. Konovalchuk

Candidate of Law, senior lecturer of the Department of civil law disciplines, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022, e-mail: konov1178@mail.ru

К ВОПРОСУ О ДЕЙСТВИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ПРОСТРАНСТВЕ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ

Аннотация. В данной статье исследуется проблема применения широко известного принципа *non bis in idem*, получившего закрепление как в нормах международного права, так и в уголовном законодательстве нашей страны (ч. 2 ст. 6 УК РФ). Данный принцип, находясь в органической взаимосвязи с принципом справедливости, устанавливает положение, запрещающее привлекать к уголовной ответственности лиц, которым уже вынесен обвинительный приговор суда. Автором поднимается вопрос о соотношении указанной нормы с ч. 1 ст. 12 УК РФ, где достаточно неопределенный характер носит словосочетание «решение иностранного суда», предоставляющее возможность не привлекать к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления за пределами страны, но против ее интересов. На основе анализа заявленных уголовно-правовых норм, их соотнесения с действующим уголовно-процессуальным законодательством автором предлагаются законодательные коррективы, позволяющие уточнить понятие «решение суда иностранного государства».

Ключевые слова: принцип справедливости, *non bis in idem*, правотворчество, правоприменение, уголовная ответственность, применение уголовного закона, решение иностранного суда.

REVISITING THE APPLICATION OF CRIMINAL LAW WORLD IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF JUSTICE

Summary. This article explores the problem of applying the well-known principle of *non bis in idem*, which has been consolidated, both in the norms of international law and in the criminal legislation of our country (Part 2, Article 6 of the Criminal Code of the Russian Federation). This principle, being in organic relationship with the principle of justice, establishes a provision prohibiting the prosecution of persons who have already been convicted of a court. The author raises the question of the correlation of this norm with Part 1 of Art. 12 of the Criminal Code, where the term "foreign court decision", which provides an opportunity not to prosecute the perpetrators of crimes outside the country, but against its interests, is rather vague. Based on the analysis of the alleged criminal law norms and their correlation with the existing criminal procedure legislation, the author suggests legislative adjustments that make it possible to clarify the concept of "court decision of a foreign state".

Keywords: principle of justice, *non bis in idem*, lawmaking, law enforcement, criminal liability, application of criminal law, decision of a foreign court.

Возможность претворения в жизнь правовых норм говорит об их жизнеспособности. Если же нормы права порождают коллизии, то путь их реализации становится долгим и трудным.

Опуская вопрос о формах реализации права, известных юридической науке, отметим, что в рамках данной статьи под реализацией принципа справедливости мы будем понимать как опосредованное его применение (правоприменение), так и правотворчество, расширив, таким образом, само понятие реализации.

По меткому замечанию А. Ф. Галузина, современное состояние России в сфере законодательства можно охарактеризовать как «революционная законность», под которой цитируемый автор понимает непрерывный процесс «принятия новых законов и изменения принятых» [1, с. 13].

Круг нашего исследования – две нормы Уголовного кодекса РФ: ч. 2 ст. 6 и ч. 1 ст. 12 – на первый взгляд, незначителен. Статья 6 во второй части регламентирует, что никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление. В ч. 1 ст. 12 УК РФ сформулировано положение, согласно которому к российским гражданам и постоянно проживающим на ее территории апатридам, то есть лицам без гражданства, совершившим вне пределов России пре-

ступление против интересов, которые защищаются российским уголовным законом, должны быть применены нормы уголовной ответственности, если в отношении них не имеется судебного решения иностранного государства.

Смысл обоих законоположений сводится к одной простой фразе – *non bis in idem*. Между тем буквальное толкование ч. 1 ст. 12 УК РФ предполагает достаточно широкое правовое поле для исследования, в рамках которого должен быть дан ответ на вопрос, чем является решение иностранного суда – обвинительным актом либо решением о прекращении уголовного дела.

В вопросе реализации указанных норм приоритетными становятся два вектора в совокупности: порядок применения уголовного закона в пространстве и по кругу лиц.

На наш взгляд, в данной ситуации имеется прямая связь с гражданством. Согласно ст. 3 Федерального закона «О гражданстве РФ» от 31.05.2002 № 62-ФЗ под ним понимается правовая связь лица с Российской Федерацией, которая носит устойчивый характер и выражается в общности взаимных прав и обязанностей. Под лицом без гражданства, то есть апатридом, названный закон понимает лицо, отвечающее двум условиям: у него нет гражданства России и нет доказательства наличия гражданства иностранного государства. Применение уголовно-правовых норм в пространстве в рассматриваемой ситуации – это совершение россиянином или апатридом, постоянно проживающим в России, преступления за пределами территории РФ.

Конституционная норма (ст. 67) предписывает, что территория Российской Федерации включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними, а также районы континентального шельфа и исключительной экономической зоны.

Таким образом, при реализации положения, установленного ч. 1 ст. 12 УК РФ, должна быть принята во внимание совокупность трех условий. Первое – преступление совершено российским гражданином либо постоянно проживающим в России лицом без гражданства. Второе – совершенное общественно опасное деяние предусмотрено в качестве преступления российским уголовным кодексом. Третье – в отношении указанных категорий лиц не имеется иностранного судебного решения.

Однако, как было ранее отмечено, провозглашение принципа *non bis in idem* в уголовном законе нашей страны, а также в ст. 50 Конституции РФ может провоцировать определенные отрицательные явления в ходе его реализации, так как словосочетание «решение иностранного государства» достаточно расплывчато. Вариантов толкования может быть несколько. Так, оправдательное решение вынесено в отношении соотечественника, совершившего преступление вне пределов юрисдикции РФ и против ее интересов в связи: 1) с отсутствием такого состава в уголовном законе страны совершения деликта; 2) с недостижением возраста уголовной ответственности лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого или, например, неоднозначной трактовкой невменяемости; 3) с различной квалификацией содеянного в отечественном и зарубежном законодательстве.

Как указывает Р. Р. Хаснутдинов, некоторые государства оставляют за собой право осуществления определенного контроля в отношении приговоров иностранных судов. Это обусловлено тем, что «в ряде случаев формальное осуждение в одном государстве может обеспечить иммунитет от реального наказания в другом государстве, против интересов которого и было направлено преступление» [2, с. 92].

Анализируя изложенное, считаем необходимым согласиться с данным автором, полагающим, что ныне действующая редакция ч. 1 ст. 12 УК РФ ограничивает суверенитет Российского государства [2, с. 92].

В частности, нормы международного права в отношении принципа *non bis in idem* также свидетельствуют о неоднозначности его толкования. Например, в Международном пакте о гражданских и политических правах установлен принцип о том, что никто не должен быть вторично судим в соответствии с «правом каждой страны». Однако в ч. 2 ст. 4 Конвенции о защите прав человека и основных свобод указано на возможность вторичного рассмотрения дела в соответствии с нормами материального и процессуального права соответствующего государства при условии, что есть сведения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах или если в ходе предыдущего разбирательства были допущены существенные нарушения, повлиявшие на исход дела.

В связи с этим полагаем возможным обратиться к нормам отечественного процессуального законодательства, регламентирующего порядок исполнения запросов об осуществлении уголовного преследования или о возбуждении уголовного дела на территории Российской Федерации.

Согласно ч. 2 ст. 459 УПК РФ в тех случаях, «когда на территории иностранного государства совершено преступление гражданином РФ и вернувшимся в страну до возбуждения в отношении него уголовного преследования по месту совершения преступления, уголовное дело при

наличии оснований, установленных в ст. 12 УК РФ, может быть возбуждено и расследовано по материалам, представленным соответствующим компетентным органом иностранного государства. При этом такие материалы передаются в Генеральную прокуратуру Российской Федерации.

Также обязательным условием применения ч. 1 ст. 12 УК РФ является наказуемость совершенного деяния как зарубежным, так и отечественным уголовным законом. Только в этом случае имеется реальная возможность реализовать принцип справедливости «не дважды за одно и то же».

Далее следует остановиться на проблеме расхождений в квалификации. Так, согласно ч. 1 ст. 462 УПК РФ наше государство может выдать лицо иностранному государству, если деяние, по которому дан запрос, считается наказуемым как по УК РФ, так и по уголовному закону запрашивающего иностранного государства.

Как указано в п. 5 Постановления Пленума Верховного суда РФ, несовпадение в описании отдельных признаков состава преступления либо в юридической квалификации деяния не является основанием для отказа в выдаче, так как оцениваться должны фактические обстоятельства имевшего место деяния и его наказуемость по законам обоих государств [3].

Таким образом, принцип *non bis in idem* как своеобразное продолжение принципа справедливости может и должен реализоваться в российском уголовном праве как прогрессивное явление, соответствующее демократичному праву.

Однако, если преступление было направлено против интересов России, и при этом уголовным законом зарубежной страны не предусмотрено в качестве такового, лицо должно нести уголовную ответственность по УК РФ.

Подводя итоги, отметим, что действующую редакцию ч. 1 ст. 12 УК России можно изменить следующим образом: заменить словосочетание «решение суда иностранного государства» словосочетанием «обвинительный акт иностранного государства», и тогда обозначенная статья примет вид: «Граждане РФ и постоянно проживающие в РФ лица без гражданства, совершившие вне пределов РФ преступление против интересов, охраняемых настоящим Кодексом, подлежат уголовной ответственности, если в отношении этих лиц по данному преступлению не имеется обвинительного акта суда иностранного государства».

Такая корректировка, по нашему мнению, позволит минимизировать противоречия в сфере реализации принципа справедливости.

Библиографический список

1. Галужин А. Ф. О соотношении уголовно-исполнительной доктрины и практики // Вестник Самарского юридического института: научно-практический журнал. № 3 (21)/2016. С. 12–14.
2. Хаснутдинов Р. Р. Территориальное и экстерриториальное действие уголовного закона: монография. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2009. 152 с.
3. О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 14.06.2012 № 11 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.10.2017).

References

1. Galuzin A. F. O sootnoshenii ugolovno-ispolnitel'noi doktriny i praktiki [On the correlation of penal correction doctrine and practice]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta: nauchno-prakticheskii zhurnal* [Bulletin of Samara law Institute: scientific and practical journal], 2016, no. 3 (21), pp. 12–14 [in Russian].
2. Khasnutdinov R. R. Territorial'noe i eksterritorial'noe deistvie ugolovnogo zakona: monografiya [Territorial and extraterritorial effects of criminal law]. Samara: Samarskii yuridicheskii institut FSIN Rossii, 2009, 152 p. [in Russian].
3. O praktike rassmotreniya sudami voprosov, svyazannykh s vydachei lits dlya ugolovnogo presledovaniya ili ispolneniya prigovora, a takzhe peredachei lits dlya otbyvaniya nakazaniya: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo suda RF ot 14.06.2012 no. 11 [About practice of consideration by courts of the questions connected with issue of persons for criminal prosecution or execution of the sentence, and also transfer of persons for punishment serving: the resolution of Plenum of the Supreme court of the Russian Federation of 14.06.2012 no. 11]. *SPS «Konsul'tant Plyus»* [SPS Consultant Plus] (Accessed: 01.10.2017) [in Russian].

УДК 340

Кубанов В. В.

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в, e-mail: vkubanov@yandex.ru

Свидерский О. А.

доктор медицинских наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в, e-mail: oleg.sviderskiy@yandex.ru

Valeriy V. Kubanov

Candidate of Law, Associate Professor, Assistant Professor of the Department of criminal procedure and criminology, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022, e-mail: vkubanov@yandex.ru

Oleg A. Sviderskiy

Doctor of Medicine, Associate Professor, Professor of the Department of criminal procedure and criminology, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022, e-mail: oleg.sviderskiy@yandex.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ АВТОМАТИЗИРОВАННОГО УЧЕТА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ

Аннотация. В статье анализируются проблемы использования средств автоматизированного учета в обеспечении исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы. Дано определение автоматизированных информационных систем правоохранительного назначения.

Высказано мнение о перспективах использования в деятельности уголовно-исполнительной системы современных информационных и коммуникационных возможностей, прежде всего, автоматизированных информационных систем, локальных и глобальных компьютерных сетей.

Исследованы вопросы интеграции автоматизированных информационно-поисковых систем криминалистического направления, сосредоточенных в органах внутренних дел, с программными средствами автоматизированного карточного учета подследственных и осужденных в учреждениях ФСИН России.

Указаны преимущества автоматизированных мобильных комплексов дактилоскопической регистрации, применяемых в целях решения задачи дактилоскопической регистрации подследственных и осужденных. В статье указывается на целесообразность интеграции программных комплексов автоматизированного учета уголовно-исполнительных инспекций с массивом дактилоскопических карт регионального уровня, хранящимся в дактилоскопической идентификационной системе «Папирон».

Высказано мнение о необходимости формирования единого интегрированного информационного пространства на основе имеющихся справочных, статистических и аналитических банков данных, доступного с автоматизированных рабочих мест сотрудникам правоохранительных органов.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная инспекция, осужденные, домашний арест, система электронного мониторинга, средства надзора и контроля, автоматизированная информационная система, дактилоскопическая система, информационно-аналитическая служба.

THE USE OF COMPUTER-AIDED ACCOUNTING IN THE EXECUTION OF THE ALTERNATIVES TO IMPRISONMENT

Summary. The article analyzes the problems of the use of computer-aided accounting in the enforcement of non-custodial sentences. The definition of automated information systems for law enforcement purposes is given.

The view is expressed about the prospects of using modern information and communication capabilities, primarily automated information systems, local and global computer networks in the activities of the penal correction system. Studied the integration of automated information retrieval systems forensic areas, concentrated in the bodies of internal Affairs, with software card automated accounting remand and convicted prisoners in prison.

The advantages of automated mobile complexes of dactyloscopic registration used to solve the problem of dactyloscopic registration of defendants and convicts are indicated. The article points out the expediency of integration of software systems of automated accounting of criminal Executive inspections with an array of dactyloscopic maps of regional level stored in the dactyloscopic identification system «Papilon».

The view is expressed that it is necessary to create a single integrated information space on the basis of existing reference, statistical and analytical data banks accessible from automated workplaces to law enforcement officers.

Keywords: penal inspection, prisoners, house arrest, electronic monitoring system, means of supervision and control, automated information system, automated information system, fingerprint system, information and analysis service.

Исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы, имеет своей первостепенной целью обеспечение снижения уровня криминализации общества и разобщение преступного сообщества. Закономерным следствием данного процесса должно быть снижение численности лиц, осужденных к лишению свободы.

Одной из задач реформирования уголовно-исполнительной системы РФ является расширение сферы применения наказаний и мер, не связанных с лишением свободы. Например, количество назначений наказаний в виде обязательных работ в 2016 г. выросло в два раза. Существенно увеличилось количество лиц, осужденных к ограничению свободы [1, с. 33].

Так, предполагается использовать аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля, а также автоматизированный компьютерный учет осужденных. Перечень указанных средств определен постановлениями Правительства Российской Федерации от 31 марта 2010 г. №198 [2] и 18 февраля 2013 г. № 134 [3].

В настоящее время для обеспечения исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, используются специально разработанные электронные средства. Совокупность указанных технических средств и программных продуктов, обеспечивающих их работу, принято называть системой электронного мониторинга подконтрольных лиц ФСИН России (СЭМПЛ).

Реформирование пенитенциарной системы РФ предполагает в качестве одного из основных направлений развития активно использовать современные инновационные разработки и научно-технические достижения. Реализовывать данную задачу необходимо путем интеграции автоматизированных систем уголовно-исполнительной системы с автоматизированными системами иных правоохранительных органов. Способы реализации данной интеграции и предвидение возможных негативных последствий для деятельности УИС являются в настоящее время предметом научных исследований.

В целом автоматизированные информационные системы правоохранительного назначения представляют собой системы аппаратных и программных средств, предназначенных для автоматизации процесса деятельности лиц, осуществляющих правоприменительную деятельность. Действующая в пенитенциарном ведомстве система электронного мониторинга подконтрольных лиц (СЭМПЛ) относится к средствам обеспечения режима и охраны осужденных и является разновидностью автоматизированных систем правоохранительных органов.

При использовании СЭМПЛ объектом автоматизации является процесс дистанционного надзора за соблюдением предписанных ограничений осужденным к ограничению свободы и лицам, находящимся под домашним арестом, путем индивидуальной идентификации и отслеживания местонахождения в определенных местах. Ограничения могут выражаться в предписании находиться в определенных помещениях, в определенное время, не покидать пределы заданных территорий.

Внедрение технологий электронного мониторинга в повседневную деятельность ФСИН России изменяет достаточно консервативные методы пенитенциарной системы. Применение электронных систем для контроля за лицами, в отношении которых вынесен приговор суда, вносит коррективы и в процессы обмена информации между существующими автоматизированными информационно-поисковыми системами.

В настоящее время в деятельности уголовно-исполнительных инспекций активно используются специализированные программные средства автоматизированного учета подследственных и осужденных. Данные средства разработаны с учетом специфики пенитенциарной системы и в значительной степени предназначены для обмена актуальной криминалистически значимой информацией с правоохранительными органами. Основной объем деятельности уголовно-исполнительных инспекций заключается в документообороте текстовых данных о подучетных лицах. Существенное значение также имеют данные, содержащиеся в графических источниках информации. К таковым относят массивы фотографий и дактилоскопических карт. В оцифрованном виде данная информация может оперативно направляться в базы данных органов внутренних дел для проверки по автоматизированным идентификационным системам. Так, программными комплексами ПТК АКУС УИИ предусмотрена возможность получения бесцветных дактилоскопических карт. Данная возможность реализуется посредством автоматизированного рабочего места «Дактомастер», предназначенного для бесцветного дактилоскопирования подучетных лиц и сличения полученных отпечатков папиллярных узоров. В органах внутренних дел функционирует автоматизированная дактилоскопическая система «Папилон», позволяющая вести обмен графической информацией с другими правоохранительными органами при условии совместимости программных средств. Таким об-

разом, необходимо обеспечить возможность идентификации дактилоскопической информации не только с базой дактилокарт, аккумулируемых в программных комплексах УИИ, но и с региональными картотеками следов рук, хранящимися в органах внутренних дел.

Таким образом, все автоматизированные системы, аккумулирующие потенциальную криминалистически значимую информацию, должны быть тесно связаны между собой. Поэтому стратегическая цель информатизации деятельности правоохранительных органов - это формирование единого интегрированного информационного пространства на основе имеющихся справочных, статистических и аналитических банков данных, доступное с автоматизированных рабочих мест сотрудникам правоохранительных органов. Сведение в единую систему банков данных различных правоохранительных органов является необходимым условием внедрения научных принципов подготовки и последующего принятия управленческих решений различных уровней по отдельным вопросам, возникающим в ходе обеспечения исполнения наказаний.

Еще в 1996 г. отдельные исследователи отмечали, что необходимо сформировать систему из 25-30 банков данных, которые отвечали бы общим интересам и содержали информацию, позволяющую принимать решения стратегического и тактического характера по большинству вопросов. В качестве таковой криминалистически значимой информации предлагались актуальные данные о физических и юридических лицах, о преступных действиях, об орудиях совершения преступлений [4].

В органах внутренних дел в настоящее время функционирует информационно-аналитическая служба, где происходит основное сосредоточение, а также обработка и хранение вышеуказанной информации на базе банков данных федерального и регионального уровней. Банки данных содержат информацию в форме различных учетов, объединенных в систему по функциональному признаку. Для уголовно-исполнительной системы наибольший интерес представляют автоматизированные информационные системы регистрации и учета преступлений, лиц, их совершивших, заключенных под стражу и осужденных.

В идеальном варианте возможно построение единой интегрированной информационной системы правоохранительных органов. Отдельные исследователи усматривают решение проблемы в создании системы кодовой регистрации населения. Подобные системы, созданные в ряде зарубежных стран, позволяют: во-первых, контролировать уровень преступности и предупреждать преступления; во-вторых, обеспечивать криминалистически значимой информацией органы расследования [5, с. 182].

Таким образом, решение задачи расширения сферы применения наказаний и мер, не связанных с лишением свободы, сопряжено с объективной необходимостью использования современных средств передачи информации, локальных и глобальных компьютерных сетей, автоматизированных информационных систем. Информационно-компьютерные технологии активно проникают во все сферы общественных отношений, включая и деятельность исправительных учреждений, которая в современных условиях представляется малоэффективной без использования новейших достижений, базирующихся на применении средств вычислительной техники.

Библиографический список

1. Голубцова К. И. Ограничение свободы: проблемы исполнения наказаний, возникающие у практических работников УИИ ФСИН России // Вестник Самарского юридического института: научно-практический журнал. № 4 (26)/2017. С. 33–36.
2. Об утверждении перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых уголовно-исполнительными инспекциями для обеспечения надзора за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы: Постановление Правительства Российской Федерации от 31 марта 2010 г. № 198 // Российская газета. 2010. 7 апр.
3. О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений: Постановление Правительства Российской Федерации от 18 февраля 2013 г. № 132 // Российская газета. 2013. 22 февр.
4. Максимов А. А., Логиновский О. В. Основные положения решения задач информатизации правоохранительных органов // Программные продукты и системы. 1996. № 4.

5. Карлов В. Я. Использование криминалистической техники в расследовании преступлений: научно-практическое пособие. М.: Экзамен, 2006. 192 с.

References

1. Golubtsova K. I. Ogranichenie svobody: problemy ispolneniya nakazanii, vznikayushchie u prakticheskikh rabotnikov UII FSIN Rossii [Restriction of freedom: problems of execution of punishments arising from practitioners, UII FPS Russia]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta: nauchno-prakticheskii zhurnal* [Bulletin of Samara law Institute: scientific and practical journal], 2017, no. 4 (26), pp. 33–36 [in Russian].

2. Ob utverzhdenii perechnya audiovizual'nykh, elektronnykh i innykh tekhnicheskikh sredstv nadzora i kontrolya, ispol'zuemykh ugovovno-ispolnitel'nymi inspektsiyami dlya obespecheniya nadzora za osuzhdennymi k nakazaniyu v vide ogranicheniya svobody: Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 31 marta 2010 g. no. 198 [About the approval of the list of the audiovisual, electronic and other technical means of supervision and control used by criminal and Executive inspections for ensuring supervision of condemned to punishment in the form of freedom restriction: the order of the Government of the Russian Federation of March 31, 2010 no. 198]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 2010, 7 apr. [in Russian].

3. O poryadke primeneniya audiovizual'nykh, elektronnykh i innykh tekhnicheskikh sredstv kontrolya, kotorye mogut ispol'zovat'sya v tselyakh osushchestvleniya kontrolya za nakhozheniem podozrevaemogo ili obvinyaemogo v meste ispolneniya mery presecheniya v vide domashnego aresta i za soblyudeniem im nalozhennykh sudom zapretov i (ili) ogranichenii: Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 18 fevralya 2013 g. no. 132 [About the order of application of audiovisual, electronic and other technical means of control which can be used for the purpose of control of finding of the suspect or accused in the place of execution of the measure of restraint in the form of house arrest and behind observance of the bans imposed by court and (or) restrictions: the order of the Government of the Russian Federation of February 18, 2013 no. 132]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 2013, 22 fevr. [in Russian].

4. Maksimov A. A., Loginovskii O. V. Osnovnye polozheniya resheniya zadach informatizatsii pravookhranitel'nykh organov [The main provisions of solving the problems of Informatization of law enforcement]. *Programmnye produkty i sistemy* [Software products and systems], 1996, no. 4 [in Russian].

5. Karlov V. Ya. Ispol'zovanie kriminalisticheskoi tekhniki v rassledovanii pre-stuplenii: nauchno-prakticheskoe posobie [Use of forensic technology in the investigation of crimes]. Moscow: Ekzamen, 2006, 192 p. [in Russian].

УДК 340

Латыпова Д. М.

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: dmyam@yandex.ru

Dinara M. Latypova

Candidate of Law, Assistant Professor of the criminal and penal law department,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: dmyam@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРИМЕНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ, НАЗНАЧАЕМЫХ В КАЧЕСТВЕ ОСНОВНЫХ И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ

Аннотация. В статье рассматриваются смешанные виды наказания: лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ограничение свободы, штраф, которые могут применяться и как основные, и как дополнительные. Исследуются проблемы, возникающие в правоприменительной деятельности при их исполнении, а также пробелы их законодательной регламентации. Анализируя такой вид наказания, как ограничение свободы, автор приходит к выводу о необходимости внесения изменений в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство, регламентирующее данный вид наказания, в том числе в части осуществления надзора за осужденными к ограничению свободы, автор приводит зарубежный опыт предварительного анализа целесообразности назначения ограничения свободы определенным категориям лиц. В части исследования штрафа как вида наказания автор анализирует вопрос о завышенном размере штрафных санкций и необоснованном неприменении такой меры уголовно-правового характера, как конфискация имущества. Лишение права занимать определенные должности либо заниматься определенной деятельностью – вид наказания в действующем уголовном законодательстве, имеющий множество пробелов регулирования, в том числе в части замены данного вида наказания при злостном уклонении от его отбывания и возможности осуществления надзора за нарушением его отбывания.

Ключевые слова: наказание, ограничение свободы, штраф, лишение права занимать должности либо заниматься определенной деятельностью, осужденный.

PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION AND APPLICATION OF PUNISHMENTS IMPOSED AS PRIMARY AND ADDITIONAL

Summary. The article considers mixed types of punishment: deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities, restriction of freedom, fine, which can be applied both basic and additional. The problems that arise in law enforcement activities in their implementation, as well as the gaps in their legislative regulation are investigated. Analyzing this type of punishment as a restriction of freedom, the author comes to the conclusion that it is necessary to introduce changes in the criminal and penal enforcement legislation that regulates this type of punishment, including with regard to supervising prisoners for restraint of freedom, the author gives the foreign experience of preliminary analysis of the expediency of appointment restrictions on freedom of certain categories of persons. With regard to the investigation of the fine as a form of punishment, the author analyzes the question of the excessive amount of penalties and unreasonable not the application of such a criminal-legal measure as confiscation of property. Deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities is a form of punishment in the current criminal legislation, which has many regulatory gaps, including with regard to the replacement of this type of punishment with malicious evasion of his serving and the possibility of supervising the violation of his serving.

Keywords: punishment, restriction of freedom, fine, deprivation of the right to occupy posts or engage in certain activities, convicted.

В свете проводимой нашим государством политики, направленной на гуманизацию условий отбывания наказаний осужденными и снижение количества применения наказаний, связанных с изоляцией осужденных от общества [1], важным представляется рассмотрение проблем законодательной регламентации и применения наказаний, назначаемых судом в качестве основных и дополнительных. К таковым в настоящее время относятся лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ограничение свободы, штраф. В качестве

исключительно дополнительного вида наказания применяется только лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград.

Статистические данные указывают на неуклонный рост количества исследуемых видов наказаний [2]. Так, на учете в уголовно-исполнительных инспекциях по такому виду наказания, как ограничение свободы, в 2014 г. состояло 27 080 человек; 2015 г. – 12 604; 2016 г. – 28 161. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью соответственно в 2014 г. – 19 416, в 2015 г. – 31 122, в 2016 г. – 96 939. Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время указанные виды наказания активно применяются судьями при определении меры уголовной ответственности.

Все чаще в науке уголовного права встречаются предложения об упразднении тех видов наказаний, применение которых нецелесообразно, а также о перестроении системы видов наказания в ст. 44 УК РФ.

Различные авторы отмечают пробелы правовой регламентации исследуемых видов наказаний в действующем законодательстве, а также выявляют проблемы, возникающие при их исполнении.

Ограничение свободы относится к числу смешанных видов наказаний, которое может применяться и как основное наказание, и как дополнительное. В качестве основного вида наказания ограничение свободы назначается в размере от двух месяцев до четырех лет лишения свободы, в качестве дополнительного – от шести месяцев до двух лет лишения свободы. К числу обязательных ограничений этого вида наказания относятся обязанность являться на регистрацию в уголовно-исполнительную инспекцию, запрет на изменение места жительства или пребывания без разрешения органа, исполняющего данный вид наказания, а также выезд за пределы муниципального образования. Остальные меры ограничения избираются на усмотрение суда.

Одной из актуальных проблем применения ограничения свободы является контроль за соблюдением такого ограничения, назначаемого судом, как запрет на уход из дома в определенное время суток. Указанный период составляет с 22.00 до 6.00. Трудности возникают с проверкой соблюдения осужденными данного ограничения. Многие инспекторы осуществляют данную проверку путем телефонных звонков, однако при этом отмечают, что если осужденный пожелает скрыть от инспектора нарушение указанного ограничения, то просто отключает телефон, ссылаясь при этом на неисправности телефонных аппаратов, либо маленьких детей, которых звонки инспектора тревожат в ночное время. Таких средств, как электронный браслет, который применяется для осуществления контроля за соблюдением осужденными установленных судом ограничений, в инспекциях часто не хватает. Как отмечают сотрудники инспекций, низкая техническая оснащенность подобными устройствами, большая часть которых используется для осуществления контроля за подозреваемыми и обвиняемыми, в отношении которых установлена мера пресечения в виде домашнего ареста, приводит к тому, что осужденные, в отношении которых назначено ограничение свободы, остаются без надлежащего контроля, особенно в ночное время суток. Ученые предлагают устранить данную проблему путем увеличения планирования денежных средств на приобретение нужного количества технических средств, однако в настоящее время в условиях экономии бюджетных средств быстро реализовать данное предложение не представляется возможным [3].

Следующей проблемой, возникающей в правоприменительной деятельности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, является осуществление контроля за реализацией запретов на посещение определенных приговором суда мест и мероприятий. Большой проблемой в данном случае является осуществление контроля за соблюдением осужденным данного ограничения. В правоприменительной практике встречаются случаи, когда осужденному запрещается судом посещать детские учреждения, при этом он является отцом ребенка, посещающего детский сад. Наложение судом ограничение приводит к ущемлению его родительских прав приводить и забирать собственного ребенка из детского учреждения. Поэтому избрание исследуемого ограничения должно производиться судом с учетом всех обстоятельств дела, личности и семейного положения виновного.

Также осужденные часто допускают нарушение запрета на изменение места постоянного проживания: они ставят инспектора, осуществляющего за ним контроль, уже перед фактом свершившейся смены места жительства. В литературе встречаются предложения подобные случаи относить к числу злостных нарушений, совершаемых осужденными, и в случае их совершения направлять в суд представление о замене ограничения свободы на другой вид наказания – принудительные работы либо лишение свободы.

Интерес представляет зарубежный опыт аналогичной меры ответственности, когда перед назначением ограничения свободы судом определенные органы тщательно проверяют целесообразность и возможность исполнения данного вида наказания. Например, в английском законодательстве предусматривается, что суду представляется отчет службы пробации с рекомендациями о возможности применения мер, не связанных с изоляцией от общества. Несмотря на дополнительную нагрузку, связанную с исполнением указанных запросов, в целом согласно проведенным опросам инспекторы уголовно-исполнительных инспекций положительно относятся к данной инициативе, при этом отмечают, что подобное введение позволит исключить назначение ограничения свободы тем категориям осужденных, в отношении которых исполнение его не представляется возможным по объективным причинам [4].

Исследуя вопрос о строгости ограничения свободы, нельзя не остановиться на вопросе о его месте в системе наказаний. Обращаясь к первоначальной редакции ст. 53 УК РФ 2003 г., отмечаем совершенно иную природу исследуемого вида наказания: ограничение свободы заключалось в содержании осужденного, достигшего к моменту вынесения судом приговора восемнадцатилетнего возраста, в специальном учреждении без изоляции от общества в условиях осуществления за ним надзора. Оно назначалось лицам, осужденным за совершение умышленных преступлений и не имеющим судимости, – на срок от одного года до трех лет и лицам, осужденным за преступления, совершенные по неосторожности, – на срок от одного года до пяти лет. В случае злостного уклонения от отбывания ограничения свободы оно заменялось лишением свободы, при этом время его засчитывалось в срок лишения свободы из расчета один день лишения свободы за один день ограничения свободы. Прежняя норма ст. 53 УК РФ сопоставима по строгости с существующими в настоящее время принудительными работами.

В настоящее время редакция ст. 53 УК РФ существенным образом изменилась. От ее прежней редакции практически ничего не осталось. По силе ограничений анализируемый нами вид наказания уступает многим видам наказаний, в том числе и штрафу в действующей редакции, размеры которого представляются существенными. В связи с этим, по нашему мнению, следует изменить структуру ст. 44 УК РФ, поскольку виды наказания в ней должны располагаться от менее строгого к более строгому виду наказания.

Многочисленные споры и дискуссии в научной среде ведутся и в отношении такого вида наказания, как штраф. Исследователями отмечаются завышенные размеры штрафа: до пяти миллионов рублей; в сумме кратной сумме взятки либо коммерческого подкупа, – до пятисот миллионов рублей). Законодатель упразднил конфискацию имущества в качестве вида наказания и переместил ее в раздел «Иные меры уголовно-правового характера». Однако суды часто просто забывают о ее наличии в Уголовном кодексе. Возникает закономерный вопрос, почему при выявлении определенных обстоятельств, свидетельствующих о нелегальности полученных денежных средств осужденным, суд не применяет конфискацию имущества, а назначает штраф, выплата которого предполагается из денег и имущества, полученного осужденным законным путем.

К пробелам действующего законодательства следует отнести и возможность назначения штрафа несовершеннолетним осужденным, фактическую выплату которого зачастую осуществляют его родители. В данном случае не соблюдается принцип индивидуальной и личной ответственности. Представляется необходимым изменить ч. 2 ст. 88 УК РФ, предусмотрев в указанной норме закона, что штраф может назначаться судом только при наличии у несовершеннолетнего исключительно самостоятельно заработанных денежных средств. Таким образом, будет исключена возможность применения штрафа в отношении тех несовершеннолетних осужденных, у которых нет самостоятельного заработка, а также возможность его уплаты родителями осужденного.

Также многочисленные проблемы в правоприменительной практике возникают в связи с исполнением наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Данный вид наказания регламентируется помимо УК РФ и УИК РФ Приказом Минюста России «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» от 20 мая 2009 г. № 142. В п. 39 данной инструкции предусмотрено, что в случае когда инспектор обнаружит факт несоблюдения осужденным предписаний суда о запрете занимать государственную должность либо заниматься определенным видом деятельности, он должен запросить подтверждающие документы и вынести постановление о невключении в срок наказания данного периода времени.

Для примера возьмем такой налагаемый судом запрет, как запрет управления транспортным средством. Инспекторы отмечают, что установить точное время, в течение которого осужденный нарушал установленное ограничение, не представляется возможным. В случае фиксации такого нарушения никаких мер ответственности для нарушителя не предусмотрено. Осуществляется простое продление времени налагаемого запрета. Данное положение является существенным пробелом уголовного законодательства. В связи с этим представляется необходимым предусмотреть в УК РФ в ст. 47 виды наказаний, на которые суд может заменить указанный вид наказания в случае злостного уклонения от его отбывания.

Подводя итог нашему исследованию, следует отметить, что законодательная регламентация смешанных видов наказаний в настоящее время содержит множество пробелов, что указывает на необходимость внесения изменений в нормативно-правовые акты.

Библиографический список

1. Минсафина С. Н., Власова У. С. Деятельность уголовно-исполнительных инспекций по контролю за условно-осужденными // Вестник Самарского юридического института: научно-практический журнал. №1 (23)/2017. С. 45–47.
2. Официальный сайт ФСИН России [Электронный ресурс]. URL: <http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/> (дата обращения: 21.04.2017).
3. Капитонова Е. А. Ограничение свободы: современные проблемы применения // Законность. 2014. № 5. С. 31–34.
4. Тепляшин П. В., Рахматулин З. Р. Учет личностных характеристик лиц при назначении уголовного наказания в виде ограничения свободы // Современное право. 2015. № 12. С. 133–137.

References

1. Minsafina S. N., Vlasova U. S. Deyatel'nost' ugovovno-ispolnitel'nykh inspektsii po kontrolyu za uslovno-osuzhdennymi [Activities of criminal and Executive inspections for the control of suspended prisoners]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta: nauchno-prakticheskii zhurnal* [Bulletin of Samara law Institute: scientific and practical journal], 2017, no. 1 (23), pp. 45–47 [in Russian].
2. Ofitsial'nyi sait FSIN Rossii [Official site of the Federal penitentiary service of Russia]. URL: <http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/> (Accessed: 14.07.2017) [in Russian].
3. Kapitonova E. A. Ogranichenie svobody: sovremennye problemy primeneniya [Restriction of freedom: contemporary problems of application]. *Zakonnost'* [Legality], 2014, no. 5, pp. 31–34 [in Russian].
4. Teplyashin P. V., Rakhmatulin Z. R. Uchet lichnostnykh kharakteristik lits pri naznachenii ugovovnogo nakazaniya v vide ogranicheniya svobody [Accounting for personal characteristics of persons in the imposition of criminal penalties in the form of restriction of freedom]. *Sovremennoe pravo*. [Modern law], 2015, no. 12, pp. 133–137 [in Russian].

УДК 340

Панькина И. Ю.

кандидат юридических наук, доцент,
Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта,
236016, г. Калининград, ул. А. Невского, 14,
e-mail: iupanjkina@yandex.ru

Дубицкий К. П.

аспирант факультета права и администрации Гданьского
университета, адвокат,
81-379, Республика Польша, г. Гдыня, ул. Мицкевича, 16,
e-mail: krzysztof@dubicki.org

Inga U. Pankina

Candidate of Law, Associate Professor,
Immanuel Kant Baltic Federal University,
A. Nevsky str., 14, Kaliningrad, Russia, 236016,
e-mail: iupanjkina@yandex.ru

Krzysztof P. Dubicki

PhD student at the Faculty of Law and Administration,
University of Gdansk, Advocate,
Mickiewicz str., 16, Gdynia, Republic of Poland, 81-379,
e-mail: krzysztof@dubicki.org

ПРИНЦИПЫ СУДЕБНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ И ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УПК ПОЛЬШИ: НА ПРИМЕРЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы реализации принципов судебного доказывания в разбирательстве уголовных хозяйственных дел на основании уголовно-процессуального законодательства Республики Польша. Уже в момент вступления в законную силу УПК содержал многие актуальные решения, которые раньше не были известны польскому законодателю. Прежде всего, особое внимание обращается на защиту прав потерпевшего, в частности, наделяя его правом стороны – участника производства уже на стадии предварительного расследования, без необходимости подачи им заявлений. Делается вывод о том, что судопроизводство является двухинстанционным и основывается на модели полной апелляции. Особое внимание в статье уделяется процессуальной форме судебных доказательств. Авторами предлагается система, состоящая из основных видов доказательств: пояснений обвиняемого, показаний свидетелей, заключений экспертов, а также процессуальных документов. В статье приводится мнение о том, что доказательством надо считать все, что способно убедить судью в виновности или невиновности лица. Авторами выделяются основные принципы судебного разбирательства.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство Республики Польша, судебное производство, принципы судебного доказывания, виды доказательств, уголовные хозяйственные дела.

PRINCIPLES OF JUDICIAL PROOF AND PROCEDURAL FORM OF EVIDENCE ON THE CODE OF POLAND: ON THE EXAMPLE OF ECONOMIC CRIMES

Summary. The article deals with the implementation of the principles of judicial proof in criminal economic cases on the basis of criminal procedural legislation of the Republic of Poland. Already at the time of entry into force of the code of criminal procedure contained many relevant decisions that were not previously known to the Polish legislator. First of all, special attention is paid to the protection of the rights of the victim, in particular, giving him the right of a party to the proceedings already at the stage of preliminary investigation, without the need to submit their applications. It is concluded that the proceedings are of a two-station nature and are based on the full appeal model. Particular attention is paid to the procedural form of judicial evidence. The authors propose a system consisting of the main types of evidence: explanations of the accused, witness statements, expert opinions, and procedural documents. The article gives the opinion that everything that can convince a judge of guilt or innocence of a person should be considered as evidence. The authors identify the basic principles of judicial proceeding.

Keywords: criminal procedure legislation of the Republic of Poland, judicial proceedings, principles of judicial evidence, types of evidence, criminal economic cases.

УПК Республики Польша от 6 июня 1997 г. [1], действует во всех уголовных процессах за исключением тех, которые относятся к делам о финансовых преступлениях и к правонарушениям: к ним соответственно применяются процессуальные положения из Уголовного казначейского кодекса и Процессуального кодекса о правонарушениях. Надо отметить, что эти законы в своем содержании не учитывают многих комплексных правовых регуляций, ссылаясь на соответствующие положения Уголовно-процессуального кодекса, что подчеркивает его ведущую роль в уголовно-процессуальном законодательстве.

Традиционно в уголовном процессе Польши существуют три основные стадии: предварительное расследование, судебное производство, называемое также юрисдикционным, и исполнительное производство [2, с. 136]. Предварительное расследование производится либо в виде следствия, и тогда оно ведется под надзором прокурора, либо в виде дознания, которое, как правило, ведет полиция. В этом процессе роль суда ограничивается рассмотрением заявлений от органов преследования и заявлений, связанных с нарушением гражданских прав и свобод. В частности, согласно ст. 263 § 1 УПК суд применяет временное заключение под стражу, а также согласно ст. 252 § 1 УПК рассматривает жалобы на применение других мер пресечения, на задержание. Суд также дает согласие на освобождение от банковской или профессиональной тайны. В частности, согласно ст. 263 § 1 УПК Суд применяет временное заключение под стражу, а также согласно ст. 252 § 1 УПК рассматривает жалобы на применение других мер пресечения, на задержание. Суд также дает согласие на освобождение от банковской или профессиональной тайны.

Судебное производство (разбирательство) ведется судом (судьей), а обвинитель и подсудимый являются в нем сторонами. Потерпевший, который выражает такое желание, может присоединиться к процессу в качестве субсидиарного обвинителя. Если он этого не сделает, на него будут распространяться определенные процессуальные права, но в значительно меньшем объеме, чем когда он выступит участником стороны. Само судопроизводство является двухинстанционным и основывается на модели полной апелляции. Поскольку подсудимый не обязан доказывать своей невинности, он вправе проявлять инициативу по собиранию и исследованию доказательств вплоть до завершения уголовного дела в суде 2-й инстанции. На вступившее в силу решение апелляционного суда стороны могут подать кассационную жалобу в Верховный суд и при этом, в определенных случаях, когда не назначена мера наказания в виде безусловной изоляции, подача кассационной жалобы обвиняемым является ограниченной.

Уже в момент вступления в законную силу данный закон содержал многие актуальные решения, которые раньше не были известны польскому законодателю. Прежде всего, особое внимание обращается на защиту прав потерпевшего, в частности, наделяя его правом стороны – участника производства уже на стадии предварительного расследования, без необходимости подачи им заявлений. На основании Уголовно-процессуального кодекса Польши от 19 апреля 1969 г. (Законодательный вестник № 13 поз. 69) потерпевший мог выступать в качестве субсидиарного обвинителя только на стадии производства в суде, не имея прежде прав стороны предварительного расследования. Роль потерпевшего в предварительном расследовании подробно обсуждает В. Сых [3, с. 137]. Содержание ст. 2 УПК, указывающее основные цели уголовного процесса, также содержит то, что надо учитывать защищаемые законом интересы потерпевшего. В этом проявляется тенденция уменьшения значения наказания в пользу возмещения ущерба [4, с. 570]. Данный элемент носит большое значение в борьбе с экономической (хозяйственной) преступностью.

Надо отметить, что в УПК Польши с 2015 г. восстановлен принцип материальной истины, а также право суда предпринять инициативу в процессе судебного доказывания с целью установления фактических обстоятельств дела. В связи и с этим положением исключительным источником знания суда являются доказательства [5, с. 23]. Именно на основании доказательств процессуальный орган устанавливает факты, существенные для определения норм материального права и принятия решений [6, с. 16]. Перечень средств доказывания не является исчерпывающим. Как отметил Верховный суд Республики Польша в приговоре от 11 июня 1981 г., вынесенном по делу IKR 78/81 [7], вид доказательства не связывает суд, так как доказательством надо считать все, что способно убедить судью в виновности или невиновности лица. Итак, можно признать, что понятие доказательства в УПК Польши определено путем представления конкретных средств доказывания [8, с. 39]. Однако они не могут учитываться в процессе предъявления доказательств. Например, показания адвоката обвиняемого (п. 1 ст. 178 УПК РП), показания священника на тему фактов, о которых он узнал во время исповеди (п. 2 ст. 178 УПК РП), показания лиц, обязанных сохранять служебную или государственную тайну, если они не освобождены от этого соответствующим органом или судом (ст. ст. 179 и 180 УПК), а также доказательства, полученные с нарушением положений производства или преступным путем (ст. 168а УПК).

Для того чтобы доказательство могло стать основанием для судебного решения, оно не только должно быть известно процессуальному органу, но также должно быть представлено и исследовано на судебном заседании. Это один из важнейших принципов уголовного процесса – принцип непосредственности. Он является «общей рекомендацией для суда, других процессуальных органов и процессуальных сторон, чтобы во время судебного разбирательства суд пользовал-

ся таким доказательственным материалом, который соответствует рассматриваемому фактическому происшествию» [9, с. 19]. Этот принцип прямо не кодифицирован в УПК, но его нормативное значение определяется в ст. 401 § 2 УПК, согласно которому судебное разбирательство проводится одним и тем же составом суда, а в случае его изменения разбирательство дела начинается сначала. Другим положением принципа непосредственности являются требование ст. 174 УПК. В соответствии с данной статьей пояснения подсудимого и показания свидетеля нельзя заменить чтением содержания документов, а также положением ст. ст. 391–393а УПК, в которых указаны обстоятельства, запрещающие ссылаться на персональные источники доказательств.

С принципом непосредственности связан принцип материальной истины: суд при установлении фактического состояния дел должен также стремиться узнать действительное состояние, не ограничиваясь процессуальным материалом, представленным сторонами. Его нормативное выражение заключается в ст. 2 § 2 УПК, согласно которой «основанием для всех решений должно быть настоящее установление фактов».

Собранные и представленные в соответствии с указанными принципами доказательства подлежат оценке сообразно принципу свободной оценки доказательств. Этот принцип нашел свое отражение в ст. 7 УПК, согласно содержанию которой «органы производства формируют свои убеждения на основании всех представленных доказательств, свободно оцениваемых с учетом принципов правильного рассуждения, а также рекомендаций знания и жизненного опыта». В связи с этим, представляется, что суд и орган предварительного расследования не связаны никакой формальной иерархией доказательств. Они должны руководствоваться только свободной оценкой.

В польском уголовном процессе действует принцип гласности судебного разбирательства (исключительно на судебном заседании). В соответствии со ст. 355 УПК «судебное разбирательство является открытым, а возможные ограничения открытости определяются законом». Примерно таким правовым актом является закон от 25 июня 1997 г. «О коронном свидетеле».

Надо, однако, отметить, что действия предварительного расследования, по крайней мере, на досудебной стадии, выполняются прокуратурой или полицией, которые на основании закона допускают участников к ознакомлению с доказательственными материалами [10, с. 152].

Последние два самых важнейших принципа польского уголовного производства – это принципы устности и контрадикторности. В соответствии с первым принципом процессуальные действия выполняются устно, а подача заявлений в форме процессуальных писем является исключительной. Зато согласно принципу контрадикторности обвинитель и обвиняемый являются сторонами производства, имеющими собственную инициативу относительно доказательств, то есть вправе самостоятельно формировать объем доказательств [11, с. 60].

Проанализировав основные принципы доказывания, хотелось бы перейти к особенностям рассмотрения уголовных хозяйственных дел (экономических преступлений). В первую очередь, надо отметить существенное значение в процессе доказывания данной категории дел пояснений обвиняемого, показаний свидетелей, заключений экспертов и документов.

Согласно содержанию ст. 175 УПК, обвиняемый вправе дать пояснения как на предварительном расследовании, так и в суде. Польский УПК не вводит различий между пояснениями, которые даются в предварительном расследовании и в суде, уравнивая их доказательственную ценность. Как правило, пояснения даются устно и только после этого вносятся в протокол. Однако по хозяйственным делам целесообразным является предоставление возможности подозреваемому (а также в последующих этапах подсудимому) дать пояснения в письменной форме. Специфика данного вопроса состоит в том, что по экономическим преступлениям пояснения подсудимого касаются, чаще всего, других лиц. Например, продажа недвижимости, как правило, разрешается законом, однако в определенных обстоятельствах, в случае, если ей угрожает банкротство – может содержать признак состава преступления против кредиторов. Подсудимый часто подтверждает, что совершил деяние, которое изложено в обвинительном заключении, отрицая одновременно наличие дополнительных обстоятельств. Например, деяние с целью недопущения проведения судебным приставом принудительного исполнения решения или введение контрагента в заблуждение относительно собственного финансового положения.

Часто виновность лица дополнительно определяется через его личное положение (занимаемая должность в хозяйствующем субъекте), что еще больше затрудняет определение правовой квалификации деяния [12, с. 157], заставляя орган производства детально устанавливать фактиче-

ские и правовые обстоятельства дела. В таких случаях предоставление подсудимому возможности дать письменные пояснения приобретает дополнительное значение.

На стадии предварительного расследования данную ситуацию регулирует ст. 176 УПК, в которой указано, что по требованию подозреваемого или его адвоката предоставляется возможность дать пояснения в письменной форме при одновременном запрете контакта с третьими лицами. Мы считаем, что практическое значение этого института небольшое, поскольку применяется только по требованию стороны и только на предварительном расследовании. Так как данное действие производится уже после привлечения в качестве обвиняемого, кажется, что нет препятствий дать одновременно подозреваемому согласие на ознакомление с материалами дела [13, с. 195]. Нет также препятствий для того, чтобы дать подозреваемому доступ к компьютеру с соответствующим программным обеспечением (текстовый редактор, электронная таблица) для составления собственных расчетов, представление которых в устной форме невозможно. Следует подчеркнуть, что документ, полученный от стороны-участника производства, в процессуальном смысле является приложением к протоколу допроса.

Надо отметить, что еще в 2002 г. Верховным судом дано толкование нормы ст. 453 § 2 УПК, регулирующей дачу стороной пояснений, заявлений и ходатайств [14]. Он приравнивал понятие «пояснений», которые дает сторона в апелляционном производстве с «пояснениями» обвиняемого, как средством доказывания, предусмотренным ст. ст. 175 и 176 УПК (так, М. Клейновска критически оценила Постановление по делу ШКК 271/02. См.: Государство и Право, 2004. № 9. С. 128–132. Похожее мнение высказал Д. Съвецки относительно постановления по делу ШКК 271/02. См.: Судебная практика польских судов. 2004. № 9, поз. 105). На наш взгляд, это было правильным, так как принцип устности при расследовании экономических преступлений должен уступать принципу письменности. Однако это вызвало обширную критику. Как пример можно привести содержание приговора Апелляционного суда в Варшаве, вынесенного 15 апреля 2015 г. по делу ПАКа 78/15, в котором суд решительно установил, что исключительный институт письменных пояснений обвиняемого урегулирован в ст. 176 УПК, не может выноситься на стадию производства перед судом.

Представляется, что это не означает отсутствие для обвиняемого возможности передачи в письменной форме своего мнения, так как практически до момента судебного заседания обвиняемый имеет право внести письменные ответы на обвинительное заключение (ст. 338 УПК), а в случае перенесения производства в высшие инстанции – соответственно к ответу на апелляцию (ст. 428 УПК) и кассацию (ст. 530 § 5 УПК).

Показания свидетеля – это доказательственное средство, содержащиеся в ст. 177 УПК. На основании принципа непосредственности в последние годы уже не проводятся допросы свидетелей, проживающих на большом расстоянии от местонахождения процессуального органа (ст. 396 § 2 УПК). В таких случаях используются технические средства, которые дают возможность провести телеконференцию в соответствии со ст. 177 § 1а УПК. Введение, предусматривающее «телеконференцию» ч. 1а в ст. 177 УПК, регулирующей правила представления доказательства с допроса свидетеля, надо толковать как общее правило такого проведения действия на расстоянии и только исключительно пользоваться правовой помощью в понимании ст. 396 § 2 УПК, если является невозможным непосредственный допрос свидетеля. Надо дополнить, что в месте допроса свидетеля сопровождает судебный референдарий или ассистент судьи, который подтверждает личные данные свидетеля и заботится о правильном ходе действия. В данной ситуации обязанностью свидетеля является явка в местонахождении процессуального органа, а в случае отказа – на него возможно наложить меры принуждения – штраф или привод.

Итак, классическая роль свидетеля как лица, которое должно передать суду то, что видел и слышал, является ограниченной. Показания сотрудников правоохранительных органов тоже имеют меньшее значение, так как информацию о совершении преступления правоохранительные органы в значительном объеме получают от потерпевших или других надзорных органов, например, от Комиссии по финансовому надзору или от аудиторов. Тем более второстепенное значение имеют анонимные и коронные свидетели. Одновременно в преступлениях такого типа появляются новые категории свидетелей, очень редко выступающие в процессах общих преступлений, такие как работники предприятий или других учреждений, в рамках деятельности которых произошли экономические преступления. В настоящее время все чаще это лица, обслуживающие эти субъекты в хозяйственном обороте, например, нотариусы, бухгалтера, адвокаты и юрисконсульты.

Следующей группой свидетелей являются потерпевшие. При этом из-за специфики анализируемых деяний они часто являются самой многочисленной группой в уголовном судопроизводстве.

И последней группой, которую надо особенно отметить, являются работники государственных или муниципальных учреждений, которые столкнулись с незаконной деятельностью хозяйствующего субъекта.

Представляется, что наиболее ценными свидетелями являются работники бухгалтерских отделов или внутреннего контроля, так как они обладают глубоким знанием на тему финансово-правовой ситуации субъекта (юридического лица или индивидуального предпринимателя) в данный период времени. И более того, этим лицам можно предъявить финансовые документы, находящиеся в материалах дела, для верификации и проверить, составлены ли они уполномоченными для этого лицами в рамках их компетенций.

Довольно спорной практикой является допрос адвоката и юрисконсульта, ведущих дела хозяйствующего субъекта, с целью установления его финансово-правовой ситуации. Эта практика нашла широкое применение в Соединенных Штатах Америки, где во многих судопроизводствах от обязанности соблюдать конфиденциальность освобождались адвокаты, выполняющие аудиты в хозяйственных единицах. Это привело к ситуации, что в случаях экономической угрозы корпорации они отказываются от поручения проведения финансово-правовых аудитов, опасаясь, что работающие у них адвокаты будут использованы в качестве свидетелей против представителей этих корпораций [15, с. 28].

В польском УПК абсолютно запрещается допрос защитника, то есть адвоката, который ведет защиту по уголовному делу, уголовно-финансовом или по делам о правонарушениях. А это является одной из основных гарантий реализации права на защиту.

Однако возможным является допрос адвоката или юрисконсульта относительно обстоятельств, связанных с их профессиональной работой, но в этом случае имеются некие осложнения. Во-первых, согласно содержанию ст. 180 § 2 УПК на каждой стадии производства допрос такого лица решает суд, освобождая их от адвокатской тайны или от тайны юрисконсульта. Во-вторых, освобождение относится к конкретным доказательственным фактам. При этом предпосылкой освобождения является то, что данные обстоятельства не могут быть представлены с помощью других доказательственных средств. (Эти предпосылки были предметом подробного рассуждения Конституционного Трибунала по факту жалобы юрисконсультов, обязанных дать показания, касающиеся оказания правовой помощи в пользу субъекта, члена, правления которого привлечено в качестве обвиняемого за уголовно-финансовые преступления. Приговором от 1 декабря 2004 г., вынесенным по делу SK 64/03, Конституционный трибунал принял решение о соответствии ст. 180 § 2 УПК Конституции РП.) Надо также отметить, что сохранение тайны адвокатом и юрисконсультом – это обязанность, а не полномочие [16, с. 113]. В связи с этим такое лицо не может даже при разрешении или по просьбе обвиняемого дать показания по делу, так как только суд вправе отменить запрет, следующий из профессиональной тайны [15, с. 28].

Кроме того, важным элементом допроса свидетелей в расследовании экономических преступлений является предъявление им документов, включающих информацию о деятельности хозяйствующих субъектов. Польская уголовная процедура не указывает документа как самостоятельного доказательственного средства, но понятие «содержание документа» разработано в доктрине, в частности М. Цесляком [17, с. 42]. Часто обстоятельства, указывающие на наличие либо отсутствие признаков состава преступления, следуют прямо из документации, а обвиняемый из-за отсутствия обязанности доказывать свою невиновность (презумпция невиновности) не заинтересован представить эти документы.

С точки зрения процесса доказывания и его системы элементов самым главным является разделение документов на обнародованные или предоставленные третьим лицам, частные документы данной хозяйственной единицы, либо относящиеся к финансовой, банковской или другой тайне.

Часто наиболее существенные для дела обстоятельства вытекают из документов, которые находятся в хозяйственной единице, управляемой обвиняемым, которого нельзя обязать предъявить их, более того, данное лицо можно скрыть или уничтожить их. В этом аспекте обеспечение документации предприятия заранее может решить дальнейшую судьбу уголовного судопроизводства. Решение о требовании выдачи документов (в том числе документов в электронной форме, зафиксированных на твердых дисках оборудования) и о возможном обыске помещений в предварительном расследовании принимает исключительно прокурор [18, с. 356]. Поскольку обыск рас-

ценивается как вмешательство в сферу личных свобод человека, он должен применяться только тогда, когда имеется большая вероятность получить результат. Надо отметить, что к обыску помещений, принадлежащих лицу, не являющемуся обвиняемым, предъявляются более строгие требования, так как процессуальное действие приводит к нарушению неприкосновенности личной жизни участников уголовного дела.

Очередной важной группой документов с существенным содержанием для уголовного процесса являются выписки из банковских счетов, которые позволяют определить действительное финансовое положение хозяйствующего субъекта на данный день, а также восстановить финансовые потоки между хозяйственными единицами. Разрешение на освобождение банка от банковской тайны, как правило, выдает суд, рассмотрев заявление прокурора. Такое разрешение необязательно, если владелец банковского счета сам предоставит прокурору полномочия на получение информации в конкретно указанном банке. Не требуется также разрешение суда на освобождение банка от банковской тайны относительно информации о банковских действиях в пользу лица, которое привлечено в качестве обвиняемого.

Предоставление доказательств, основанных на показаниях лиц и документах, часто являются недостаточными для установления фактического состояния дела. Поэтому процессуальный орган может на основании ст. 193 § 1 или 2 УПК назначить проведение экспертизы. Польский УПК предусматривает принцип, что процессуальный орган назначает судебного эксперта, который является его помощником. Более того, назначение эксперта является необходимым даже в том случае, когда сам орган владеет специальным знанием. Выполнение экспертизы можно поручить уже в предварительном расследовании при установлении обоснованности привлечения в качестве обвиняемого, а также в судебном производстве, в частности, если проверке подлежит представленная обвиняемым линия защиты. Тезисы заключения по экономическим преступлениям касаются, главным образом, вопросов, связанных с финансовым положением хозяйственной единицы, возможностью выполнения ею принятых на себя обязательств и т.п. Важно то, что предметом заключения эксперта не может быть правовая квалификация договоров заключаемых данным субъектом, независимо от степени их сложности, так как предметом заключения являются факты. (Согласно положению *iuranovitcuria* не представляются в принципе доказательства с целью установления правовых обстоятельств, хотя в судебной практике отмечается допустимость таких заключений, с целью установления норм иностранного правового порядка совсем неизвестного суду (напр., правовые аспекты многоженства) либо норм технического характера (напр., сложные физические формулы, помещенные в приложении к распоряжению, регулирующему несущую способность сооружения). В этой сфере надо отметить Постановление Верховного суда – Уголовная палата от 6 февраля 2014 г., вынесенное по делу ШКК 359/13, опубликованное в Системе правовой информации Legalis за № 768676).

Если заключение составлено в предварительном расследовании, оно часто дополняется в последующих стадиях производства, чаще всего вследствие принятия обвиняемым доказательственной инициативы. Дополнения к заключению, как правило, составляются в письменной форме в предварительном расследовании и в устной форме в судопроизводстве. Возможно и составление письменного дополнительного заключения вместе с проведением допроса эксперта на судебном заседании, для того чтобы суд и стороны проконтролировали последовательность и логичность заключения [19, с. 217].

Составленное сторонами заключение после приобщения его к материалам дела подлежит исследованию в судебном разбирательстве. Такой документ может являться для суда существенным источником информации о возможном представлении доказательств. Конечно, автор заключения может быть раньше допрошен в качестве свидетеля. Однако задаваемые ему вопросы не могут касаться сферы специальных знаний, которыми он обладает, так как в этой области показания могут давать только лицо, формально назначенное для исполнения должности судебного эксперта.

Библиографический список

1. Текст закона опубликован в Законодательном вестнике Республики Польша от 4 августа 1997 г. № 89 поз. 555 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cudzoziemiecwpolsce.pl/wp-content/uploads/> (дата обращения: 16.01.2018).

2. Сых В. Изменение ситуации потерпевшего на исполнительный стадии польского уголовного процесса // Прокуратура и Право. 2006. № 2. С. 135–139.
3. Сых В. Влияние потерпевшего на ход предварительного расследования в польском уголовном процессе. Краков, 2006. 229 с.
4. Залевски В. Справедливость «исправительной справедливости». Гданьские юридические исследования. Т. XXXV. 2016. С. 564–572.
5. Габерле А. Доказательства в судебном уголовном процессе – теория и практика. Варшава, 2010. 234 с.
6. Павелец К. Процесс доказывания в уголовном производстве. Варшава, 2010. 176 с.
7. Система правовой информации Lex № 17367 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sip.lex.pl> (дата обращения: 15.12.2017).
8. Габерле А. Доказательства в судебном уголовном процессе – теория и практика. Варшава, 2010. 234 с.
9. Съвецки Д. Непосредственность или косвенность в польском уголовном процессе. Варшава. 2013. 195 с.
10. Пониковски Р. Открытость уголовного процесса. Варшава, 2012. 152 с.
11. Съвецки Д. Непосредственность или косвенность в польском уголовном процессе. Варшава, 2013. 260 с.
12. Завлоцки Р. Хозяйственное уголовное право. Варшава, 2007. 257 с.
13. Клейновска М. Обвиняемый как персональный источник информации о преступлении. Краков, 2004. 312 с.
14. Постановление Верховного суда от 15 октября 2003 г. по делу IIIKK 271/02, Система правовой информации Lex № 82138; OSNKW (Судебная практика Верховного суда – Уголовная и Военная Палата), 2003. № 11–12. Поз. 102.
15. Кулеша Ц. Защита по делам о хозяйственных и финансовых преступлениях. Варшава, 2012. 125 с.
16. Гостыньски З. Журналистская тайна и обязанность дачи показаний в уголовном процессе. Варшава, 1997. 253 с.
17. Цесляк М. Доказательственные вопросы в уголовном процессе. Варшава, 1955. 182 с.
18. Кита Э. Доказательство в уголовном процессе в сравнительной перспективе. Люблин, 2016. 572 с.
19. Гирдвоын П. Очерк криминалистической тактики защиты. Краков, 2004. 329 с.

References

1. Tekst zakona opublikowan v Zakonodatel'nom vestnike Respubliki Pol'sha ot 04 avgusta 1997 g. № 89 poz. 555 [The text of the law is published in the legislative Gazette of the Republic of Poland dated 04 August 1997 № 89 POS. Five hundred fifty five.] URL: <http://www.cudzoziemiecwpolsce.pl/wp-content/uploads/> (Accessed: 16.01.2018) [in Polish].
2. Sykh V. Izmenenie situatsii poterpevshego na ispolnitel'noi stadii pol'skogo ugovnogo protsessa [Changing the situation of the victim at the Executive stage of the Polish criminal process]. *Prosecutor's office and Law [Prokuratura i Pravo]*, 2006, no. 2, pp. 135–139 [in Russian].
3. Sykh V. Vliyanie poterpevshego na khod predvaritel'nogo rassledovaniya v pol'skom ugovnom protsesse [Influence of the victim on the course of the preliminary investigation in the Polish criminal proceedings]. Krakow, 2006, 229 p. [in Polish].
4. Zalevski V. Spravedlivost' «ispravitel'noi spravedlivosti». [Justice of "corrective justice"]. *Gdan'skie yuridicheskie issledovaniya [Gdansk legal research]*, t. XXXV, 2016, pp. 564–572 [in Poland].
5. Gaberle A. Dokazatel'stva v sudebnom ugovnom protsesse – teoriya i praktika [Evidence in criminal proceedings-theory and practice]. Warsaw, 2010, 234 p. [in Polish].
6. Pavelets K. Protsess dokazyvaniya v ugovnom proizvodstve [The process of proof in criminal proceedings]. Warsaw, 2010, 176 p. [in Polish].
7. Sistema pravovoi informatsii Lex no. 17367 [System of legal information Lex no. 17367]. URL: <http://www.sip.lex.pl> (Accessed: 15.12.2017) [in Polish].
8. Gaberle A. Dokazatel'stva v sudebnom ugovnom protsesse – teoriya i praktika [Evidence in criminal proceedings-theory and practice]. Warsaw, 2010, 234 p. [in Polish].

-
9. S'vetski D. Neposredstvennost' ili kosvennost' v pol'skom ugovnom protsesse [Spontaneity or indirectly, in the Polish criminal process]. Warsaw, 2013, 195 p. [in Polish].
 10. Ponikovski R. Otkrytost' ugovnogo protsessa [The openness of the criminal process]. Warsaw, 2012, 152 p. [in Polish].
 11. S'vetski D. Neposredstvennost' ili kosvennost' v pol'skom ugovnom protsesse protsesse [Spontaneity or indirectly, in the Polish criminal process]. Varshava, 2013, 260 p. [in Polish].
 12. Zavlotski R. Khozyaistvennoe ugovnoe pravo [Economic criminal law]. Warsaw, 2007, 257 p. [in Polish].
 13. Kleinovska M. Obvinyaemyi kak personal'nyi istochnik informatsii o prestuplenii [The defendant as a personal source of information about the crime]. Krakow, 2004, 312 p. [in Polish].
 14. Postanovlenie Verkhovnogo suda ot 15 oktyabrya 2003 g. po delu IIIKK 271/02 [The Supreme court ruling of 15 October 2003 on the case IIIKK 271/02], Sistema pravovoi informatsii Lex № 82138; OSNKW (Sudebnaya praktika Verkhovnogo suda – Ugolovnaya i Voennaya Palata), 2003, no. 11–12, poz. 102 [in Polish].
 15. Kulesha Ts. Zashchita po delam o khozyaistvennykh i finansovykh prestupleniyakh [Protection in cases of economic and financial crimes]. Warsaw, 2012, 125 p. [in Polish].
 16. Gostyn'ski Z. Zhurnalist'skaya taina i obyazannost' dachi pokazanii v ugovnom protsesse [Journalistic secrecy and the duty to testify in criminal proceedings]. Varshava, 1997, 253 p. [in Russian].
 17. Tseslyak M. Dokazatel'stvennye voprosy v ugovnom protsesse [Evidentiary issues in criminal proceedings]. Warsaw, 1955, 182 p. [in Polish].
 18. Kita E. Dokazatel'stvo v ugovnom protsesse v sravnitel'noi perspective [Evidence in criminal proceedings in a comparative perspective]. Lyublin, 2016, 572 p. [in Polish].
 19. Girdvoyn' P. Ocherk kriminalisticheskoi taktiki zashchity [Essay on the forensic tactics of defense]. Krakow, 2004, 329 p. [in Polish].

УДК 340

Полуэктов А. Г.

соискатель Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации, заместитель прокурора г. Тулы,
Академия Генеральной прокуратуры
Российской Федерации,
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1,
e-mail: science@samlawin.ru

Andrey G. Poluektov

applicant Academy of the Prosecutor General's Office
of the Russian Federation, the Deputy Prosecutor of Tula,
Academy of the Prosecutor General's Office
of the Russian Federation,
Azovskaya str., 2, korp. 1, Moscow, Russia, 117638,
e-mail: science@samlawin.ru

СИСТЕМА ПРАВООГРАНИЧЕНИЙ, ПРИМЕНЯЕМАЯ В ОТНОШЕНИИ ОСВОБОЖДЕННЫХ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА: КРАТКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению института освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Автор акцентирует внимание на вопросе правоограничений, налагаемых в отношении лиц, освобожденных от уголовной ответственности с применением указанной иной меры уголовно-правового характера.

Наличие финансово-имущественных правоограничений позволяет сопоставлять судебный штраф как иную меру уголовно-правового характера со штрафом как уголовным наказанием, который в соответствии с ч. 1 ст. 46 УК РФ также является денежным взысканием. Морально-психологическое воздействие проявляется в негативной оценке государством совершенного деяния от имени общества и изменении его социального статуса. Применение любой меры уголовно-правового характера предполагает осуществление контроля за таким лицом, то есть ограничения свободы территориального характера. Ограничения в трудовой сфере обусловлены вновь приобретенным статусом лица, совершившего преступления.

Совокупность финансово-имущественных правоограничений, морально-психологического воздействия, ограничения свободы территориального характера и в трудовой сфере образует содержательную сторону судебного штрафа как условия освобождения от уголовной ответственности.

В заключение автор характеризует судебный штраф как эффективную меру уголовно-правового воздействия, обладающую хорошо проработанной системой правоограничений, налагаемых на лиц в связи с его применением, а также эффективной системой средств обеспечения данных правоограничений.

Ключевые слова: преступление, освобождение от уголовной ответственности, судебный штраф, правоограничение, уголовное наказание.

THE SYSTEM OF LEGAL RESTRICTIONS APPLIED TO THE EXONERATED FROM CRIMINAL LIABILITY WITH THE APPOINTMENT OF A JUDICIAL FINE: BRIEF ANALYSIS

Summary. The article is devoted to the consideration of the institution of exemption from criminal liability with the appointment of a court fine. The author focuses on the issue of legal restrictions imposed on persons released from criminal liability with the use of this other measure of criminal nature.

The presence of financial and property legal restrictions allows comparing a court fine as a different measure of criminal law with a fine as a criminal punishment, which in accordance with part 1 of article 46 of the criminal code is also a monetary penalty. The moral and psychological impact is manifested in the negative assessment by the state of the committed act on behalf of society and changing its social status. The application of any measure of a criminal nature involves the exercise of control over such a person, that is, restrictions on freedom of a territorial nature. Restrictions in the labor sphere are caused by the newly acquired status of the person who committed the crime.

The totality of financial and property legal restrictions, moral and psychological impact, restriction of freedom of territorial character and in the labor sphere forms a substantial side of the court fine as a condition for exemption from criminal liability.

In conclusion, the author characterizes the court fine as an effective measure of criminal law, which has a well-developed system of legal restrictions imposed on persons in connection with its use, as well as an effective system of means of ensuring these restrictions.

Keywords: crime, exemption from criminal liability, judicial fine, legal punishment, criminal punishment.

Иные меры уголовно-правового характера, как и уголовные наказания, предусмотрены в целях воздействия на лиц, преступивших уголовный закон. В связи с этим значительный научный интерес представляет система правоограничений [1, с. 31–32], предусмотренных последними, что особо актуально в отношении судебного штрафа, введенного относительно недавно в соответствии с Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» [2].

Анализ положений, регламентирующих судебный штраф как иную меру уголовно-правового характера, позволяет нам выделить ряд правоограничений, предусмотренных ею.

Во-первых, это финансово-имущественные правоограничения.

В соответствии с ч. 1 ст. 104.4 УК РФ «судебный штраф есть денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении лица от уголовной ответственности». Само денежное взыскание предполагает обязанность лица, к которому применена рассматриваемая мера уголовно-правового характера, по уплате установленной суммы, что позволяет говорить о сущности данной иной меры уголовно-правового характера как имущественной мере, назначаемой по решению суда в денежной форме. В связи с этим зачастую денежный штраф и связывают именно с формулировкой, изложенной в вышеуказанной норме уголовного закона.

Наличие финансово-имущественных правоограничений позволяет сопоставлять судебный штраф как иную меру уголовно-правового характера со штрафом как уголовным наказанием, который в соответствии с ч. 1 ст. 46 УК РФ также является денежным взысканием. Кроме того, подобные последствия также проявляются и при реализации уголовного наказания в виде исправительных работ, предполагающих отчисления в доход государства, обязательных работ, предусматривающих безвозмездность труда, лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград в части выплат при наличии некоторых из них и в целом любого уголовного наказания или иной меры уголовно-правового характера в большей или меньшей степени в части выбора трудовой деятельности и соответственно получения доходов.

Сам же размер судебного штрафа в соответствии с ч. 1 ст. 104.5 УК РФ «не может превышать половину максимального размера штрафа, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части» уголовного закона, «в случае, если штраф не предусмотрен соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, размер судебного штрафа не может быть более 250 000 рублей». Данная норма предполагает два варианта исчисления размеров судебного штрафа. В первом случае его пределы ставятся в зависимости от санкции статьи, которая предусматривает штраф как уголовное наказание. Во втором – его максимальная сумма равняется строго установленным пределам – 250 000 р. Такой подход обязывает нас обратиться к вопросу соразмерности данных сумм.

Указанная сумма, предусмотренная при отсутствии в санкции статьи уголовного наказания в виде штрафа, должна соотноситься по верхнему пределу с ним при его наличии за совершение преступления небольшой и средней тяжести. Анализ данных статей Особенной части УК РФ показал, что наибольшая сумма штрафа за совершение преступлений небольшой и средней тяжести составляет 500 000 р. при условии закрепления в санкции статьи наказания в виде лишения свободы на определенный срок, что сопоставимо с требованием половинчатости санкции при назначении судебного штрафа. Анализ полученным нами эмпирических данных позволил установить, что в среднем сумма судебного штрафа составляет 18 000 р., что даже менее, чем средняя зарплата в России.

Кроме того, интерес представляет также минимальный размер судебного штрафа. Если верхний предел законодатель обозначил, то нижний порог им не установлен. В связи с этим вполне обоснованным видится возможность суммы судебного штрафа в несколько сотен или даже десятков рублей. В связи с этим данный вопрос требует разрешения в целях избежания «превращения данной уголовно-правовой нормы в фикцию» [3, с. 70–71]. Более того, он не требует существенных усилий, что обусловлено законодательной привязкой к положениям об уголовном наказании в виде штрафа. Требуется лишь законодательная фиксация минимального размера судебного штрафа. В связи с изложенным считаем целесообразным дополнить словами «не может быть менее двух с половиной тысяч рублей и» после слов «Размер судебного штрафа».

Дополнительно, справедливости ради, отметим, что анализ эмпирических данных нашего исследования не позволил нам выявить указанные выше столь малые размеры назначенного судебного штрафа. Однако теоретически данная возможность в настоящее время предусмотрена, что мы и предлагаем устранить.

Во-вторых, также следует отметить и морально-психологическое воздействие, присущее судебному штрафу.

Морально-психологическое воздействие проявляется в негативной оценке государством совершенного деяния от имени общества и изменении его социального статуса. В частности, оно состоит в публичности принимаемого судом решения, хранении данных в условиях относительной секретности в базах данных ИЦ МВД, а также непосредственно наложении правоограничений, обусловленных вновь приобретенным статусом лица, освобожденного от уголовной ответственности. Отметим, что такое воздействие свойственно вообще каждой уголовно-правовой мере воздействия, а некоторые наказания, например, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград предусматривают такое воздействие в качестве основополагающего.

В-третьих, ограничения свободы территориального характера.

Применение любой меры уголовно-правового характера предполагает осуществление контроля за таким лицом. В отношении освобожденных от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа предусматривается ведение личного дела до исполнения судебного решения в части уплаты установленной суммы, а также осуществление контроля органами полиции.

Освобожденный от ответственности вправе сменить место проживания, но лишь при уведомлении уполномоченного органа по месту его жительства. В этом состоит хоть и незначительное, но все же ограничение, обусловленное изменившимся правовым положением лица. Кстати, все лица, к которым применены меры уголовно-правового характера, ограничиваются в свободе передвижения или пребывания, разница состоит лишь в объеме таковых ограничений.

В-четвертых, кроме указанных, также могут проявляться и ограничения в трудовой сфере.

Данные правоограничения обусловлены вновь приобретенным статусом лица, совершившего преступления. Далеко не каждый работодатель предпочитает держать в штате работников его учреждения или организации лиц, совершивших преступление, а тем более в недавнем прошлом или, что еще хуже, если преступление совершено в отношении самого учреждения или организации. Подобные последствия, сопровождающие судебный штраф, обусловлены, как минимум, фиксацией факта заведения уголовного дела в отношении данного лица в информационных центрах органов внутренних дел. Следовательно, они будут отражены в справке о наличии либо отсутствии судимости, получаемой в целях трудоустройства, допуска к определенного рода информации и т. д. [4, с. 34]

Именно совокупность указанных правоограничений и образует содержательную сторону судебного штрафа как условия освобождения от уголовной ответственности. Как мы видим, в основе финансово-имущественные правоограничения, которые дополняются морально-психологическим воздействием, ограничения свободы территориального характера и в трудовой сфере.

Такое положение дел сближает данную уголовно-правовую меру с уголовным наказанием в виде штрафа [5, с. 70–72; 6, с. 112], а также целым рядом других уголовно-правовых мер воздействия. И более того, как утверждают Н. Э. Мартыненко и Э. В. Мартыненко, судебный штраф более «соответствует карательной мере, чем виду освобождения уголовной ответственности» [7, с. 26], с чем мы частично вынуждены согласиться.

В целом, учитывая представленные выше сведения, следует характеризовать судебный штраф как эффективную меру уголовно-правового воздействия, обладающую хорошо проработанной системой правоограничений, налагаемых на лиц в связи с его применением, а также эффективной системой средств обеспечения данных правоограничений. Это находит выражение в востребованности указанного уголовно-правового института субъектами правоприменения.

Библиографический список

1. Звонов А. В. Система ограничений и лишений, предусмотренных отечественными уголовными наказаниями // Вестник Российской правовой академии. 2017. № 2. С. 29–32.
2. Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (часть II). Ст. 4256.
3. Троицкая Д. С. Проблемы применения ст. 76.2 УК РФ // Научный поиск. 2017. № 1.2. С. 70–72.
4. Кочкина М. А. О судебном штрафе // Вопросы теории и практики в современной науке: материалы Международной научно-практической конференции, г. Самара, 20 мая 2017 г. Самара: Центр научных исследований и консалтинга, 2017. С. 32–34.

5. Благов Е. В. Судебный штраф как зеркало уголовного законодательства // 20 лет Уголовному кодексу Российской Федерации: итоги, проблемы, перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 1. Рязань, 5–6 октября 2016 г. / отв. ред. Л. Ю. Ларина. Рязань: Концепция, 2016. С. 70–73.

6. Савин Д. В., Сутурин М. А. Судебный штраф в уголовном праве // Тренды развития современного общества: управленческие, правовые, экономические и социальные аспекты: материалы 6-й Междунар. науч.-практ. конф., Курск, 22–23 сентября 2016 г. / отв. ред. А. А. Горохов. М.: Университетская книга, 2016. С. 111–114.

7. Мартыненко Н. Э., Мартыненко Э. В. Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1 (41). С. 24–27.

References

1. Zvonov A. V. Sistema ogranichenii i lishenii, predusmotrennykh otechestvennymi ugovolnymi nakazaniyami [System of restrictions and deprivations provided for by domestic criminal penalties]. *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii* [Bulletin of the Russian law Academy], 2017, no. 2, pp. 29–32 [in Russian].

2. Sobranie zakonodatel'stva RF [Meeting of the legislation of the Russian Federation], 2016, no. 27 (chast' II), st. 4256 [in Russian].

3. Troitskaya D. S. Problemy primeneniya st. 76.2 UK RF [The problems of applying article 76.2 of the criminal code]. *Nauchnyi poisk* [Scientific search], 2017, no. 1.2, pp. 70–72 [in Russian].

4. Kochkina M. A. O sudebnom shtrafe [On the court fine]. *Voprosy teorii i praktiki v sovremennoi nauke: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Samara, 20 maya 2017 g.* [Questions of theory and practice in modern science: proceedings of the international scientific-practical conference, Samara, may 20, 2017]. Samara: Tsentr nauchnykh issledovaniy i konsaltinga, 2017, pp. 32–34 [in Russian].

5. Blagov E. V. Sudebnyi shtraf kak zerkalo ugovolnogo zakonotvorchestva [A judicial fine as a mirror of the criminal law-making]. *20 let Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii: itogi, problemy, perspektivy: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.: v 2 ch. Ch. 1. Ryazan', 5–6 oktyabrya 2016 g.* [20 years of the Criminal code of the Russian Federation: results, problems, prospects: materials have grown. science.- practice. Conf. in 2 hours Part 1. Ryazan, 5–6 October 2016]. Ryazan': Kontseptsiya, 2016, pp. 70–73 [in Russian].

6. Savin D. V., Suturen M. A. Sudebnyi shtraf v ugovolnom prave [Court fine in criminal law]. *Trendy razvitiya sovremennogo obshchestva: upravlencheskie, pravovye, ekonomicheskie i sotsial'nye aspekty: materialy 6-i Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Kursk, 22–23 sentyabrya 2016 g.* [Trends in the development of modern society: management, legal, economic and social aspects: materials 6th international. science.-practice. Conf. Kursk, 22–23 September 2016]. Moscow: Universitetskaya kniga, 2016, pp. 111–114 [in Russian].

7. Martynenko N. E., Martynenko E. V. Sudebnyi shtraf kak inaya mera ugovolno-pravovogo kharaktera [The judicial penalty as a measure of criminal law]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii* [Proceedings of the Academy of management of MIA of Russia], 2017, no. 1 (41), pp. 24–27 [in Russian].

УДК 340

Пономарев С. Б.

заслуженный врач Российской Федерации,
доктор медицинских наук, профессор,
начальник филиала,
Филиал Научно-исследовательского института
Федеральной службы исполнения наказаний,
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Коммунаров, 216,
e-mail: docmedsb@mail.ru

Sergey B. Ponomarev

Honored Doctor of the Russian Federation, Doctor of Medicine,
Professor, Head of Branch,
The Branch of the Research Institute of the Federal Service
for the Execution of Punishments,
Kommunarov str., 216, Izhevsk, Russia, 426004,
e-mail: docmedsb@mail.ru

Тихонова Ю. В.

ассистент кафедры информационных
и Интернет-технологий,
Первый МГМУ им. И. М. Сеченова
(Сеченовский Университет),
119991, Россия, г. Москва, ул. Трубецкая, д. 8, стр. 2,
e-mail: epid_tb@mednet.ru

Julia V. Tikhonova

Assistant of the Department of Information
and Internet Technologies,
The First Moscow State Medical University. I. M. Sechenov
(Sechenovsky University),
Trubetskaya str., 8, p. 2, Moscow, Russia, 119991,
e-mail: epid_tb@mednet.ru

Стерликов С. А.

доктор медицинских наук, заместитель руководителя,
Федеральный центр мониторинга противодействия
распространению туберкулеза в Российской Федерации,
127254, Россия, г. Москва, ул. Добролюбова, 11,
e-mail: sterlikov@list.ru

Sergey A. Sterlikov

Doctor of Medicine, Deputy Head,
The Federal Center for Monitoring the Counteraction
to the Spread of Tuberculosis in the Russian Federation,
Dobrolyubova str., 11, Moscow, Russia, 127254,
e-mail: sterlikov@list.ru

ДИНАМИКА СОСТОЯНИЯ КОНТИНГЕНТА ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЙ И ФАКТОРЫ, НА НЕГО ВЛИЯЮЩИЕ

Аннотация. На основе статистических данных за 11 лет авторами проведен анализ факторов, влияющих на формирование контингента воспитательных колоний для несовершеннолетних. Отмечается снижение среднесписочной численности воспитанников с сохранением гендерного состава, обусловленное депопуляцией детей в возрасте 15–17 лет в 1,6 раза, снижением криминогенности несовершеннолетних в 1,9 раза, снижением доли особо тяжких преступлений в 1,6 раза, а также иными факторами с суммарным коэффициентом 1,6. Среди воспитанников наблюдается отсутствие лиц в возрасте 20–21 года, а также тенденция к снижению количества лиц в возрасте 14–15 лет. Более 2/3 составляют воспитанники в возрасте 16–17 лет, то есть совершившие правонарушения в возрасте 15–17 лет. Авторы фиксируют рост доли воспитанников, осужденных на небольшой срок лишения свободы (до двух лет) с 15,4 % до 23,3 %. Вместе с тем отмечается рост числа и доли преступлений, совершенных несовершеннолетними в состоянии наркотического опьянения в 2,6 и в 7,8 раз соответственно. Среди воспитанников растет доля осужденных по преступлениям, не классифицированных как убийство, разбой, грабеж, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, что может быть связано с ростом доли осужденных по ст. 228 УК РФ. Также наблюдается рост уровня нарушений установленного порядка отбывания наказаний и доли сирот и лиц, лишенных родительского попечения. Это позволяет прогнозировать усложнение контингента воспитательных колоний.

Ключевые слова: воспитательные колонии, преступность несовершеннолетних, возрастные и гендерные характеристики воспитанников ВК, динамика состава контингента ВК, прогноз численности контингента ВК.

DYNAMICS OF CONTINGENT EDUCATIONAL COLONIES AND FORM FACTORS

Summary. Factors affecting the formation of a contingent of educational colony over 11 years have been studied. There is a decrease in the average number of pupils with the preservation of the gender composition, due to the depopulation of children aged 15–17 years by 1.6 times, the decrease in the criminality of minors by 1.9 times, the decrease in the share of especially serious crimes by 1.6 times, as well as by other factors with The total coefficient is 1.6. Among the pupils there is a disappearance of persons aged 20–21, as well as a tendency to decrease in the structure of persons aged 14–15. More than 2/3 of them are pupils aged 16–17 who committed offenses at the

age of 15–17. Marked increase in the proportion of pupils who have been convicted for a short term of imprisonment – up to two years from 15.4 % to 23.3 %. The number and proportion of crimes committed by minors in a state of drug intoxication in 2.6 and in 7.8 times, respectively, is growing. Among the inmates, the proportion of those convicted of crimes that are not classified as murder, robbery, robbery, intentional infliction of serious harm to health, which may be associated with an increase in the proportion of convicts for the distribution of drugs, is growing. Also, there is an increase in the level of violations of the established order of serving sentences, the share of orphans and persons deprived of parental care is growing. The foregoing allows us to predict the complication of the contingent of educational colonies.

Keywords: educational colony, juvenile delinquency, Age and gender characteristics of pupils of the educational colony, Dynamics of the contingent of educational colonies, Prognosis of the size of the contingent of educational colonies.

В Европейском регионе ВОЗ третьей причиной смертности после автомобильных аварий и самоубийств среди людей в возрасте 15–29 лет является межличностное насилие. «Ежегодно в Европейском регионе ВОЗ в результате межличностного насилия погибает около 15 000 подростков и молодых людей и около 300 000 госпитализируются в связи с тяжелыми травмами. 9 из 10 убийств происходят в странах с низким и средним уровнем дохода» [1]. «Во всех странах региона, вне зависимости от уровня дохода, межличностное насилие диспропорционально распространено среди молодежи из малообеспеченных слоев общества» [2]. Ущерб от насилия среди молодежи высок вследствие прямых затрат на расходы служб уголовного правосудия, образования, здравоохранения, трудоустройства и социальной поддержки [2].

«Во многих странах региона не проводилось исследований эффектов и ущерба от насилия среди молодежи. Однако такие исследования необходимы для определения тех превентивных вмешательств, для которых получены доказательства экономической эффективности» [3]. Первым шагом для проведения такого исследования является изучение закономерностей формирования контингента воспитательных колоний (ВК) в зависимости от демографической ситуации и состояния преступности среди несовершеннолетних, что и послужило целью нашего исследования.

Источником данных о численности детей в возрасте 15–17 лет была электронная форма [4]. Сведения о числе несовершеннолетних преступников, числе и характере совершенных ими преступлений, числе несовершеннолетних преступников, совершивших преступления в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, доле преступлений, совершенных несовершеннолетними, получены из официальных публикаций МВД России [5–15]. Источником сведений для анализа демографической и социальной характеристик воспитанников ВК были открытые данные ФСИН России [16]. Сведения проанализированы за максимально доступный для анализа период времени – с 2006 по 2016 г., то есть за последние 11 лет.

Для статистической обработки информации рассчитывали экстенсивные и интенсивные показатели, средние значения и их стандартные отклонения, 95 % доверительные интервалы (95%ДИ), статистическую значимость различий (p).

Демографическую ситуацию среди детей 15–17 лет в последние годы можно охарактеризовать как неблагоприятную. С 2006 до 2016 г. отмечалось снижение числа детей этого возраста с 6,5 млн до 4 млн, то есть более чем в 1,5 раза. Наименьшая среднегодовая численность детей в возрасте 15–17 лет отмечалась в 2013 г. – 3,9 млн. Доля детей 15–17 лет среди всего населения Российской Федерации снизилась с 4,5 % в 2006 г. до 2,8 % в 2016 г. (в 1,6 раза); минимальное значение ее было в 2014–2015 гг. (2,7 %). Отношение мужчин к женщинам в этой возрастной группе менялось малозначительно – в период с 2006 по 2016 г. оно выросло с 1,042 до 1,052.

Число несовершеннолетних, совершивших преступления, с 2006 по 2016 г. снизилось с 148 595 до 48 589 – в 3,1 раза. Отношение числа несовершеннолетних преступников к 100 детям среднегодовой численности в возрасте 15–17 лет снизилось с 2,3 в 2006 г. до 1,2 в 2016 г. (в 1,9 раза; $p < 0,01$). Таким образом, снижение числа преступлений совершенных несовершеннолетними, обусловлено не только депопуляцией наиболее криминогенной возрастной группы (15–17 лет), но и улучшением криминогенной обстановки среди несовершеннолетних. Тем не менее в последние 5 лет можно отметить замедление темпов снижения числа несовершеннолетних преступников. Если с 2006 по 2011 г. усредненный годовой темп снижения числа преступлений составлял 11,1 %, то в 2011–2016 гг. он снизился до 5,3 %.

Доля тяжких и особо тяжких преступлений снизилось с 34,1 % (95%ДИ 33,9–34,4) в 2006 г. до 21,5 % (95%ДИ 21,1–21,8) в 2016 г. При этом наибольший темп их снижения отмечался с 2006

по 2012 г., когда усредненный годовой темп их снижения составлял 5,6 %. С 2012 по 2016 г. доля тяжких и особо тяжких преступлений снижалась с усредненным ежегодным темпом 1,3 %.

Число несовершеннолетних, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, в период с 2006 по 2016 г. снизилось с 18 207 до 6 724 (в 2,7 раза; $p < 0,01$). Однако доля преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, выросла. Если в 2006–2011 гг. она составляла в среднем $10,5 \pm 1,0$ %, то в 2012–2016 гг. – $13,8 \pm 0,2$ % ($p < 0,01$).

С 2006 по 2016 г. число несовершеннолетних преступников, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения, выросло с 210 до 535 (минимальное значение – в 2008 г. – 161 несовершеннолетний, максимальное значение – в 2015 г. – 649 несовершеннолетних), а доля – с 0,1 % (95%ДИ 0,1–0,2) до 1,1 % (95%ДИ 1,0–1,2 %); максимальная доля несовершеннолетних, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения, отмечалась в 2015 г. – 1,2 % (95% ДИ 1,1–1,3 %).

В последние три года отмечается стабилизация доли несовершеннолетних преступников, совершивших преступление в состоянии алкогольного или наркотического опьянения на уровне 1,1–1,2 %.

Число воспитанников ВК с 2006 по 2016 г. сократилось в 7,7 раза – с 12 752 до 1 655. Возрастная структура воспитанников ВК на протяжении всего периода наблюдения оставалась относительно стабильной. К существенным ее изменениям можно лишь отнести отсутствие лиц в возрасте 20–21 года в связи с тем, что лица после 19 лет отбывают наказание в условиях исправительных учреждений для взрослых. Также в течение последних лет имела нерезко выраженная тенденция к снижению лиц в возрасте 14–15 лет (с 6,8–7,5 в 2006 и 2007 гг. до 5,5–5,0 в 2015 и 2016 гг.). Более 2/3 составляли воспитанники в возрасте 16–17 лет, то есть совершившие правонарушения в возрасте 15–17 лет. Гендерная структура была стабильной. Более 90 % воспитанников – лица мужского пола. Отмечается рост доли воспитанников, осужденных на небольшой срок лишения свободы – до двух лет (с 15,4 % в 2006 г. до 23,3 % в 2016 г.; $p < 0,01$).

Поскольку на совершение ряда правонарушений (например, изнасилований), гендерные особенности оказывают существенное влияние, мы рассмотрели структуру преступлений, совершенных воспитанниками ВК как в целом, так и с учетом их гендерных особенностей. В структуре правонарушений выделяются: убийство – ст. 105 УК РФ, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (УПТВЗ) – ст. 131 УК РФ, изнасилование – ст. 131 УК РФ, разбой, грабеж – ст.ст. 162 и 161 УК РФ, кража – ст. 158 УК РФ. В перечне совершенных правонарушений отсутствует ст. 228 – незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества. Поскольку данное деяние является преступлением, представляющим существенную угрозу для общества, есть все основания полагать, что существенная часть этих преступлений как раз и составляет группу, не классифицированную в предыдущих рубриках.

Параллельно со снижением численности контингента ВК происходило уменьшение доли воспитанников, осужденных за кражи: в период с 2006 по 2016 г. она снизилась на 41,2 % ($p < 0,01$). Доля воспитанников ВК, осужденных за УПТВЗ, снизилась на 22,0 % ($p < 0,01$). Однако произошел более чем двукратный рост доли осужденных за изнасилование и прочие правонарушения ($p < 0,01$). Описанные тенденции характерны для воспитанников ВК мужского пола. Среди воспитанниц ВК отмечается снижение доли почти всех правонарушений кроме убийств: за счет роста прочих правонарушений их доля выросла с 8,9 % в 2006 г. до 33,6 % в 2016 г. ($p < 0,01$).

О том, что в ВК в настоящее время попадет все более сложный контингент, свидетельствует рост уровня нарушений установленного порядка отбывания наказаний, частота которых с 2006 по 2016 г. выросла с 636,2 до 1 545,3 на 1000 среднесписочных воспитанников ВК. Доля сирот и лиц, лишенных родительского попечения, была подвержена существенным изменениям, однако при сопоставлении усредненного значения показателя первых пяти лет наблюдения (2006–2010 гг.) с усредненным значением показателя в последние пять лет наблюдения (2012–2016 гг.) отмечается ее рост с 14,9 % до 15,8 % ($p < 0,01$).

На основании отмечающейся динамики к снижению доли менее тяжких правонарушений (краж), росту доли прочих правонарушений, вероятнее всего, связанных с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ, роста уровня нарушений установленного порядка отбывания наказаний, можно сделать вывод, что при снижении общей численности воспитанников ВК

отмечается усложнение контингента воспитанников ВК, которые чаще допускают нарушения установленного порядка отбывания наказаний.

При сопоставлении доступных для статистического наблюдения факторов среды, влияющих на численность и состав воспитанников ВК, можно отметить:

- депопуляцию детей в возрасте 15–17 лет в 1,6 раза с сохранением стабильного гендерного ее состава;
- снижение отношения числа совершенных преступлений к среднегодовой численности детей в возрасте 15–17 лет в 1,9 раза (что можно трактовать как снижение криминогенности);
- снижение доли тяжких и особо тяжких преступлений в 1,6 раза;
- снижение числа, но рост доли преступлений, совершенных несовершеннолетними в состоянии алкогольного опьянения;
- рост числа и доли преступлений, совершенных несовершеннолетними в состоянии наркотического опьянения в 2,6 и в 7,8 раз соответственно.

Если предположить линейный характер взаимодействия характеристик среды с численностью воспитанников ВК, мы можем оценить влияние среды на снижение числа воспитанников ВК и на их характеристику по формуле:

$$РЧВК = ДП\ 15-17 \times СОЧПН/ЧН\ 15-17 \times СДТП, \text{ где:}$$

РЧВК – расчетная численность контингентов ВК;

ДП 15-17 – депопуляция наиболее криминогенной части несовершеннолетних – детей в возрасте 15–17 лет;

СОЧПН/ЧН 15-17 – снижение отношения числа преступлений, совершенных несовершеннолетними, к среднегодовой численности детей 15–17 лет;

СДТП – снижение доли тяжких и особо тяжких преступлений.

Согласно полученным расчетам численность воспитанников ВК (с учетом относительной стабилизации указанных показателей в последние 5 лет) должна была снизиться в 4,9 раза. Вместе с тем реальное снижение числа воспитанников ВК составило 7,7 раза, то есть имеется дополнительный вмешивающийся фактор, который оказывает влияние на численность воспитанников ВК, с коэффициентом 1,6. Таким фактором, например, может быть смещение меры исправления в сторону избрания альтернативных методов отбывания наказания, снижение срока лишения свободы несовершеннолетних (см. выше).

Таким образом, 2006–2016 гг. отмечается снижение среднесписочной численности воспитанников ВК, обусловленное депопуляцией детей 15–17 лет в 1,6 раза, снижением криминогенности несовершеннолетних в 1,9 раза, снижением доли особо тяжких преступлений в 1,6 раза, а также иными факторами с суммарным коэффициентом 1,6. Вместе с тем усложняется социальная структура воспитанников ВК: растет доля преступлений, совершенных в состоянии алкогольного и наркотического опьянения, уровень нарушений установленного порядка отбывания наказаний, количество сирот, нуждающихся после их освобождения в мероприятиях по социальной адаптации. Указанные тенденции позволяют предположить стабилизацию численности воспитанников ВК при усложнении их контингента.

Библиографический список

1. Growing up unequal: gender and socioeconomic differences in young people's health and well-being. Health Behaviour in School-aged Children (HBSC) study: international report from the 2013 / 2014 survey. WHO, 2016. 277 p.
2. Preventing youth violence: an overview of the evidence. World Health Organization. Geneva, 2015. 84 p.
3. European report on preventing violence and knife crime among young people/Edited by Sethi D., Hughes K., Bellis M., Mitis F., Racioppi F. WHO Regional Office for Europe. Copenhagen, 2010. 102 p.
4. Расчет пологовозрастных и стандартизованных показателей заболеваемости. Версия: 1.1 / С. А. Стерликов, Е. М. Белиловский, С. А. Леонов [Электронный ресурс]. URL: http://mednet.ru/images/stories/files/CMT/Stand_incidence.zip (дата обращения: 11.07.2017).
5. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2006 г. М.: МВД, 2007. 41 с.

6. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2007 г. М.: МВД, 2008. 41 с.
7. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2008 г. М.: МВД, 2009. 43 с.
8. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2009 г. М.: МВД, 2010. 46 с.
9. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2010 г. М.: МВД, 2011. 48 с.
10. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2011 г. М.: МВД, 2012. 48 с.
11. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2012 г. М.: МВД, 2013. 55 с.
12. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2013 г. М.: МВД, 2014. 54 с.
13. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2014 г. М.: МВД, 2015. 56 с.
14. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2015 г. М.: МВД, 2016. 53 с.
15. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2016 г. М.: МВД, 2017. 52 с.
16. Характеристика лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20VK/> (дата обращения: 06.07.2017).

References

1. Growing up unequal: gender and socioeconomic differences in young people's health and well-being. Health Behaviour in School-aged Children (HBSC) study: international report from the 2013 / 2014 survey. WHO, 2016, 277 p.
2. Preventing youth violence: an overview of the evidence. World Health Organization. Geneva, 2015, 84 p.
3. European report on preventing violence and knife crime among young people / Edited by Sethi D., Hughes K., Bellis M., Mitis F., Racioppi F. WHO Regional Office for Europe. Copenhagen, 2010, 102 p.
4. Raschet polovozrastnykh i standartizovannykh pokazatelei zabolevaemosti. Versiya: 1.1 / S. A. Sterlikov, E. M. Belilovskii, S. A. Leonov [The calculation of age and gender-standardized indicators of morbidity. Version: 1.1]. URL: http://mednet.ru/images/stories/files/CMT/Stand_incidence.zip (Accessed: 11.07.2017).
5. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'-dekabr' 2006 g. [The state of crime in Russia in January-December 2006]. Moscow: MVD, 2007, 41 p.
6. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'-dekabr' 2007 g. [The state of crime in Russia in January-December 2007]. Moscow: MVD, 2008, 41 p.
7. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'-dekabr' 2008 g. [The state of crime in Russia in January-December 2008]. Moscow: MVD, 2009, 43 p.
8. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'-dekabr' 2009 g. [The state of crime in Russia in January-December 2009]. Moscow: MVD, 2010, 46 p.
9. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'-dekabr' 2010 g. [The state of crime in Russia in January-December 2010]. Moscow: MVD, 2011, 48 p.
10. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'-dekabr' 2011 g. [The state of crime in Russia in January-December 2011]. Moscow: MVD, 2012, 48 p.
11. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'-dekabr' 2012 g. [The state of crime in Russia in January-December 2012]. Moscow: MVD, 2013, 55 p.
12. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'-dekabr' 2013 g. [The state of crime in Russia in January-December 2013]. Moscow: MVD, 2014, 54 p.
13. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'-dekabr' 2014 g. [The state of crime in Russia in January-December 2014]. Moscow: MVD, 2015, 56 p.
14. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'-dekabr' 2015 g. [The state of crime in Russia in January-December 2015]. Moscow: MVD, 2016, 53 p.
15. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'-dekabr' 2016 g. [The state of crime in Russia in January-December 2016]. Moscow: MVD, 2017, 52 p.
16. Kharakteristika lits, soderzhashchikhsya v vospitatel'nykh koloniyakh dlya nesovershennoletnikh [Characteristics of persons held in educational colonies for minors]. URL: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20VK/> (Accessed: 06.07.2017).

УДК 340

Романова Н. В.

кандидат исторических наук,
заместитель начальника организационно-научного
и редакционно-издательского отдела,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рылская, 24в,
e-mail: nady-rom@yandex.ru

Nadezhda V. Romanova

Candidate of History, Deputy head of organizational,
scientific, editorial and publishing Department,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: nady-rom@yandex.ru

ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПРИМЕНЕНИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

Аннотация. В статье раскрывается правовой аспект применения высшей меры наказания в России в годы Гражданской войны. Приводятся основания и нормативная база применения данной меры наказания, а именно введения и отказа от нее в рассматриваемый период. Показывается, что отказ от первоначальной позиции являлся вынужденной мерой и был обусловлен сложной военно-политической обстановкой, в первую очередь необходимостью защиты завоеваний революции в стране.

Улучшение ситуации в стране к началу 1920 г., а также достигнутое укрепление советской власти дали возможность руководству страны вновь отказаться от применения данной меры наказания. Однако это решение не было окончательным: наступление генерала Врангеля в Крыму и вовлечение Советской республики в войну с Польшей вновь привели к необходимости введения смертной казни.

Таким образом, проведенное исследование позволило автору прийти к заключению, что применение высшей меры наказания – смертной казни – являлось вынужденной мерой, которая то вводилась, то отменялась. Это было обусловлено в основном складывающейся политической обстановкой в стране.

Применение высшей меры наказания осуществлялось как судебными, так и внесудебными органами. Система и полномочия революционных трибуналов претерпели существенные изменения, так как шел процесс приспособления революционных трибуналов к чрезвычайной обстановке Гражданской войны.

Ключевые слова: смертная казнь, Гражданская война, революционный трибунал, Всероссийская чрезвычайная комиссия, мера наказания, правовые основания.

LEGAL ASPECTS OF APPLICATION THE DEATH PENALTY IN THE YEARS OF CIVIL WAR IN RUSSIA

Summary. The article reveals the legal aspects of the use of capital punishment in Russia during the Civil war. The grounds and the regulatory framework of the application of this punishment, namely, the introduction and withdrawal from it during the period are under review. It is shown that the failure of the original ideology is a forced measure, and was due to the complicated military-political situation, primarily the need to protect the gains of the revolution in the country.

The improvement of the situation in the country by the beginning of 1920, and the achieved strengthening of the Soviet power gave an opportunity to the leadership of the country once again to abandon the use of this punishment. However, practice has shown that this decision was not final. The offensive of General Wrangel in the Crimea and the involvement of the Soviet Republic in the war with Poland again led to the need for the introduction of the death penalty.

Thus, the analysis of the research allowed the author to conclude that the use of capital punishment – the death penalty was a necessary measure, which was introduced, it was cancelled. This was mainly due to the prevailing political situation in the country.

The use of capital punishment was carried out both by judicial and extrajudicial bodies. The system and powers of the revolutionary tribunals have undergone significant changes since it was a process of adaptation of revolutionary tribunals to the emergency of the civil war.

Keywords: the death penalty, the Civil war, the revolutionary Tribunal of the all-Russian extraordinary Commission, penalty, legal basis.

Одной из основных задач партии большевиков, пришедшей к власти в 1917 г., стала защита достигнутых завоеваний.

24 ноября 1917 г. Совет народных комиссаров (далее – СНК) законодательно оформляет создание рабочих и крестьянских революционных трибуналов (далее – ревтрибуналов), состоящих «из одного председателя и шести очередных заседателей, избираемых губернскими и городскими советами» [1].

19 декабря 1917 г., еще до фактического создания Рабоче-крестьянской Красной армии (далее – РККА), инструкцией Наркомата юстиции (далее – Наркомюст) судам предлагается циркуляр «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых ими наказаний и о порядке ведения его заседаний» [2]. За совершение тяжких преступлений данный циркуляр предписывал трибуналам применять такие виды наказаний, как «денежный штраф; лишение свободы; удаление из столицы, отдельных местностей или пределов Российской республики; объявление общественного порицания; объявление врагом народа; лишение всех или некоторых политических прав; полная или частичная конфискация имущества; принуждение к обязательным общественным работам» [2]. О применении же высшей меры наказания речи в нем не шло, поскольку еще на II Всероссийском съезде Советов, состоявшемся 25–27 октября 1917 г. в г. Петрограде, был принят Декрет «Об отмене смертной казни».

В феврале 1918 г. в связи с осложнившейся военно-политической обстановкой в стране СНК принимает Декрет «Социалистическое Отечество в опасности!» [3, с. 490–491]. Вновь вводится применение смертной казни. Декрет предоставил возможность применения высшей меры наказания – расстрела на месте за совершение преступлений «неприятельскими агентами, спекулянтами, громилами, хулиганами, контрреволюционными агитаторами, германскими шпионами» [3, с. 491]. Право внесудебного подавления врагов революции было предоставлено Всероссийской чрезвычайной комиссии.

Одним из наиболее тяжких видов воинского преступления идеологи Советского государства считали использование военными специалистами своего поста с целью поддержания контрреволюционных заговоров, сообщничества с внутренними и внешними врагами.

2 сентября 1918 г. в связи с нависшей опасностью над страной Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов (далее – ВЦИК) объявляет Советскую республику военным лагерем [4], а 5 сентября СНК принимает постановление «О красном терроре», которым предписывалось обезопасить Советскую республику «от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях», а также расстреливать всех лиц, имеющих отношение «к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам» [5]. Особое внимание обращалось на необходимость открытой публикации имен расстрелянных и основания применения к ним меры наказания. По мнению С. П. Мельгунова, это предписание фактически не исполнялось [6, с. 173].

16 июня 1918 г. своим постановлением Наркомюст закрепляет выбор мер борьбы с саботажем и другими преступлениями за трибуналами, а следовательно, предоставляет им право вынесения смертных приговоров – приговоров к расстрелу.

17 февраля 1919 г. ВЦИК Декретом «О Всероссийской чрезвычайной комиссии» [7] с целью пресечения вооруженных выступлений наделяет правом внесудебной расправы чрезвычайные комиссии.

Неограниченное право ревтрибуналов в определении меры наказания законодательно закрепляется Декретом ВЦИК «Положение о ревтрибуналах» [8] от 12 апреля 1919 г.

Таким образом, подсудность ревтрибуналов в рассматриваемый период то расширяется, то сужается, но перечень наказаний, караемых смертной казнью, был широк в связи с тем, что трибуналы рассматривали значительное количество дел. Трибуналам практически предоставлялось при выборе мер наказания право формирования норм. Именно тогда выносятся такие приговоры, как «условный расстрел», «лишение свободы до окончания Гражданской войны» и др.

11 июня 1919 г. на заседании ЦК РКП (б) было признано возможным в местностях, объявленных на военном положении, применение без суда расстрела как меры наказания к предателям, шпионам и т. д. [9].

В июне 1919 г. в части применения расстрела расширяются права Всероссийской чрезвычайной комиссии (далее – ВЧК). Так, согласно Декрету ВЦИК от 20 июня 1919 г. в местностях, объявленных на военном положении, за органами ВЧК сохранялось право непосредственной расправы, вплоть до расстрела за «госизмену, шпионаж, принадлежность к контрреволюционным организациям, сокрытие боевого оружия, подделку денежных знаков, подлог документов, участие в поджогах и взрывах, умышленное повреждение железнодорожных и других сооружений и др.» [10]. По наиболее опасным делам ревтрибуналы выносили такие приговоры, как объявление врагом народа, высылка, объявление вне закона, лишение права занимать ответственные должности, объявление общественного бойкота.

Принятое 20 ноября 1919 г. Положение о революционных военных трибуналах [11] (далее – реввоен трибуналы) также предоставляло право выбора мер репрессий.

В октябре 1918 г. для руководства военными трибуналами был образован революционный трибунал республики, а с января 1920 г. – реввоен трибуналы в тылу. В военно-морских силах действовали реввоен трибуналы флотов и флотилий. Компетенция военных трибуналов – рассмотрение дел о контрреволюционных преступлениях и других особо тяжких проступков, совершенных военнослужащими и военнопленными, а также о любых действиях в прифронтовой обстановке, направленных против РККА.

Изменение политической обстановки в стране к началу 1920 г., разгром Юденича, Колчака, Деникина, занятие Ростова, Новочеркасска, Красноярска, взятие в плен «Верховного правителя», а вместе с тем достигнутое укрепление советской власти предоставило руководству страны возможность отказа от применения высшей меры наказания – смертной казни. 17 января 1920 г. ВЦИК и СНК принимают постановление «Об отмене применения высшей меры наказания (расстрела) как по приговорам Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и ее местных органов, так и по приговорам городских, губернских, а также и Верховного при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете трибуналов» [12]. Однако в документе была сделана приписка, указывающая на «возможность восстановления смертной казни в случае вмешательства иностранных государств в дела Советской России» [12].

Наступление в Крыму генерала Врангеля и затягивание страны в войну с Польшей в 1920 г. вновь вызвали необходимость введения смертной казни.

11 мая 1920 г. Постановлением ВЦИК и СТО «Об объявлении некоторых губерний на военном положении» губернским ревтрибуналам в отношении определения наказания были предоставлены права реввоен трибуналов. Таким образом, смертная казнь вновь вводится в ряде губерний, объявленных на военном положении. А 28 мая 1920 г. постановлением ВЦИК и Совета труда и обороны [13] с получением ВЧК и ее органами прав ревтрибуналов в стране вновь восстанавливается высшая мера наказания – смертная казнь.

В период Гражданской войны в России к смертной казни трибуналы приговорили из числа всех осужденных: в 1919 г. – 14 %; в 1920 г. – 11 %; в 1921 г. – 5 %; в 1922 г. – 1 %.

Принимая во внимание приведенное выше, следует сделать вывод, что применение в рассматриваемый период высшей меры наказания – смертной казни – было вынужденной мерой, которая то вводилась, то отменялась. Это было обусловлено в первую очередь складывающейся военной и политической обстановкой в стране. Данная мера наказания применялась в основном за преступления политического и социального характера и осуществлялась как судебными (ревтрибуналы), так и внесудебными органами.

В рассматриваемый период шел процесс приспособления ревтрибуналов к чрезвычайной обстановке Гражданской войны. Они стали превращаться из специальных судебных органов в специальные чрезвычайные, что противоречило резолюции, принятой 8 ноября 1918 г. VI Всероссийским съездом Советов. В постановлении «О точном соблюдении законов» указывалось: «Призвать всех граждан и всех должностных лиц советской власти к строжайшему соблюдению законов РСФСР».

Отступления от законов, санкционированные властью, обосновывались экстремальными условиями Гражданской войны.

Библиографический список

1. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 41–43.
2. СУ РСФСР. 1917. № 12.
3. Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1.
4. Правда. 1918. 4 сент.
5. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства за 1917–1918 гг. № 65. Ст. 710.
6. Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1917–1923 гг. Берлин, 1924.
7. СУ РСФСР. 1919. № 12.
8. СУ РСФСР. 1919. № 13.
9. Протокол заседания ЦК РКП (б) от 11 июня 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12.
10. Декреты советской власти. М., 1971. Т. 5. С. 295–296.
11. СУ РСФСР. 1919. № 58.
12. СУ РСФСР. 1920. № 4, 5.
13. СУ РСФСР. 1920. № 48.

References

1. Sobranie zakonov i rasporyazhenii pravitel'stva za 1917–1918 gg. [Collection of laws and orders of the government for the years 1917–1918]. Moscow: Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR, 1942, pp. 41–43 [in Russian].
2. SU RSFSR, 1917, no.12 [in Russian].
3. Dekrety Sovetskoi vlasti [Decrees of the Soviet government]. Moscow, 1957, t. 1 [in Russian].
4. Pravda [Truth. 1918. 4 Sep.], 1918, 4 sent. [in Russian].
5. Sobranie zakonov i rasporyazhenii Rabochego i Krest'yanskogo Pravitel'stva za 1917–1918 gg. no. 65, st. 710 [The collection of legalizations and orders of the workers' and peasants' Government in 1917–1918, no. 65, st. 710.] [in Russian].
6. Mel'gunov S. P. Krasnyi terror v Rossii. 1917–1923 gg. [The red terror in Russia. 1917–1923]. Berlin, 1924.
7. SU RSFSR, 1919, no.12 [in Russian].
8. SU RSFSR, 1917, no.13 [in Russian].
9. Protokol zasedaniya TsK RKP (b) ot 11 iyunya 1919 g. [The minutes of the meeting of the Central Committee of the RCP (b) on June 11, 1919]. *Izvestiya TsK KPSS* [*Izvestia of the Central Committee of the CPSU*], 1989, no.12 [in Russian].
10. Dekrety Sovetskoi vlasti [Decrees of the Soviet government]. Moscow, 1971, t. 5, pp. 295–296 [in Russian].
11. SU RSFSR, 1919, no. 58 [in Russian].
12. SU RSFSR, 1920, no. 4, 5 [in Russian].
13. SU RSFSR, 1920, no. 48 [in Russian].

УДК 340

Ромашов Р. А.

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 192238, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15, e-mail: science@samlawin.ru

Roman A. Romashov

Doctor of Law, Professor, Professor of theory of law and law enforcement Department, Saint-Petersburg humanitarian University of trade unions, Fucik str., 15, St. Petersburg, Russia, 192238, e-mail: science@samlawin.ru

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА РОССИИ – ОРГАНИЗАЦИОННО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ОСНОВАНИЕ ЕЕ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. В статье осуществляется общетеоретический анализ категорий «уголовная политика» и «правоохранительная система». Выделяются этапы становления отечественной уголовной политики, выполняется их содержательная характеристика. Применение метода циклического анализа позволяет выделить три основных этапных цикла в истории Российского государства: имперский, советский, постсоветский. При этом, по мнению автора, каждый из циклов представляет собой обособленный период, в рамках которого государство проходило стадии формирования, развития, кризиса, разрушения. Современная Россия переживает длящийся (незавершенный) цикл и в настоящее время находится на переходном этапе своей истории, для которого свойственны как новационные, так и традиционные особенности. Автором проводится сравнительный структурно-функциональный анализ правоохранительных систем, действовавших на различных исторических этапах Российского государства. Отмечается, что в основу формирования и функционирования государственных структур, наделенных компетенциями в правоохранительной области, должны быть положены принципы законности, профессионализма, разграничения предметов ведения и полномочий.

Правоохранительная система современной России представляет собой достаточно сложное образование, структурно-функциональные элементы которого в ряде случаев вступают в противоречия друг с другом, что осложняет их взаимодействие в ходе осуществления правоохранительной деятельности и снижает эффективность правоохранительного механизма в целом.

Ключевые слова: уголовная политика, уголовное правосудие, уголовное наказание, правоохранительная система, социалистическое государство и право, судебная система, государственная безопасность, международные организации.

LAW ENFORCEMENT SYSTEM OF RUSSIA – ORGANIZATIONAL AND FUNCTIONAL BASIS OF ITS CRIMINAL POLICY

Summary. The article provides a General theoretical analysis of the categories "criminal policy" and "law enforcement system". The stages of formation of the national criminal policy are allocated, their substantial characteristic is carried out. The application of the method of cyclic analysis allows to distinguish three main stages in the history of the Russian state: Imperial, Soviet, post-Soviet. At the same time, according to the author, each cycle is a separate period, during which the state underwent the stages of formation, development, crisis, destruction. Modern Russia is going through a continuing (unfinished) cycle and is currently in a transitional phase of its history, which is characterized by both innovation and traditional features. The author provides a comparative structural and functional analysis of law enforcement systems operating at various historical stages of the Russian state. It is noted that the principles of legality, professionalism, differentiation of subjects of competence and powers should be the basis for the formation and functioning of state structures endowed with competitions in the field of law enforcement.

The law enforcement system of modern Russia is a rather complex image, the structural and functional elements of which in some cases come into force with each other, which complicates their interaction during the implementation of law enforcement activities and reduces the effectiveness of the law enforcement mechanism as a whole.

Keywords: criminal policy, criminal justice, criminal punishment, law enforcement system, the socialist state and law, judicial system, state security, international organizations.

© 2018 Ромашов Р. А.

Статья подготовлена с использованием гранта Президента РФ на развитие гражданского общества «Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него (2018–2021 гг.)». Это инновационный социальный образовательный проект, разрабатываемый и апробируемый на базе 6 муниципальных образований Самарской области (г. Самара, Тольятти, Сызрань, Кинель, м. р. Волжский, Красноярский). Научное обеспечение реализации этого проекта выполняет кафедра уголовного права и криминологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева.

1. Общая характеристика уголовной политики

Представляя собой самостоятельный предмет исследования целого ряда наук о человеке и обществе, уголовная политика может быть охарактеризована как управленческая деятельность в сфере профилактики преступности; уголовного преследования; уголовного правосудия; исполнения уголовно-правовых наказаний, ресоциализации осужденных, восстановления нарушенных преступлением прав и законных интересов потерпевших лиц [1, с. 3].

С учетом государственно-правовых закономерностей [2, с. 56], в процессе становления отечественной уголовной политики следует выделить следующие этапы (циклы):

- архаический (IX–XVI вв.);
- имперский (XVI–XX вв.);
- советский (1917–1991 гг.);
- российский (постсоветский) (1992 г. – по н/вр.).

Архаический этап характеризуется бессистемностью уголовного права и уголовного процесса. Первоначально основополагающим принципом ответственности за совершенные преступления являлся принцип талиона (равным за равное), легализовавший месть. Попытки упорядочить процесс назначения и реализации уголовной ответственности осуществлялись русскими князьями, воплощались в правдах, выполнявших наряду с уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными иные регулятивные и охранительные функции. При этом в рамках архаического периода не имеет смысла говорить о государственной уголовной политике, поскольку не существовало единого русского (российского) государства, а вопросы, касающиеся осуществления уголовного преследования и уголовного судопроизводства, относились не к юридической, а к управленческой деятельности [3; 4, с. 271; 5].

Уголовная политика Российской империи в функциональном смысле была представлена двумя направлениями: противодействием общеуголовной и религиозной преступности – МВД и противодействием политической преступности – жандармерия.

Деление населения Империи на русских и инородцев обуславливало сочетание имперского законодательства и судопроизводства с официально признаваемыми и допускаемыми национальными традициями и судами в зонах компактного расселения «инородческих» национальностей. При этом само понятие «русский» носило не национальный, а конфессиональный характер, означая наименование лиц, исповедующих православие.

Советская политико-правовая система в отличие от имперской провозгласила в качестве основополагающего принципа государственного и общественного устройства всеобщее равенство. В соответствии с этим принципом уничтожалось сословное структурирование общества и уравнивались социальные статусы. Принадлежность к эксплуататорским классам рассматривалась в качестве отягчающего обстоятельства, что обуславливало использование в отношении «бывших» средств «красного террора». Мужчина уравнивался в правах с женщиной, а сам институт брака, утратив религиозную сакральность, стал государственным институтом, что предопределило активное вмешательство государства в организацию семейных отношений. Религия, объявленная «опиумом для народа», фактически находилась вне закона, а единственной государственной идеологией, насильственно насаждаемой всем слоям населения, являлся проповедуемый коммунистической партией марксизм-ленинизм.

Сам факт рождения Советского государства связан с событием, которое любое традиционное государство рассматривает в качестве особо опасного преступления – насильственного захвата государственной власти. ВКП (б), которая до революции имела статус, говоря современным уголовно-правовым языком, организованного преступного сообщества, после одержанной в ноябре 1917 г. победы превратилась в «направляющую и организующую силу», что предопределило «перерождение» в индивидуальном и общественном правосознании. Люди, которые в «прошлом государстве» рассматривались как преступники, стали субъектами государственной власти, соответственно совершенные ими преступления стали оцениваться как героические поступки [6, с. 159].

Формирование и осуществление уголовной политики на различных этапах существования Советского государства заметно отличались как по юридическому составу, так и по содержанию проводимых в рамках реализации тех или иных политических курсов мероприятий. Вместе с тем общим для всех этих этапов являлась их ярко выраженная идеологическая природа, предопределявшая безусловный приоритет политики по отношению к праву.

В советский период государство (а не право) определяло, какое поведение является преступным, а какое – правомерным. То же самое было и в области определения субъектов преступления и наказания, а также в сфере взаимодействия национального (социалистического) и международного права.

Оценка советского социалистического права как идеологического по своей природе вместе с тем не носит сугубо критического характера. Советская государственно-правовая система по ряду факторов характеризовалась достаточно значимыми передовыми достижениями, многие из которых на современном этапе, к сожалению, утрачены. В частности, статус СССР как федеративного государства предопределял двухуровневую систему федерального законодательства. В нормативном массиве уголовного законодательства такая двухуровневость была представлена сочетанием общих положений, закрепляемых на федеральном уровне, Основами уголовного законодательства СССР и союзных республик и привязанных к региональным особенностям национальных субъектов республиканских уголовных кодексов. Такая система, по крайней мере на формальном уровне, свидетельствовала о существовании советского федерализма и позволяла говорить как об общесоюзной, так и о региональной уголовной политике.

Современный период развития российской уголовной политики непосредственным образом связан с этапом становления и развития России в качестве самостоятельного суверенного государства. Объявив себя правопреемником СССР, Российская Федерация одновременно провозгласила отказ от системы «советских ценностей» в наиболее важных сферах общественного устройства и общественной жизнедеятельности. На конституционном уровне получили свое закрепление ценности и приоритеты, характеризующие правовую культуру Запада, среди которых первичным составным элементом выступает человек, его права, свободы, законные интересы. Однако любая декларация, не подкрепленная действенной системой юридических гарантий и санкций, не несет в себе реального правового значения. С этим мы уже сталкивались в тридцатых годах прошлого века, когда самая демократическая в мире Конституция «страны победившего социализма» спокойно суживалась с политикой «большого террора», проводимого государством в отношении собственного народа.

Современная Россия, на формальном уровне продемонстрировавшая свое стремление влиться в состав международного сообщества и позиционирующая себя в качестве государства с европейской правовой культурой, на практике продолжает претендовать на сохранение имперской роли в современном мироустройстве. Подобная противоречивость и стратегическая неопределенность придает государственной политике (в том числе в сфере формирования и функционирования антикриминального права) в достаточной степени непоследовательный характер, что в свою очередь не позволяет с большой степенью вероятности определять среднесрочные и долгосрочные перспективы политико-правового развития России и существенным образом осложняет эффективное противодействие криминальным тенденциям [7, с. 95].

2. Теория правоохранительной системы

С точки зрения общей теории права, правоохранительная система представляет собой структурно-функциональный комплекс, объединяющий нормативно-правовые и организационные основания правоохранительной деятельности; средства, методы, технические приемы охраны и защиты публичного права, а также восстановления нарушенных прав и законных интересов физических и юридических лиц; охранительные правоотношения.

В контексте общетеоретического подхода понятия охрана и защита права носят равный по значимости характер. Государство, являясь гарантом права, в одинаковой степени должно гарантировать реализацию как публично-правовых, так и частноправовых интересов. Вместе с тем на практике охрана публичного государственного права и охрана частных прав граждан и организаций рассматриваются как различные направления правовых коммуникаций, которые в ряде случаев выступают в качестве разнонаправленных векторов субъективной поведенческой активности [8, с. 35–36].

В качестве структурных элементов правоохранительной системы государства могут быть выделены: государственные правоохранительные органы (МВД, ФСБ, СК, Генеральная прокуратура, ФСИН и др.); органы, осуществляющие обеспечение и защиту частных (субъективных) прав (нотариат, адвокатура); международные и внутригосударственные общественные правозащитные организации (третейские суды, медиативные компании, общество защиты прав потребителей и др.); международные и внутригосударственные судебные органы (ЕСПЧ, Конституционный суд РФ, Верховный суд РФ).

Функциональность выделенных структурных элементов определяется содержательным наполнением уголовной политики государства на определенных этапах его историко-культурного развития.

В случае если уголовная политика носит обвинительный уклон и базируется на презумпции противозаконного сознания и поведения субъектов общественных отношений, то в правоохранительной системе приоритет отдается государственным правоохранительным органам, основной функцией которых становится контроль и репрессивное воздействие.

В условиях состязательной уголовной политики структурирование и функциональность правоохранительной системы задаются презумпцией объективной неопределенности правосознания, с акцентом на процессуальной презумпции невиновности вовлекаемых в сферу уголовного преследования субъектов. При таком подходе процессуальный статус «государственных правоохранителей» и «негосударственных правозащитников» является равным не только по форме, но и по содержанию.

3. Правоохранительная система России: генезис и современность

Структурно-функциональное становление правоохранительной системы России определяется этапами развития государственной уголовной политики. С учетом ранее выделенных периодов целесообразно говорить об архаической, имперской, советской и постсоветской правоохранительных системах Российского государства.

Архаическая правоохранительная система характеризуется отсутствием специальных государственных органов, наделенных властными функциями в правоохранительной сфере. Решение задач по охране и защите публичного права и субъективных прав было возложено либо на общественные органы самоуправления, либо на князя и его дружину. Во всяком случае, «последнее слово» в решении споров о праве и определении ответственности за совершенные преступления и проступки оставалось за княжеской властью.

Имперская правоохранительная система начинает обретать черты профессиональности при Петре I.

В 1715 г. Петр I учредил в Санкт-Петербурге Главную полицию. Генерал-полицмейстером был назначен генерал-адъютант Девиер. Первоначально штат полиции состоял из заместителя генерал-полицмейстера, 4 офицеров и 36 нижних чинов. Полиция не только следила за порядком в городе, но и выполняла ряд хозяйственных функций, занималась благоустройством города: мощением улиц, осушением болотистых мест, уборкой мусора и т. п.

В 1782 г. был опубликован Устав благочиния или полицейский – прообраз современного Закона о полиции.

8 сентября 1802 г. Манифестом Александра I было утверждено «Учреждение министерств», в соответствии с которым было создано МВД. Первоначально полиция в структуру МВД не входила.

В 1810 г. было сформировано Министерство полиции, к ведению которого был отнесен комплекс вопросов, связанных с обеспечением внутренней государственной безопасности.

В 1819 г. Министерство полиции было включено в структуру МВД. С этого времени данная структура приобрела собственно полицейский (уголовно-административный охранительный) характер, сохранившийся вплоть до настоящего времени.

В 1836 г. был создан Отдельный жандармский корпус (прообраз современного ФСБ).

В 1845 г. было принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, по сути своей представлявшее первую кодификацию уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права.

В Уложении впервые было дано определение преступления: «Всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав власти верховной и установленных ею властей, или же на права или безопасность общества или частных лиц, есть преступление».

В Уложении осуществлялась дифференциация уголовных и исправительных наказаний. Основной целью первых являлась кара преступника, вторые были ориентированы на возможное исправление и ресоциализацию лица. При этом социальная неоднородность общества предполагала деление осужденных на благородных (изъятых от наказаний телесных) и простых (не изъятых).

В 1861 г. было отменено крепостное право, а в 1864 г. утверждена судебная реформа, предусматривавшая глобальную модернизацию судебной системы.

В 1879 г. в составе МВД было выделено Главное тюремное управление.

Таким образом, можно констатировать, что в качестве комплексного многофункционального политико-правового образования правоохранительная система Российской империи сложилась к концу XIX в.

В своем «окончательном» состоянии эта система включала в себя МВД (в структуре которой выделялись общеуголовная полиция и политическая полиция (жандармерия)); судебную систему (в том числе суды присяжных и мировые суды); прокуратуру и адвокатуру. Правоохранительная система императорской России была сугубо внутригосударственной. Вместе с тем наличие в Империи национальных образований, как то: Царства Польского, Великого Княжества Финляндского, национально-территориальных образований в Средней Азии и на Кавказе – обусловило сочетание общегосударственных норм и национальных традиций в процессе осуществления правоохранительной деятельности, в том числе в сфере реализации уголовной политики [9; 10].

Разрушение Российской империи повлекло за собой структурно-функциональную трансформацию государственной правоохранительной системы. Как уже отмечалось выше, лица, ранее являвшиеся уголовными (Г. Котовский) и политическими (В. И. Ленин, И. В. Сталин) преступниками, победив в борьбе за политическую власть, стали во главе государственных властных структур и объявили правоохранительные органы Российской империи «антинародными и преступными».

На смену царской полиции пришла рабоче-крестьянская милиция, первоначально объединявшая полицейские (правоохранительные) и военные функции. Борьбу с контрреволюционным «белым» террором призваны были осуществлять органы ВЧК. Судебную деятельность на первых этапах становления советской власти осуществляли революционные трибуналы, члены которых в своих решениях ориентировались не на формальное (материальное и процессуальное) право, а на революционное правосознание и «классовое чутье». Естественно, что говорить о какой бы то ни было состязательности в таких условиях было нельзя [11].

Победа в Гражданской войне и стабилизация советского строя обусловили определенную логическую последовательность в структурировании и функционировании правоохранительной системы.

Переход от политики революционной целесообразности к социалистической законности обусловил градацию преступности на две основные составляющие: общеуголовную и политическую. Борьбу с уголовной преступностью осуществляла милиция, входившая в структуру МВД. Борьбу с политической – органы ВЧК (ГПУ, НКВД, КГБ), получившие в СССР структурную обособленность.

Наряду с противодействием преступности МВД осуществляло обеспечение противопожарной безопасности, упорядочивало и контролировало миграционную деятельность, занималось обеспечением безопасности дорожного движения и рядом других функциональных направлений. Именно в советский период сложилось унифицированное наименование органов, включаемых в структуру МВД, как органов внутренних дел.

В свою очередь органы ВЧК (ГПУ, НКВД, КГБ) наряду с функцией политического преследования осуществляли охрану государственной границы, внешнюю разведку и контрразведку, организацию деятельности мест лишения свободы.

Органы прокуратуры осуществляли следственную деятельность по наиболее опасным преступлениям, выполняли контрольно-надзорные мероприятия, обеспечивали поддержку государственного обвинения в суде.

Судебная деятельность в СССР осуществлялась народными судами, состоявшими из профессиональных судей и народных заседателей.

Советская адвокатура, представляя собой добровольное объединение профессиональных адвокатов, подчиненных Министерству юстиции, выполняли правообеспечительные и правозащитные функции, но, безусловно, адвокаты не рассматривались в качестве субъектов, процессуально равных представителям правоохранительных государственных органов, базирующихся на принципах обвинительного уголовного преследования.

Советский нотариат представлял собой государственный орган, деятельность которого была направлена на обеспечение частноправовых интересов физических и юридических лиц.

Послевоенный период развития советского государства и права был связан с корректировкой политического курса, с критикой «культ личности И. В. Сталина». Определенная либерализация в политической сфере предопределила изменения в структуре и функциональной направленности правоохранительной системы.

Прежде всего было продекларировано отсутствие в СССР политической (равно как и организованной) преступности. Таким образом, изменилась правоохранительная функция КГБ, переклотившегося с противодействия политической преступности на борьбу с преступлениями против социалистического государства и государственной собственности.

Система исполнения наказаний была передана в управление МВД.

В своем «окончательном» варианте советская правоохранительная система была представлена следующими структурными элементами:

МВД (ОВД) (противодействие преступности, обеспечение общественного порядка, безопасности дорожного движения, противопожарной безопасности, миграционный контроль, контроль за оборотом наркотиков, исполнение уголовных наказаний, пресечение внутренних государственных конфликтов);

КГБ (противодействие преступности, охрана государственной границы, внешняя разведка и контрразведка);

прокуратурой (противодействие преступности, а также надзор и контроль за соблюдением законности в государственной и общественной деятельности);

судебной системой (народными судами) (правосудие по уголовно-правовым и гражданско-правовым делам);

адвокатурой (защита субъективных интересов участников уголовного и гражданского процесса);

нотариатом (обеспечение частноправовых интересов физических и юридических лиц).

Как видно из приведенного перечня, функции противодействия преступности в СССР осуществляли три структурных подразделения правоохранительной системы, что нередко являлось причиной возникновения внутрисистемных противоречий и конфликтов.

Правоохранительная система современной России находится в стадии становления, обусловленном переходным состоянием российской государственности [12].

В качестве структурных элементов современной российской правоохранительной системы следует выделить:

- 3 министерства – МВД, МЧС, Минюст;
- 6 федеральных служб – ФСБ, ФСО, ФСИН, ФССП, Федеральную фельдъегерскую службу, Федеральную службу войск национальной гвардии;
- Генеральную прокуратуру;
- Следственный комитет;
- судебную систему (Конституционный суд, Верховный суд, конституционные и мировые суды субъектов РФ);
- адвокатуру;
- нотариат;
- внутригосударственные правозащитные организации (третейские суды, медиаторские компании, общество защиты прав потребителей, общество солдатских матерей и т. п.);
- международные правозащитные и судебные организации (ЕСПЧ).

Как видим, структура правоохранительной системы современной России приобрела более широкий, по сравнению с имперским и советским аналогами, структурный состав.

Внесенные изменения имеют как свои плюсы, так и минусы. Достаточно много вопросов возникает в области разделения предметов ведения и процессуальных полномочий МВД, ФСБ, СК. Кроме того, проблемной является область соотношения международного права и национального законодательства в области обеспечения и защиты прав человека и гражданина, которые в соответствии со ст. 2 Конституции России объявляются «основной ценностью». Безусловно, столь масштабное расширение аппарата правоохранительной системы обусловило ее бюрократизацию и ослабление внутрисистемного взаимодействия. Следует отметить, что в сложившейся ситуации отождествление названий МВД и ОВД утратило актуальность, поскольку к органам «внутренних дел» имеют непосредственное отношение все подразделения, ранее входившие в состав МВД, а в настоящее время получившие структурную обособленность [13].

Вместе с тем эти и многие проблемы являются неизбежными «болезнями роста», свойственными любой системе в период ее становления. Правоохранительная система современной России в целом выполняет возложенные на нее функции и обеспечивает внутреннюю безопасность государства и общества.

Библиографический список

1. Колоколов Н. А. Уголовная политика: загадочная очевидность: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 208 с.
2. Ветютнев Ю. Ю. Государственно-правовые закономерности / под ред. А. Я. Рыженкова. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2006. 204 с.
3. Ромашов Р. А. Национальная правовая культура России: традиции, ценности, техника // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 49–52.
4. Ромашов Р. А., Пеньковский Е. В. Философия права и преступления. СПб.: Алетейя, 2015. 344 с.
5. Ромашов Р. А. Уголовное судопроизводство и уголовное правосудие в России // Юридический вестник Самарского государственного университета. 2015. Т. 1. № 2. С. 122–127.
6. Ромашов Р. А., Тонков Е. Н. Тюрьма как «Град земной». СПб.: Алетейя, 2014. 656 с.
7. Политический режим и преступность / под ред. В. Н. Бурлакова, Ю. В. Волкова, В. П. Сальникова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 365 с.
8. Ромашов Р. А. Проблемы правоохранительной деятельности в современной России: учебное пособие. СПб.: Астерион, 2008.

9. Миняйленко Н. Н., Шныров А. Е. Структура правоохранительной системы Российской Империи накануне Первой мировой войны // *Международный журнал конституционного и государственного права*. 2017. Т. 3. № 3. С. 39–42.
10. Быкадоров В. А. К вопросу об опыте реформирования правоохранительной системы Российской Империи // *Вестник Московского университета МВД России*. 2013. № 9. С. 168–170.
11. Писаренко Д. А. Становление правоохранительной системы России 1917–1922 гг.: историография вопроса // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2016. Т. 5. № 1(14). С. 198–200.
12. Петракова Л. В. К вопросу о системе российских правоохранительных органов // *Социогуманитарный вестник*. 2015. № 2(15). С. 81–84.
13. Степанов О. А., Прохорова Е. Н. «Силовая» составляющая правоохранительной системы в рамках осуществления государственного строительства в России // *Современное право*. 2015. № 3. С. 29–33.

References

1. Kolokolov N. A. *Ugolovnaya politika: zagadochnaya ochevidnost': monografiya* [Criminal policy: the mysterious evidence]. Moscow: Yurlitinform, 2014, 208 p. [in Russian].
2. Vetyutnev Yu. Yu. *Gosudarstvenno-pravovye zakonomernosti* [State and legal laws]. In A. Ya. Ryzhenkov (ed.). Elista: ZAO «NPP «Dzhanger», 2006, 204 p. [in Russian].
3. Romashov R. A. *Natsional'naya pravovaya kul'tura Rossii: traditsii, tsennosti, tekhnika* [National legal culture of Russia: traditions, values, technology]. *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal technique], 2016, no. 10, pp. 49–52 [in Russian].
4. Romashov R. A., Pen'kovskii E. V. *Filosofiya prava i prestupleniya* [Philosophy of law and crime]. Saint-Petersburg: Aleteiya, 2015, 344 p. [in Russian].
5. Romashov R. A. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo i ugolovnoe pravosudie v Rossii* [Criminal proceedings and criminal justice in Russia]. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Legal Bulletin of Samara state University], 2015, t. 1, no. 2, pp. 122–127 [in Russian].
6. Romashov R. A., Tonkov E. N. *Tyur'ma kak «Grad zemnoi»* [The prison as "the city of the earth"]. Saint-Petersburg: Aleteiya, 2014, 656 p. [in Russian].
7. *Politicheskii rezhim i prestupnost'* [Political regime and crime]. In V. N. Burlakov, Yu. V. Volkov, V. P. Sal'nikov (ed.). Saint-Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2001, 365 p. [in Russian].
8. Romashov R. A. *Problemy pravookhranitel'noi deyatel'nosti v sovremennoi Rossii: uchebnoe posobie* [Problems pravookhranitel'noi deyatel'of v sovremennoi Rossii]. Saint-Petersburg: Asterion, 2008 [in Russian].
9. Minyailenko N. N., Shnyrov A. E. *Struktura pravookhranitel'noi sistemy Rossiiskoi Imperii nakanune Pervoi mirovoi voyny* [The structure of the law enforcement system of the Russian Empire on the eve of the First world war]. *Mezhdunarodnyi zhurnal konstitutsionnogo i gosudarstvennogo prava* [International journal of constitutional and state law], 2017, t. 3, no. 3, pp. 39–42 [in Russian].
10. Bykadorov V. A. *K voprosu ob opyte reformirovaniya pravookhranitel'noi sistemy Rossiiskoi Imperii* [On the question of the experience of reforming the law enforcement system of the Russian Empire]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the MIA of Russia], 2013, no. 9, pp. 168–170 [in Russian].
11. Pisarenko D. A. *Stanovlenie pravookhranitel'noi sistemy Rossii 1917–1922 gg.: istoriografiya voprosa* [The formation of the law enforcement system in Russia 1917–1922: the historiography of the topic]. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal* [Baltic humanitarian journal], 2016, t. 5, no. 1(14), pp. 198–200 [in Russian].
12. Petrakova L. V. *K voprosu o sisteme rossiiskikh pravookhranitel'nykh organov* [On the issue of the Russian law enforcement system]. *Sotsiogumanitarnyi vestnik* [Social and humanitarian Bulletin]. 2015, no. 2(15), pp. 81–84 [in Russian].
13. Stepanov O. A., Prokhorova E. N. *«Silovaya» sostavlyayushchaya pravookhranitel'noi sistemy v ramkakh osushchestvleniya gosudarstvennogo stroitel'stva v Rossii* ["Power" component of the law enforcement system in the framework of state building in Russia]. *Sovremennoe pravo* [Modern law], 2015, no. 3, pp. 29–33 [in Russian].

УДК 340

Самиулина Я. В.

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры профессиональных дисциплин, Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в, e-mail: yanasam-09@mail.ru

Yana V. Samiulina

Candidate of Law, senior lecturer of the Department of professional disciplines, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022, e-mail: yanasam-09@mail.ru

Кузовенкова Ю. А.

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Россия, г. Самара, ул. Московское шоссе, д. 34, e-mail: kuzovenkova@hotmail.com

Julia A. Kuzovenkova

Candidate of Law, Assistant Professor of the Department of criminal procedure and criminology, Samara National Research University named after academician S.P. Korolev, Moskovskoe shosse, 34, Samara, Russia, 443086, e-mail: kuzovenkova@hotmail.com

ПРАКТИКА КОМПЕНСАЦИИ ПОТЕРПЕВШИМ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО НЕНАСИЛЬСТВЕННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация. Статья посвящена отдельным проблемам компенсации морального вреда потерпевшим по уголовным делам против собственности. Изучение судебной практики показало, что суды в своих решениях, отказывая потерпевшим в компенсации морального вреда, причиненного преступлением против собственности, руководствуются тем, что не представлены доказательства физических либо нравственных страданий последнего.

Авторы не согласны с данной позицией, поскольку в соответствии со ст. 52 Конституции РФ потерпевшему гарантирована компенсация причиненного ущерба, при этом уголовно-процессуальное законодательство при обращении потерпевшего с исковыми требованиями о компенсации причиненного преступлением вреда не ограничивает его в выборе вида судопроизводства (уголовного или гражданского). Не содержится на законодательном уровне и каких-либо ограничений по виду совершенного в отношении потерпевшего преступления (наличие или отсутствие в нем насилия).

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что при совершении в отношении потерпевшего преступления имущественного характера, включая ненасилованного, он вправе требовать компенсации морального вреда. В результате нарушения имущественных прав потерпевший испытывает нравственные страдания, составляющие моральный вред. Любое преступление само по себе является безнравственным проступком, посягающим на материальные или нематериальные блага. При совершении ненасилованного преступления против собственности потерпевший, оказавшись в конфликтной ситуации, испытывает негативные ощущения и переживания, а также неудобства в результате нарушения его субъективных прав.

Ключевые слова: потерпевший, преступление, моральный вред, собственность, возмещение морального вреда.

THE PRACTICE OF COMPENSATION FOR MORAL HARM TO INJURED PERSONS, CAUSED BY A NON-VIOLENT CRIME AGAINST THE PROPERTY

Summary. The article is devoted to certain problems of compensation for moral damage to victims in criminal cases against property. The study of judicial practice showed that the courts in their decisions, denying victims compensation for moral harm caused by a crime against property, guided by the fact that there is no evidence of physical or moral suffering of the latter.

The authors do not agree with this position, since in accordance with article 52 of the Constitution of the Russian Federation to the victim is guaranteed compensation of damages, while criminal procedure law when handling the victim with the claims of compensation caused by the crime harm is not limited in his choice of the type of proceedings (criminal or civil). At the legislative level, there are no restrictions on the type of crime committed against the victim (the presence or absence of violence).

The conducted research allows to draw a conclusion that at Commission concerning the victim of crime of property character, including nonviolent, it has the right to demand compensation of moral harm. As a result of violation of property rights, the victim experiences moral suffering constituting moral harm. Any crime is in itself an immoral act that encroaches on material or non-material goods. When committing non-violent crimes against prop-

erty the victim, being in a conflict situation, experiencing negative feelings and experiences, but also the inconvenience due to the violation of its subjective rights.

Keywords: *an injured person, a crime, moral harm, property, redress for the non-pecuniary damage.*

Вопросы компенсации морального вреда потерпевшему в рамках уголовного судопроизводства достаточно часто встречаются в судебной практике. Назначить такую меру возмещения может только суд путем рассмотрения искового заявления.

Несмотря на то что в уголовно-процессуальном законе неоднократно встречается термин «вред», ст. 5 УПК РФ в числе основных понятий не дает его легальной расшифровки. Не раскрывая термин «моральный вред», уголовно-процессуальный закон упоминает его несколько раз: в ч. 1 ст. 42 УПК РФ, а также в ст. ст. 133 и 136 УПК РФ, содержащих правила реабилитации. В связи с этим, его трактовка основывается на гражданском праве, в котором согласно ст. 151 ГК РФ моральный вред выражается в нравственных и физических страданиях. Ч. 1 ст. 15 ГК РФ предусмотрено, что лицо, право которого нарушено, в том числе совершением преступления, в рамках искового производства может требовать полного возмещения причиненных ему убытков.

Возмещение морального вреда потерпевшему предусматривается положениями, содержащимися в ст. ст. 151, 1099–1101 ГК РФ, в которых устанавливается его денежная компенсация. При рассмотрении вопроса об определении размера морального вреда, подлежащего компенсации, суд руководствуется нормами Гражданского кодекса РФ и учитывает следующие обстоятельства. Во-первых, принимает во внимание степень вины обвиняемого, причинившего страдания потерпевшей стороне. Во-вторых, принимая решение, суд учитывает характер и степень физических и нравственных страданий, зависящие от индивидуальных особенностей личности потерпевшего. В-третьих, решение суда при определении размера компенсации должно соответствовать принципам разумности и соразмерности. В-четвертых, судом принимаются во внимание иные обстоятельства, которые также имеют значение для принятия справедливого и законного судебного решения.

Содержание ст. 151 ГК РФ для принятия судом законного решения о назначении размера компенсации морального вреда в ряде случаев оказывается недостаточным. В связи с этим, в правоприменительной практике применяются разъяснения Верховного суда РФ, содержащиеся в постановлениях Пленума № 55 от 29 ноября 2016 г. «О судебном приговоре» [1], № 10 от 20 декабря 1994 г. «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» [2].

Следует отметить, что в тексте ст. 151 ГК РФ и разъяснениях Пленума Верховного суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 наблюдаются противоречия. Согласно Гражданскому кодексу моральный вред может быть причинен только действиями (бездействием), нарушающими неимущественные права (физические или нравственные страдания), в то время как п. 2 указанного постановления Верховного суда РФ трактуется возможность причинения морального вреда потерпевшему при нарушении как неимущественных, так и имущественных прав граждан. Такое противоречие в судебной практике разрешается по-разному, чаще всего в судах отказывают в гражданских исках о получении моральной компенсации за вред, причиненный в результате ненасильственного преступления, такого, к примеру, как кража, мошенничество, присвоение или растрата вверенного имущества, умышленное уничтожение или повреждение имущества.

Так, потерпевший Х., не оспаривая фактических обстоятельств дела, в своей апелляционной жалобе выразил несогласие с приговором, вынесенным в отношении Г. и С., совершивших кражу его куртки. Потерпевший считает, что назначенное им наказание является чрезмерно мягким, отказ суда первой инстанции в удовлетворении заявленного гражданского иска о компенсации морального вреда признает безосновательным с учетом возвращения ему похищенной куртки в состоянии, не пригодном к дальнейшей ее эксплуатации, чем ему были причинены нравственные страдания.

Судебная коллегия по уголовным делам Самарского областного суда оставила апелляционную жалобу потерпевшего без удовлетворения, указав, что действующее законодательство не содержит указаний на возможность компенсации морального вреда в случае кражи имущества гражданина [3].

Изучение судебной практики показало, что суды в своих решениях, отказывая потерпевшим в компенсации морального вреда, причиненного преступлением против собственности, руководствуются тем, что не представлены доказательства физических либо нравственных страданий последнего. Примером тому служит решение по иску Ф. к П. о возмещении материального ущерба

и компенсации морального вреда, причиненного кражей. Отказывая в удовлетворении заявленных истцом требований, в решении указано, что законодательством не предусмотрена компенсация морального вреда, причиненного хищением имущества, если при этом не затрагиваются личные неимущественные права гражданина или принадлежащие ему другие нематериальные блага. Приговором в отношении П. не установлен факт причинения истцу физических и нравственных страданий в связи с преступлением, совершенным ответчиком. Сам факт хищения у истца принадлежащего имущества не свидетельствует о причинении ей морального вреда, так как хищением нарушены имущественные права истца. Доказательств причинения истцу действиями ответчика морального вреда, нарушения личных неимущественных прав и других нематериальных благ истца суду не представлено [4].

Таким образом, правоприменительная практика исходит из того, что в случае нарушения имущественных прав потерпевшего при совершении в отношении него ненасильственного преступления против собственности, моральный вред возмещению не подлежит.

Такую позицию мы не разделяем, поскольку в соответствии со ст. 52 Конституции РФ потерпевшему гарантирована компенсация причиненного ущерба. При этом уголовно-процессуальное законодательство при обращении потерпевшего с исковыми требованиями о компенсации причиненного преступлением вреда не ограничивает его в выборе вида судопроизводства (уголовного или гражданского). Не содержится на законодательном уровне и каких-либо ограничений по виду совершенного в отношении потерпевшего преступления (наличие или отсутствие в нем насилия).

Следует также обратиться к положениям ч. 2 ст. 1099 ГК РФ, в которой законодателем прямо указано, что моральный вред от имущественного преступления подлежит компенсации только в случаях, установленных законом. В частности, положение ч. 1 ст. 42 УПК указывает на возможность требования потерпевшим возмещения морального ущерба при совершении в отношении него преступления без указания на определенные составы.

Кроме того, ч. 4 ст. 42 УПК РФ закрепляет право потерпевшего получить возмещение морального вреда в денежном выражении. Согласно законодательной трактовке указанные правила касаются всех преступлений, а не только тех, которые нарушили личные неимущественные права потерпевшего либо посягали на принадлежащие ему нематериальные блага. По смыслу ч. 1 ст. 44 УПК РФ возможно возмещение имущественного вреда в уголовном судопроизводстве при условии, что данный вред причинен непосредственно преступлением. Тем самым законодатель не выделяет преступления при наличии или отсутствии в нем насилия.

Таким образом, основываясь на проведенном анализе норм действующего законодательства, считаем, что при совершении любого преступления против собственности, включая ненасильственного, потерпевший в результате нарушения его имущественных прав испытывает нравственные страдания. Любое преступление, являясь безнравственным проступком, посягающим на материальные или нематериальные блага, может привести к возникновению не только материального ущерба, но и причинить моральный вред.

При совершении ненасильственного преступления против собственности потерпевший, оказавшись в конфликтной ситуации, испытывает негативные ощущения и переживания (гнев, стыд, отчаяние и т. д.), а также неудобства в результате нарушения его субъективных прав. Поэтому полагаем, что потерпевшему противоправными ненасильственными действиями против его собственности причиняется не только материальный, но и моральный вред, который подлежит компенсации.

Библиографический список

1. О судебном приговоре: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.09.2017).
2. Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда Постановление Пленума Верховного суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 (ред. от 06.02.2007 № 6) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.09.2017).
3. Апелляционное определение от 11 января 2017 г. по делу № 22-48/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 27.09.2017).
4. Решение Волжского районного суда Самарской области от 2 октября 2015 г. Дело № 2-3129/2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 27.09.2017).

References

1. O sudebnom prigovore: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo suda RF ot 29 noyabrya 2016 g. no. 55 [On the verdict: resolution of the Plenum of the Supreme court of November 29, 2016 no. 55]. URL: <http://www.consultant.ru/> (Accessed: 25.09.2017) [in Russian].
2. Nekotorye voprosy primeneniya zakonodatel'stva o kompensatsii moral'nogo vreda Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo suda RF ot 20 dekabrya 1994 g. no. 10 (red. ot 06.02.2007 no. 6) [Some questions of application of legislation on compensation of moral harm, Plenum of the Supreme court of the Russian Federation of 20 December 1994 no. 10 (edited on 06.02.2007 no. 6)]. URL: <http://www.consultant.ru/> (Accessed: 25.09.2017) [in Russian].
3. Apellyatsionnoe opredelenie ot 11 yanvarya 2017 g. po delu no. 22-48/2017 [Appeal ruling of 11 January 2017 in case no. 22-48/2017]. URL: <https://rospravosudie.com/> (Accessed: 27.09.2017) [in Russian].
4. Reshenie Volzhskogo raionnogo suda Samarskoi oblasti ot 2 oktyabrya 2015 g. Delo no. 2-3129/2015 [The decision of the Volga district court of Samara oblast of October 2, 2015 Case no. 2-3129/2015]. URL: <http://sudact.ru/> (Accessed: 27.09.2017) [in Russian].

УДК 340

Степанов А. В.

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника по научной работе,
Пермский институт ФСИН России,
614012, Россия, г. Пермь, ул. Карпинского, 125,
e-mail: a.stepanov1975@mail.ru

Alexey V. Stepanov

Candidate of Law, Associate Professor,
Deputy head for scientific work,
Perm Institute of the Federal Penitentiary Service,
Karpinskiy Str., 125, Perm, Russia, 614012,
e-mail: a.stepanov1975@mail.ru

ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА КАК ОСОБЫХ СУБЪЕКТОВ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ, СКЛАДЫВАЮЩИХСЯ ПО ПОВОДУ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МИГРАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются определения иностранных граждан и лиц без гражданства. Современное российское законодательство по продолжительности нахождения в РФ выделяет 3 группы иностранных граждан: временно пребывающие, временно проживающие и постоянно проживающие. Однако, несмотря на важное практическое значение деления иностранных граждан на указанные группы, по мнению автора статьи, его нельзя признать достаточным для характеристики их правового статуса.

Автор отмечает, что на объем соответствующих прав и обязанностей неграждан России, а также на возможность применения мер юридической ответственности в отношении иностранцев-нарушителей миграционного законодательства влияют различные факторы: продолжительность нахождения на территории Российской Федерации, степень подчинения юрисдикции государства пребывания и др. На основании этого предлагается авторская классификационная модель, включающая иностранных граждан, которые не обладают иммунитетами и привилегиями, иностранных граждан с определенными иммунитетами и привилегиями и иностранных граждан, получивших убежище в Российской Федерации. Анализируются отличия административно-правового статуса различных групп иностранцев как особых субъектов, участвующих в правовых отношениях, складывающихся по поводу обеспечения миграционной безопасности Российской Федерации.

Подводя итог, автор подчеркивает, что иностранные граждане и лица без гражданства обладают совокупностью прав и обязанностей, отличающих их не только от российских граждан, но и друг от друга в зависимости от тех или иных факторов и обстоятельств.

Ключевые слова: иностранные граждане, лица без гражданства, классификация иностранцев, административно-правовые отношения, административно-правовой статус, миграционная безопасность.

THE CONCEPT AND CLASSIFICATION OF NON- CITIZENS, AS SPECIAL SUBJECTS OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL RELATIONS CONCERNING MIGRATION SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Summary. The article discusses the definitions of foreign citizens and stateless persons. Modern Russian legislation on the duration of stay in the Russian Federation allocates 3 groups of foreign citizens: temporary residents and permanent residents. However, despite the important practical importance of dividing foreign citizens into these groups, according to the author of the article, it cannot be considered sufficient to characterize their legal status.

The author notes that the scope of the relevant rights and obligations of non-citizens of Russia, as well as the possibility of applying measures of legal responsibility in respect of foreigners-violators of migration legislation are influenced by various factors: the length of stay in the territory of the Russian Federation, the degree of subordination of jurisdiction of the host state, etc. Based on this, author proposes a classification model that includes foreign citizens who do not have the immunities and privileges of foreign nationals certain immunities and privileges of foreign citizens granted asylum in the Russian Federation. The article analyzes the differences in the administrative and legal status of different groups of foreigners as special subjects involved in legal relations arising in relation to the migration security of the Russian Federation.

Summing up, the author emphasizes that foreign citizens and stateless persons have a set of rights and obligations that distinguish them not only from Russian citizens, but also from each other depending on various factors and circumstances.

Keywords: foreign citizens and stateless persons, classification of foreigners, administrative and legal relations, administrative and legal status, migration security.

Среди индивидуальных субъектов административно-правовых отношений, складывающихся по поводу обеспечения миграционной безопасности Российской Федерации, особое место занимают иностранные граждане и лица без гражданства. Это связано с тем, что правовое положение, а также условия въезда (выезда), проживания (пребывания) [1] указанных лиц в Российской Федерации отличается от правового статуса российских граждан, что обусловлено их нахождением в различных правовых состояниях (соответственно гражданства, иностранства и безгражданства). Последние два состояния указаны в учебнике «Конституционное право: университетский курс» [2].

В Федеральном законе от 25 июля 2002 г. «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» дано следующее определение иностранных граждан: это физические лица, которые не являются гражданами РФ и имеют доказательств наличия гражданства (подданства) иностранных государств. Лицо без гражданства – физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и не имеющее доказательств наличия гражданства (подданства) иностранного государства.

Иностранцы как субъекты административно-правовых отношений, складывающихся по поводу обеспечения миграционной безопасности Российской Федерации, обладают соответствующим административно-правовым статусом, в рамках которого у них возникает возможность с момента въезда на территорию Российской Федерации и до момента выезда из России приобретать, использовать права, нести обязанности и соблюдать запреты в миграционной сфере, то есть вступать в миграционные правовые отношения.

На объем соответствующих прав и обязанностей неграждан России, а также на возможность применения мер юридической ответственности в отношении иностранцев-нарушителей миграционного законодательства влияют различные факторы: продолжительность нахождения на территории Российской Федерации, степень подчинения юрисдикции государства пребывания и др. На основании этого представляется целесообразным классифицировать иностранных граждан и лиц без гражданства по различным основаниям.

Современное российское законодательство по продолжительности нахождения в РФ выделяет 3 группы иностранных граждан: временно пребывающие, временно проживающие и постоянно проживающие. В ст. 2 ФЗ от 25 июля 2002 г. сказано, что временно пребывающие в РФ иностранные граждане – это лица, прибывшие в РФ на основании визы или в порядке, который не требует получения визы, и не имеющие вида на жительство или разрешения на временное проживание. Временно проживающие в РФ иностранцы – это лица, получившие разрешение на временное проживание, а постоянно проживающие – лица, получившие вид на жительство.

Отмечая важное практическое значение деления иностранных граждан на указанные группы, следует понимать, что его нельзя признать достаточным для характеристики их правового статуса.

В специализированных исследованиях были даны попытки классифицировать иностранных граждан по разным основаниям [3, с. 15; 4, с. 9; 5, с. 20]. Анализируя подходы к классификации иностранцев, можно сделать следующие выводы.

Трудность классификации иностранцев связана с тем, что существует множество критериев, которые влияют на их правовой статус. В связи с этим иностранцев можно классифицировать по разным основаниям, но следует помнить, что обстоятельства (критерии), которые влияют на правовой статус иностранных граждан, следует рассматривать в совокупности [6, с. 58].

Данный подход позволяет разделить иностранцев на следующие группы: иностранные граждане, не обладающие иммунитетами и привилегиями; иностранные граждане, обладающие определенными иммунитетами и привилегиями; иностранные граждане, получившие статус беженца в Российской Федерации.

К первой группе следует отнести постоянно проживающих и временно находящихся в Российской Федерации иностранцев, подчиненных юрисдикции России в полном объеме наравне с ее собственными гражданами. Эта группа составляет основную массу иностранцев в Российской Федерации. Поскольку иностранцы могут находиться в Российской Федерации с различными целями, то перечислить всех их не представляется возможным. К данной категории следует отнести иностранных граждан, прибывших в Российскую Федерацию: а) по служебным делам (работа по трудовым или гражданско-правовым договорам (соглашениям) и др.); б) по общественным делам (по приглашениям политических партий и других общественных объединений); в) по частным (личным) делам (в качестве туриста, по приглашению родственников и знакомых и т. п.).

Отдельная категория – это иностранцы, следующие транзитом через территорию РФ.

Классификация также выделяет иностранных лиц с привилегиями и иммунитетами. Термин «иммунитет» происходит от латинских слов – прилагательного *immunis* – «свободный от чего-либо, освобожденный» и существительного *immunitas* – «освобождение от налогов, от службы и т. п.» [7, с. 443].

Привилегии и иммунитеты иностранного представителя – это совокупность установленных законодательством особых прав, преимуществ дипломатических работников, консульского персонала и других лиц для формирования благоприятных условий по выполнению возложенных на них функций.

В связи с этим правовой статус данной категории лиц значительно отличается от правового положения российских граждан и других иностранцев. Также согласно принципу взаимности существует ряд особенностей по содержанию, объему привилегий и иммунитетов представителей тех или иных государств. Отсюда следует важность и сложность определения правомочий таких категорий иностранцев в решении различных вопросов.

В то же время вместе с предоставлением привилегий и иммунитетов на дипломатов и приравненных к ним лиц возлагаются определенные обязанности, в частности: уважение законов страны пребывания и невмешательство во внутренние дела страны пребывания (ст. 41 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г.) [8].

К отдельной группе иностранных граждан следует отнести лиц, которые получили или стремятся получить в Российской Федерации статус беженца [9; 10, с. 112].

Правовой статус беженца схож со статусом иностранного гражданина, не обладающего иммунитетами и привилегиями, но имеется и ряд отличительных особенностей, которые позволяют выделить их в отдельную группу [11; 12]. Во-первых, беженец в отличие от обычного иностранца не пользуется защитой собственного государства и не связан с ним какими-либо обязательствами, но формально считается его гражданином (подданным). Во-вторых, по нормам и обычаям современного международного права беженцы не подлежат выдаче государству, где они могут подвергаться преследованию, так как в ином случае теряется смысл самого права убежища. Значимо и понимание того, что беженцы вправе получить различные виды помощи от государства (ст. 8).

Подводя итог, можно подчеркнуть, что иностранные граждане и лица без гражданства обладают совокупностью прав и обязанностей, отличающих их не только от российских граждан, но и друг от друга в зависимости от тех или иных факторов и обстоятельств. Они участвуют в различных административно-правовых отношениях, в том числе урегулированных миграционными правовыми нормами, и являются особыми субъектами правовых отношений, складывающихся по поводу обеспечения миграционной безопасности Российской Федерации.

Библиографический список

1. Купреев С. С. О содержании административно-правового статуса иностранцев в РФ // Административное право и процесс. 2014. № 8. С. 49–52.
2. Конституционное право: университетский курс: в 2 т. / под ред. А. И. Казанника, А. Н. Костюкова. М., 2015. Т. 2. 528 с.
3. Мишунина А. А. Система правового регулирования иммиграционных процессов в федеративном государстве: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 2010. 50 с.
4. Семенова А. В. Государственное управление в сфере реализации миграционной политики Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 21 с.
5. Смирнова Е. С. Проблемы правового статуса иностранцев в условиях глобализации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 48 с.
6. Степанов А. В. Миграционный правовой порядок как условие обеспечения миграционного правового статуса иностранцев и миграционной безопасности России: монография. Пермь, 2014. 250 с.
7. Большой энциклопедический словарь. М., 1999. 1097 с.
8. Ведомости Верховного Совета СССР. 1964. № 18. Ст. 221.
9. Конвенция о статусе беженцев (заключена в г. Женеве 28 июля 1951 г.) // Бюллетень международных договоров. 1993. № 9.
10. Герасименко Ю. В. Конституционно-правовой статус лиц, не являющихся гражданами РФ (вопросы теории и практики): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 392 с.

11. Искандеров Р. Р. Правовой статус беженцев в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 176 с.
12. Шуршалова Е. С. Конституционно-правовое регулирование и защита прав беженцев, вынужденных переселенцев в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 29 с.

References

1. Kupreev S. S. O soderzhanii administrativno-pravovogo statusa inostrantsev v RF [On the content of administrative and legal status of foreigners in Russia]. *Administrativnoe pravo i protsess*. [Administrative law and procedure], 2014, no. 8, pp. 49–52 [in Russian].
2. Konstitutsionnoe pravo: universitetskii kurs: v 2 t. [Constitutional law: academic course: in 2 volumes]. In A. I. Kazannik, A. N. Kostyukov (ed.). Moscow, 2015, t. 2. 528 p. [in Russian].
3. Mishunina A. A. Sistema pravovogo regulirovaniya immigratsionnykh protsessov v federativnom gosudarstve: konstitutsionno-pravovoe issledovanie. Avtoref. diss. d-ra yurid. nauk [System of legal regulation of immigration processes in the Federal state: constitutional and legal research. Extended Abstract of doctor's of Law thesis]. Tyumen', 2010, 50 p. [in Russian].
4. Semenova A. V. Gosudarstvennoe upravlenie v sfere realizatsii migratsionnoi politiki Rossiiskoi Federatsii. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Public administration in the sphere of implementation of migration policy of the Russian Federation. Extended Abstract of candidate's of Law thesis]. Saratov, 2011, 21 p. [in Russian].
5. Smirnova E. S. Problemy pravovogo statusa inostrantsev v usloviyakh globalizatsii. Avtoref. diss. d-ra yurid. nauk [Problems of the legal status of foreigners in the context of globalization. Extended Abstract of doctor's of Law thesis]. Moscow, 2009, 48 p. [in Russian].
6. Stepanov A. V. Migratsionnyi pravoporyadok kak uslovie obespecheniya migratsionnogo pravovogo statusa inostrantsev i migratsionnoi bezopasnosti Rossii: monografiya [Migration law and order as a condition for ensuring the migration legal status of foreigners and migration security of Russia]. Perm', 2014, 250 p. [in Russian].
7. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar' [Large encyclopedic dictionary]. Moscow, 1999, 1097 p. [in Russian].
8. Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR [Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR]. 1964, no. 18, st. 221 [in Russian].
9. Konventsia o statuse bezhentshev (zaklyuchena v g. Zheneve 28 iyulya 1951 g.) [Convention relating to the status of refugees (done at Geneva July 28, 1951)]. *Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov* [Bulletin of international treaties]. 1993, no. 9 [in Russian].
10. Gerasimenko Yu. V. Konstitutsionno-pravovoi status lits, ne yavlyayushchikhsya grazhdanami RF (voprosy teorii i praktiki). Diss. d-ra yurid. nauk [Constitutional and legal status of persons who are not citizens of the Russian Federation (theory and practice). Doctor's of Law thesis]. Moscow, 2003, 392 p. [in Russian].
11. Iskanderov R. R. Pravovoi status bezhentshev v Rossiiskoi Federatsii: dis. ... kand. yurid. Nauk [The legal status of refugees in the Russian Federation. Candidate's of Law thesis]. Moscow, 2006, 176 p. [in Russian].
12. Shurshalova E. S. Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie i zashchita prav bezhentshev, vynuzhdennykh pereselentshev v Rossiiskoi Federatsii. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Constitutional and legal regulation and protection of the rights of refugees and internally displaced persons in the Russian Federation. Extended Abstract of candidate's of Law thesis]. Saratov, 2012, 29 p. [in Russian].

УДК 340

Сторожев С. А.

начальник организационно-научного
и редакционно-издательского отделения,
Кузбасский институт ФСИН России,
654066, Россия, г. Новокузнецк, Кемеровская область,
пр. Октябрьский, 49,
e-mail: StThrash@mail.ru.

Stanislav A. Storozhev

Head of the organizational, scientific
and editorial department,
Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Oktyabrskiy Avenue, 49,
Novokuznetsk, Russia, 654066,
e-mail: StThrash@mail.ru.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ К ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ РАБОТАМ

Аннотация. В статье рассматривается криминологическая характеристика личности осужденных к обязательным работам на современном этапе. Данный вид наказаний занимает существенное место в системе уголовных наказаний, альтернативных лишению свободы, и за последние годы число осужденных к этому виду наказания значительно увеличилось как в абсолютном, так и в относительном выражении. Автором были проанализированы статистические данные Судебного департамента при Верховном суде РФ за 2014–2016 гг. и изучены дела осужденных, приговоренных к обязательным работам и состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях Новосибирской, Омской и Кемеровской областях, Красноярского и Алтайского края, Республики Хакасия. Особое внимание обращено на сравнительный анализ полученных результатов с результатами различных авторов, затрагивающих в своих трудах отдельные аспекты изучаемого вопроса. В заключение автор исходя из основных социально-демографических и уголовно-правовых характеристик осужденных к обязательным работам на современном этапе развития представляет криминологическую характеристику личности осужденных данной категории.

Ключевые слова: обязательные работы, личность осужденных, криминологическая характеристика, сравнительный анализ.

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF PERSONALITY OF THE PRISONERS SENTENCED TO COMMUNITY SERVICE

Summary. The article discusses the criminological characteristics of the personality of convicts to community service at the present stage. This type of punishment occupies a significant place in the system of alternative criminal penalties to deprivation of liberty, and in recent years the number of convicts to this type of punishment has increased significantly both in absolute and in relative terms. The author analyzed the statistical data of the Judicial Department under the Supreme court of the Russian Federation for 2014–2016. and the cases of convicted persons sentenced to mandatory work and registered in the criminal Executive inspections of Novosibirsk, Omsk and Kemerovo regions, Krasnoyarsk and Altai Territory, the Republic of Khakassia were studied. Particular attention is paid to the comparative analysis of the results with the results of different authors, affecting in their works some aspects of the issue under study. In conclusion, the author, based on the main socio-demographic and criminal-legal characteristics of convicts to mandatory work at the present stage of development, presents a criminological characterization of the personality of convicts of this category.

Keywords: community service, personality of the prisoners, criminological characteristics, comparative analysis.

В настоящее время обязательные работы стали занимать существенное место в системе уголовных наказаний, альтернативных лишению свободы, и за последние годы число осужденных к этому виду наказания значительно увеличилось как в абсолютном, так и в относительном выражении. Так, доля осужденных к обязательным работам в общем числе осужденных в 2014 г. составила 10 %, а в 2016 г. – 19 % [1]. С изменением количественной составляющей меняется и криминологическая характеристика личности осужденного к обязательным работам, изучение которой необходимо для успешного решения возникающих вопросов назначения и исполнения уголовного наказания.

В целях изучения криминологической характеристики личности осужденных к обязательным работам нами были проанализированы статистические данные Судебного департамента при Верховном суде РФ за 2014–2016 гг. [1] и изучены дела осужденных, приговоренных к обязатель-

ным работам и состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях Новосибирской, Омской и Кемеровской областях, Красноярского и Алтайского края, Республики Хакасия.

Еще в 2011 г. в своих трудах А. А. Бородина указывала, что подавляющее большинство осужденных к обязательным работам – лица мужского пола, и приводила значение – 85,4 % [2, с. 29]. Причем если обратиться к статистике Судебного департамента при Верховном суде РФ, то отчетливо видна тенденция на увеличение осужденных именно мужского пола. Так, в 2014 г. доля осужденных к обязательным работам мужского пола составляла 86,9 %, в 2015 г. – 89,1 %, в 2016 г. – 91,2 %. Приведенный высокий процент подтверждает и наше исследование – лица мужского пола составили 91,6 %.

Согласно представленной А. А. Бородиной возрастной характеристике осужденных к обязательным работам «средний возраст такого осужденного – 25–49 лет» [2, с. 29]. Справедливость этого суждения подтверждают приведенные статистические данные Судебного департамента при Верховном суде РФ за 2014–2016 гг. (таблица 1). Действительно, на возрастной период 25–49 лет приходится свыше 60 % осужденных к обязательным работам.

Таблица 1

Возраст осужденных к обязательным работам в России в 2014–2016 гг.

Год	Возраст осужденных к обязательным работам, %				
	14–17 лет	18–24 лет	25–29 лет	30–49 лет	50 лет и старше
2014	5,7	23,5	16,4	43,1	11,3
2015	5,2	20,1	17,6	46,1	10,9
2016	4,0	18,0	20,3	48,0	9,8

Из приведенных данных отчетливо прослеживается тенденция на увеличение количества осужденных к обязательным работам возраста именно 25–49 лет за счет уменьшения относительного количества несовершеннолетних осужденных и осужденных до 25 лет, а также осужденных к обязательным работам пенсионного и предпенсионного возраста.

Проведенное нами исследование позволяет более дискретно определить средний возраст. Так, возрастное распределение исследуемых лиц выглядит следующим образом: до 18 лет – 2,8 %, 18–25 лет – 18,2 %, 26–30 лет – 20,9 %, 31–38 лет – 36,7 %, 39–45 лет – 12,1 %, 46–49 лет – 3,3 %, 50 лет и старше – 6 %. Таким образом, средний возраст среднестатистического осужденного к обязательным работам – 26–38 лет, на данную категорию приходится более 57 %.

Несмотря на то что к 26–30 годам интенсивный поиск рода и места трудовой деятельности, как правило, заканчивается, у ученых и практических работников вызывает справедливую озабоченность высокая доля осужденных к обязательным работам, которые на момент вынесения судом решения были без определенного рода занятий. Данный вопрос поднимался многими исследователями, при этом сведения, представленные в литературе, разноречивы. Так, И. Н. Смирнова и М. Н. Заводчиков в своем исследовании отмечают, что «более 60 % осужденных к обязательным работам на момент совершения преступления не работали. Кроме того, многие не стремились к трудовой занятости и в период отбывания наказания, хотя... имели достаточно возможностей трудоустроиться» [3, с. 58]. В своем докладе В. А. Казакова, ссылаясь на И. Н. Смирнову и И. А. Лихолата, указывает, что свыше 80 % осужденных к обязательным работам не заняты трудом или учебой [4, с. 136]. По данным И. Н. Павлова, 38,3 % лиц изучаемой группы на момент вынесения приговора были без определенных занятий [5, с. 27].

Как показало наше исследование, 61,4 % изучаемых нами осужденных к обязательным работам до осуждения не имели постоянного места работы. При этом анализ полученных результатов показал, что ситуация привлечения неработающих осужденных к обязательным работам в различных субъектах РФ значительно различается, что позволяет объяснить существенный разброс в литературе статистических данных по этому вопросу.

В общероссийском масштабе Судебный департамент при Верховном суде РФ приводит данные, которые весьма близки к полученным нами в ходе исследования. Так, в 2014 г. доля лиц

без определенного рода занятий, осужденных к обязательным работам, составляла 69,6 %, в 2015 г. – 68,3 %, в 2016 г. – 67,1 %.

Изучаемое нами наказание очень редко назначаются не гражданам РФ. Это является очевидным, поскольку в соответствии с ч. 4 ст. 16 и ч. 1 ст. 25 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) обязательные работы исполняются по месту жительства осужденного, а данная категория, как правило, не имеет постоянного места жительства на территории не только определенного субъекта, но и всей Российской Федерации. Как показывает наше исследование, на территории Новосибирской, Омской и Кемеровской областях, Красноярского и Алтайского края, Республики Хакасия из привлеченных к обязательным работам только 4,7 % – иностранные граждане, преимущественно из СНГ. Согласно приведенным сведениям по всей России этот показатель еще меньше: в 2014–2016 гг. из всех осужденных к обязательным работам иностранцы и лица без гражданства составили 1,4 %.

Отдельно остановимся на уровне образования осужденных к обязательным работам (таблица 2). Подавляющее большинство имеют среднее общее или среднее профессиональное образование – более 65 %, при этом значительное количество осужденных к обязательным работам имеют основное общее, начальное образование или вовсе не имеют образования – более 20 %.

Таблица 2

Образование осужденных к обязательным работам в России в 2014–2016 гг.

Год	Образование осужденных к обязательным работам, %			
	высшее	среднее профессиональное	среднее общее	основное общее, начальное или нет образования
2014	4,6	30,1	36,5	28,9
2015	4,5	33,7	38,5	23,3
2016	5,9	37,3	35,6	21,1

Незначительно отличаются данные, полученные в ходе нашего исследования. Так, 8,8 % имеют высшее образование, 38,1 % – среднее профессиональное (специальное), 35,3 % – общее среднее и 17,8 % – основное общее или начальное.

Многие авторы [6, с. 92–99; 7, с. 88; 8, с. 166] связывают содержание обязательных работ с теми лишениями и ограничениями, которые претерпевают осужденные в процессе его исполнения, указывая в числе прочего на тяжелый и непрестижный характер выполняемых работ. Однако, изучая уровень образования осужденных к обязательным работам и род их занятий, можно отметить, что престижность и непрестижность общественно полезных работ во многих случаях оценить очень сложно. Работы по благоустройству территорий и мест общего пользования, очистке улиц и площадей, уходу за больными, ремонт дорог, погрузочно-разгрузочные и другие виды подобных работ для многих осужденных являются вполне «нормальными».

По мнению И. Н. Смирновой и М. Н. Заводчикова, «особое внимание следует обратить на семейное положение осужденных к обязательным работам» [3, с. 58]. В 2012 г. авторы приводят данные, что «из числа проанкетированных нами (Смирновой И. Н. и Заводчиковым М. Н. – прим. авт.) осужденных к обязательным работам состояли в браке (сожительствовали) лишь 22,5 %. Более половины (57,5 %) холосты (не замужем), каждый пятый (20 %) разведен» [3, с. 59]. Согласно нашей выборке 2017 г. 26 % осужденных состоят в браке, что немного выше показателя пятилетней давности.

Немаловажной характеристикой, определяющей личность осужденного, является наличие судимости на момент вынесения приговора. По данным И. Н. Смирновой и М. Н. Заводчикова, на конец 2011 г. каждый третий осужденный к обязательным работам был ранее судим за совершение преступления [3, с. 59]. За истекший период ситуация кардинально не изменилась. В результате нашего изучения личности осужденных к обязательным работам выяснилось, что 30,4 % были ранее осуждены за преступления небольшой или средней тяжести. Этот факт вызывает некоторую

озабоченность, так как, назначая самый мягкий вид наказания из наказаний, назначаемых только в качестве основных, а также из наказаний, сопряженных с трудовым воздействием на осужденного, под сомнение ставится возможность достижения целей уголовного наказания, таких как исправление осужденного и специальная превенция.

По общему правилу уголовное наказание может применяться лишь в случаях, если оно предусмотрено санкцией Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), а проведенный анализ УК РФ показывает, что обязательные работы в целом предусмотрены для назначения наказания за преступления небольшой и средней тяжести.

Распределение осужденных к обязательным работам по наиболее распространенным составам совершенных преступлений представлено в таблице 3.

Таблица 3

Распределение осужденных к обязательным работам по составам совершенных преступлений в России за 2014–2016 гг.

Год	Распределение осужденных к обязательным работам по составам совершенных преступлений, %										
	ч.ч. 1 и 2 ст. 115 УК РФ	ч.ч. 1 и 2 ст. 116 и ст. 116.1 УК РФ	ч. 1 ст. 119 УК РФ	ч. 1 ст. 139 УК РФ	ч. 1 ст. 158 УК РФ	ч. 2 ст. 158 УК РФ	ч. 1 ст. 161 УК РФ	ч. 1 ст. 228 УК РФ	ст. 264.1 УК РФ	ст. 319 УК РФ	др. преступления
2014	2,8	9,3	19,2	2,8	16,0	21,9	2,7	6,3	-	2,3	16,7
2015	3,1	6,8	14,5	2,3	13,2	17,7	1,9	4,8	21,6	2,1	12,0
2016	1,4	5,6	9,0	1,9	8,5	13,4	1,3	3,5	43,3	1,6	10,5

Наглядно видно, что такая уголовно-правовая характеристика личности осужденного к обязательным работам, как преступление, за которое лицо осуждено, за последние годы претерпело значительные изменения. Связано это, в первую очередь, с введением в УК РФ с 2015 г. нового состава преступления – ст. 264.1, и количество осужденных к обязательным работам за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию, постоянно растет. Как показывает наше исследование, проведенное в 2017 г., доля этой категории осужденных составила 53 %. При этом почти каждый четвертый осужденный к обязательным работам привлечен за кражу (22,8 %).

Что касается срока наказания, то можно обратить внимание на полученное нами относительно небольшое среднестатистическое значение этой характеристики – 210 часов. Значение это действительно небольшое, учитывая то, что за подавляющее большинство распространенных преступлений предусмотрен срок обязательных работ до 360–480 часов. При этом в среднем по шести рассматриваемым нами регионам срок обязательных работ за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию, составил около 200 часов.

Подводя итог, исходя из основных социально-демографических и уголовно-правовых характеристик на современном этапе развития можно охарактеризовать личность осужденных к обязательным работам следующим образом. Подавляющее большинство – граждане Российской Федерации мужского пола (более 90 %), не состоящие в браке (более 70 %). Средний возраст среднестатистического осужденного к обязательным работам – 26–38 лет. Двое из трех приговоренных не имеют определенного рода занятий (без постоянного места работы или учебы). Более половины тех, кому назначили наказание в виде обязательных работ, имеют только среднее общее и профессиональное образование, а высшее образование – всего 6–8 %. Около половины осуждены по ст. 264.1 УК РФ, почти каждый четвертый осужденный к обязательным работам привлечен за

кражу. Каждый третий осужденный был ранее судим. Средний срок назначенных судом обязательных работ – 210 часов.

Библиографический список

1. Данные судебной статистики [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 12.10.2017).
2. Бородин А. А. Применение наказания в виде обязательных работ в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 35 с.
3. Смирнова И. Н., Заводчиков М. Н. Правовое регулирование исполнения наказания в виде обязательных работ // Вестник Кузбасского института. 2012. № 3 (11). С. 54–60.
4. Казакова В. А. Обязательные работы как уголовно-правовая и административно-правовая категория // Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (г. Рязань, 24–25 ноября 2016 г.): в 2 т. Рязань: Академия ФСИН России, 2016. Т. 1: Материалы пленарного заседания. С. 133–138.
5. Павлов И. Н. Перспективы развития наказания в виде обязательных работ // Вестник Кузбасского института. 2013. № 1 (14). С. 24–31.
6. Осадчая Н. Г. Обязательные работы как новый вид наказания в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 1999. 215 с.
7. Российское уголовное право: курс лекций. Т. 2: Наказание / под ред. А. И. Коробеева. Владивосток: Дальневост. ун-т, 1999. 500 с.
8. Уголовно-правовое воздействие: монография / Г. А. Есаков, Т. Г. Понятовская, А. И. Рарог и др.; под ред. А. И. Рарога. М.: Проспект, 2012. 288 с.

References

1. Dannye sudebnoi statistiki [The data of judicial statistics]. *Sudebnyi departament pri Verkhovnom sude Rossiiskoi Federatsii* [Judicial Department at the Supreme court of the Russian Federation]. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79> (Accessed: 12.10.2017) [in Russian].
2. Borodina A. A. *Primenenie nakazaniya v vide obyazatel'nykh rabot v rossiiskom prave*. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Application of punishment in the form of compulsory works in Russian law. Extended Abstract of candidate's of Law thesis]. Moscow, 2011, 48 p. [in Russian].
3. Smirnova I. N., Zavodchikov M. N. *Pravovoe regulirovanie ispolneniya nakazaniya v vide obyazatel'nykh rabot* [Legal regulation of execution of punishment in the form of compulsory works]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta* [Bulletin of the Kuzbass Institute], 2012, no. 3 (11), pp. 54–60 [in Russian].
4. Kazakova V. A. *Obyazatel'nye raboty kak ugovovno-pravovaya i administrativno-pravovaya kategoriya* [Obligatory works as a criminal-legal and administrative-legal category]. *Ugovovno-ispolnitel'naya politika i voprosy ispolneniya ugovovnykh nakazanii: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Ryazan', 24–25 noyabrya 2016 g.): v 2 t.* [Criminal-Executive policy and the execution of criminal sanctions: proceedings of the international. science.- practice. Conf. (Ryazan, 24–25 November 2016): at 2 tons]. Ryazan': Akademiya FSIN Rossii, 2016, t. 1, pp. 133–138 [in Russian].
5. Pavlov I. N. *Perspektivy razvitiya nakazaniya v vide obyazatel'nykh rabot* [Prospects for the development of punishment in the form of compulsory works]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta* [Bulletin of the Kuzbass Institute], 2013, no. 1 (14), pp. 24–31 [in Russian].
6. Osadchaya N. G. *Obyazatel'nye raboty kak novyi vid nakazaniya v rossiiskom ugovovnom prave*: dis. ... kand. yurid. nauk [Mandatory work as a new type of punishment in Russian criminal law. Candidate's of Law thesis]. Rostov-on-Don, 1999, 215 p. [in Russian].
7. *Rossiiskoe ugovovnoe pravo: kurs lektii* [Russian criminal law]. T. 2: *Nakazanie*. In A. I. Korobeev (ed.). Vladivostok: Dal'nevost. un-t, 1999. 500 p. [in Russian].
8. *Ugovovno-pravovoe vozdeistvie: monografiya* [Criminal and legal impact]. G. A. Esakov et al. In A. I. Rarog (ed.). Moscow: Prospekt, 2012, 288 p. [in Russian].

УДК 340

Тимофеева Е. А.

доктор педагогических наук, доцент,
заместитель начальника института по научной работе,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рылская, 24в,
e-mail: anna0474@mail.ru

Elena A. Timofeeva

Doctor of Pedagogics, Associate Professor,
Deputy head of the Institute for scientific work,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Ryl'skaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: anna0474@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОПТИМИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УИС ПОСРЕДСТВОМ ВНЕДРЕНИЯ ПЕРЕДОВОГО ОПЫТА И ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. В современных социально-политических реалиях, в условиях динамично меняющегося законодательства, реформирования уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) оптимизация деятельности учреждений и органов Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН России), ее сотрудников приобретает особую актуальность.

Целью данной статьи является рассмотрение возможных перспектив и анализ существующего опыта внедрения передового опыта и инновационных технологий в деятельность УИС как фактора оптимизации финансовых и человеческих ресурсов.

В статье приводятся примеры использования инновационных технологий, оборудования сотрудниками пенитенциарной системы в процессе исполнения ими наказаний: системы электронного документооборота, программно-технического комплекса автоматизированного карточного учета спецконтингента, видеонаблюдения в учреждениях УИС и т. д. Автор статьи убедительно показывает, что успешному выполнению задач, возложенных на УИС, и оптимизации ее деятельности в перспективе будет способствовать внедрение как отечественного, так и зарубежного опыта пенитенциарных систем.

Ключевые слова: пенитенциарная система, финансовые и человеческие ресурсы, инновационные технологии, оптимизация деятельности, камерно-тюремная система, частные тюрьмы, зарубежный опыт.

REVISITING THE ACTIVITY IMPROVEMENT OF THE FPS THROUGH BEST PRACTICES AND INNOVATION TECHNOLOGY ESTABLISHING

Summary. In modern socio-political realities, in the context of dynamically changing legislation, the reform of the penitentiary system (hereinafter – MIS), the optimization of the activities of the institutions and bodies of the Federal Penitentiary Service (hereinafter referred to as the Federal Penitentiary Service of Russia) and its employees acquires particular urgency. The purpose of this article is to consider the introduction of best practices and innovative technologies in the operation of MIS as a factor in optimizing financial and human resources. The article gives examples of the use of innovative technologies and equipment by the penitentiary system staff in the process of execution of penalties: electronic document management system, software and hardware complex of automated card account of special contingent, video surveillance in the MIS institutions, etc. Successful fulfillment of tasks assigned to MIS and optimization Its activities will also contribute to the introduction of experience of foreign penitentiary systems.

Keywords: the penitentiary system, financial and human resource, innovative technologies, activity improvement, unit prison system, private prisons, foreign experience.

Сегодня в уголовно-исполнительной системе России, являющейся важнейшим социальным институтом, решающим масштабные по значимости задачи правового, экономического, социального и психолого-педагогического характера, продолжается процесс реформирования.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года [1] (далее – Концепция) подчеркивается необходимость внедрения инновационных технологий и передового отечественного и зарубежного опыта в деятельность сотрудников при работе с осужденными, организации режима и безопасности УИС.

Под термином «передовой опыт» мы будем понимать новые, наиболее прогрессивные формы, методы работы, проверенную практикой научно обоснованную систему приемов организации и деятельности служб, подразделений и учреждений пенитенциарных систем, наилучшие по

сравнению со средними общественными показателями образцы труда и т. д., которые являются в целом репрезентативными для значительного числа пенитенциарных учреждений.

Понятия «уголовно-исполнительная система» и «пенитенциарная система» мы будем рассматривать в качестве синонимов, поскольку речь в обоих случаях будет идти о государственном принуждении, выраженном в осуществлении наказаний в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступлений.

Одной из первостепенных и актуальных проблем, стоящих перед пенитенциарной системой России, на наш взгляд, является проблема оптимизации финансовых и человеческих ресурсов УИС.

Термин «оптимизация» (optimization) понимается нами в статье как некий выбор из всех возможных вариантов использования ресурсов тех, которые дают наилучшие результаты.

Рассмотрим возможные перспективы и уже существующие примеры использования с целью оптимизации деятельности УИС России передового опыта и инновационных технологий.

Начиная с 90-х гг. XX в. в Российской Федерации при исследовании вопросов режима и безопасности исполнения наказаний в виде лишения свободы все чаще отмечают преимущества камерно-тюремной системы содержания осужденных по сравнению с советской исправительно-трудовой системой. Однако сегодня тюрьма как место отбывания лишения свободы является самым малочисленным видом исправительных учреждений (далее – ИУ) в УИС России. Так, число тюрем в стране составляет менее 1 % от всех видов ИУ – это лишь 8 учреждений. В развитых пенитенциарных системах мира тюрьма является основным местом отбывания лишения свободы. В связи с этим камерно-тюремную концепцию можно рассматривать как состоявшийся положительный передовой опыт. При организации камерно-тюремной системы содержания заключенных в зарубежных странах тщательно разрабатываются вопросы построения пенитенциарных учреждений по определенному архитектурному типу. По мнению ряда ученых-пенитенциаристов, для российских ИУ наиболее эффективны архитектурные формы «крест» или «звезда». Их использование будет способствовать оптимизации деятельности в области использования человеческих ресурсов, безопасности учреждения: в ИУ упрощается надзор за осужденными, поскольку все посты надзора взаимосвязаны между собой дистанционно и визуально. Примером воплощения в жизнь одной из таких архитектурных форм является строящийся новый следственный изолятор «Кресты-2» (г. Колпино). И наоборот, архитектурное строение учреждения в виде «треугольника», «многоугольника» может препятствовать эффективности деятельности сотрудников тюрьмы [2].

Переход России к рыночным отношениям в экономике существенно осложнил выполнение задачи по повышению качества исполнения наказаний с учетом оптимизации расходов пенитенциарной системы. В создавшихся условиях все больший интерес у ученых-пенитенциаристов вызывает зарубежный опыт функционирования, так называемых частных тюрем, успешно привлекающих инвестиции частного сектора и снижающих затраты государства на содержание пенитенциарных учреждений. Об экономической выгоде частных тюрем для государства неоднократно заявляли известные российские государственные деятели и юристы.

Под частными (контрактными, приватизированными, делегированными и т. д.) тюрьмами мы будем понимать все виды исправительных учреждений с частно-государственным партнерством.

Сегодня частные тюрьмы достаточно эффективно функционируют в пенитенциарных системах США, Великобритании, Австралии, Германии, Франции, Австрии, Бразилии, Канады, Венгрии, Швеции, Норвегии, Латвии, Эстонии, ЮАР, Японии и др. В большинстве стран они являются самым доходным бизнесом в комплексе тюремной индустрии.

Функционирование частных тюрем может позволить государству: экономить средства на строительстве пенитенциарных учреждений; обеспечить качественное обслуживание инфраструктуры тюрьмы; совершенствовать условия содержания осужденных (питание, транспортное, медицинское обслуживание, организация труда и т. д.).

С вышеуказанной позиции для России актуален опыт Франции, где управление тюрьмой («делегированное управление») государство оставляет за собой, а организацию строительства и обеспечение производственного сектора учреждения представляет в ведение частного сектора [3].

Безусловно, вопрос о вводе частных тюрем должен быть тщательно исследован, просчитан, финансово обеспечен и нормативно урегулирован. Не должно быть никаких иллюзий. Очевидно, что в перспективе в рамках страны опытную модель частной тюрьмы (учреждения) можно было бы апробировать на 1-2 учреждениях, в которых государство постепенно будет передавать в частные руки поднаправления и отдельные направления деятельности учреждений.

Актуальным с точки зрения оптимизации деятельности УИС является внедрение новаций в системах информационного обеспечения. Особое внимание уделяется возможностям внедрения систем информационного обеспечения, основанных на использовании интегрированных банков данных с организацией оперативного доступа к ним сотрудников непосредственно с рабочих мест, а также систем видеоконтроля, СЭМПЛ и др.

В качестве примера внедрения опыта новых методов работы с информацией можно привести формирование в УИС единой методологии сбора, обработки, хранения и защиты информации оперативного, справочного и статистического назначения – СЭД (системы электронного документооборота).

Компьютерной новацией, вошедшей в повседневную профессиональную деятельность сотрудников пенитенциарной системы, являются электронные дневники. Применение в воспитательной работе с осужденными электронных дневников позволяет сотрудникам аккумулировать информацию, создавать базы данных, которые могут по сети использоваться всеми заинтересованными лицами при принятии какого-либо решения по исполнению наказания. С введением СЭД и электронных дневников отпадает необходимость работы сотрудников исключительно на бумажных носителях, что позволяет сэкономить системе определенные материальные средства.

Положительный результат в экономии времени сотрудников отдела режима следственных изоляторов УИС дает внедрение в их служебную деятельность различных компьютерных технологий и программ. Например, внедрение компьютерной программы «статья 33» позволяет оптимально покамерно распределять поступивших в СИЗО подозреваемых, обвиняемых и осужденных и таким образом экономить время сотрудников и минимизировать ошибки, связанные с человеческим фактором, при соблюдении требований ст. 33 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Применение в работе следственных изоляторов УИС видеоконференц-связи с региональными, верховными судами снижает служебную нагрузку на судебное конвоирование подозреваемых и обвиняемых лиц, а также экономит материальные средства на топливо специальным автомобилям.

Автоматизированная информационная поддержка мероприятий по профилактике правонарушений и преступлений подозреваемых и обвиняемых на сегодняшний день предоставляется программно-техническим комплексом автоматизированного карточного учета спецконтингента (далее – ПТК АКУС ИК, КП, СИЗО, УИИ). Достижением ПТК АКУС являются модули «Фотомастер» для обработки фотографий (осужденных, подозреваемых, обвиняемых) и «Дактомастер» для работы с отпечатками пальцев осужденных, подозреваемых и обвиняемых.

Внедрение в системе видеонаблюдения учреждений уголовно-исполнительной системы такой функции, как видеоаналитика (компьютерное зрение), позволило оптимизировать и облегчить работу операторам постов видеонаблюдения учреждений. Благодаря данной функции система видеонаблюдения обретает ряд полезных свойств, таких как интеграция с другими модулями системы безопасности учреждения. По внутренней локальной сети учреждения с разрешенных АРМ можно осуществлять мониторинг поступившей информации с системы контроля управления доступом на объекте или проверять работу датчиков на охраняемом периметре. Функция видеоаналитики позволяет отслеживать работу камер видеонаблюдения, проверять качество видеосигнала, также возможна функция по распознаванию лиц, попавших в зону работы камеры. Через группу камер можно отслеживать передвижение лиц, выявлять оставленные предметы, внезапное скопление людей и др.

Передовым информационно-техническим средством надзора за осужденными и их охраны, применяемым за рубежом, являются специальные сигнальные датчики, которые могут размещаться не только в камерах, но и на ошейниках служебных собак. Поскольку использование служебных собак в ФСИН России достаточно широко распространено, для нас представляет определенный интерес передовой опыт в данной области коллег из Израиля. Так, Управление израильских тюрем «ШАБАС» эффективно использует специальную компьютерную программу, позволяющую интерпретировать лай служебных собак, при попытке побега или иного запрещенного деяния со стороны заключенного [4].

Средством повышения качества обеспечения режима и осуществления надзора за осужденными, отбывающими наказание в исправительных учреждениях, и лицами, содержащимися под стражей, является применение сегодня в служебной деятельности исправительных учреждений и следственных изоляторов специальной техники.

Принцип работы данных приборов основан на использовании различных чувствительных лучей (волн) и ионов, реагирующих только на конкретные предметы, вещества, пары и т. д. Данные приборы абсолютно безопасны для здоровья человека, что является главным требованием к их техническим характеристикам. Так, в США большую популярность приобретают сканеры сотовых телефонов. Их конструкция предполагает широкодиапазонную антенну, которая позволяет службам безопасности обнаруживать все мобильные телефоны, расположенные поблизости, как включенные (находящиеся в режиме ожидания), так и выключенные. Например, прибор Мата Кау сканирует определенные компоненты, общие для всех сотовых телефонов и не только содержащие металл. Это уменьшает количество «ложных срабатываний» на такие электронные и металлические изделия, как: часы, ключи, монеты, пряжки ремней и др. Вышеупомянутый прибор позволяет обнаружить сотовый телефон или его комплектующие даже внутри или между металлическими предметами. В Беларуси в целях предотвращения правонарушений в пенитенциарных учреждениях используются такие технические средства охраны и надзора, как интегрированный комплекс охраны «777» (согласно п. 40 приложения к Постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 12.08.2014 № 783 «О служебной информации ограниченного распространения» сведения о технических средствах надзора и контроля, а также технической оснащенности досмотра транспортных средств, посылок и передач входят в Перечень сведений, относящихся к служебной информации ограниченного распространения с грифом «Секретно» или «Для служебного пользования»).

В качестве примера использования специальной техники в УИС России можно привести также комплексы «Тревога» и «Щит», которые являются эффективными средствами борьбы с беспилотными летательными аппаратами (БПЛА), несанкционированно используемыми над территориями учреждений ФСИН России.

В последние годы наблюдается тенденция роста правонарушений, связанных с доставкой на территории колоний и следственных изоляторов запрещенных предметов с применением БПЛА, что связано с развитием БПЛА и их массовым использованием населением. Указанные выше комплексы позволяют обнаруживать и надежно блокировать оба канала управления БПЛА: систему управления полетом и GPS-навигацию. Так, время блокирования системы управления и навигации БПЛА с момента включения комплекса «Щит» составляет 2–3, максимальная дальность, на которую обеспечивается блокирование системы управления БПЛА, – 1070 м [5].

Еще одним направлением возможной интеграции передового зарубежного опыта в деятельность УИС с целью ее оптимизации является психолого-педагогическое направление. Мировая пенитенциарная практика показывает, что данное направление также обладает весьма разнообразными новационными программами.

Для государства, общества экономически выгодно возвращение в общество граждан, получивших определенное профессиональное образование.

Так, программа модификации поведения, получившая свое практическое воплощение в учреждениях Нидерландов, Дании, Германии посредством специализированных терапевтических мер, направлена на социальную помощь и предоставление льгот осужденным. Эти меры обеспечивают ресоциализацию осужденных, в том числе овладение ими определенной профессией.

Основным направлением в работе по ресоциализации осужденных в Германии является их профессиональное обучение, которое администрация тюрем организует совместно с федеральными комитетами по труду и немецкими профсоюзами.

В качестве примера успешного внедрения зарубежного опыта в деятельность российской пенитенциарной системы можно привести реализацию в ряде ИУ программы для несовершеннолетних ART (тренировка замещения агрессии), которая была разработана А. Гольдштейном и Б. Гликом. Данная программа получила свое развитие в Европе (Исландии, Дании, Финляндии, Литве, Турции) и отдельных американских штатах. Для УИС проект ART стартовал в 2006 г. в рамках сотрудничества между Норвегией и Республикой Карелией.

Следует отметить необходимость качественной профессиональной подготовки сотрудников УИС для успешного выполнения любой внедряемой новации или передового опыта. По словам А. А. Рудого, «система ведомственного профобразования должна гибко реагировать на любые изменения в организации деятельности учреждений и органов ФСИН России и обеспечивать качественную подготовку кадров, способных к выполнению служебных задач на современном этапе развития УИС. В условиях реформирования приобретает актуальность подготовка работников УИС, владеющих новейшими психологическими и педагогическими методиками и технологиями воздействия на поведение граждан в условиях их изоляции от общества, навыками работы с но-

выми телекоммуникационными системами, современными техническими средствами охраны и надзора... Содержание программ обучения должно быть максимально приближено к реальным условиям оперативно-служебной деятельности учреждений и органов УИС» [6].

Анализ реализации в деятельности УИС передового опыта и инновационных технологий позволяет нам выделить ряд базовых профессиональных требований к сотрудникам, исполнение которых будет способствовать успешному внедрению новаций:

- личностное отношение сотрудника к новации;
- обладание специальными профессиональными навыками (методиками, стратегиями моделирования и т. д.);
- взаимодействие с другими практическими работниками в сфере внедрения новации (развитие социальной сети профессиональных контактов).

В заключении статьи отметим, что успешному внедрению различного рода новаций, передового опыта (как отечественного, так и зарубежного), ведущей к оптимизации деятельности УИС, будут способствовать следующие условия:

- обучение и профессиональная подготовка сотрудников УИС;
- правовое и методическое обеспечение данного процесса;
- тщательный подбор сотрудников для реализации внедряемых инновационных технологий, программ, передового опыта и т. д.;
- мониторинг (контроль) промежуточного этапа данной работы;
- итоговая аналитика полученных результатов.

По нашему мнению, проведение научных исследований, анализирующих перспективы и уже существующий опыт внедрения в деятельность уголовно-исполнительной системы передового опыта и инновационных технологий, является жизненно необходимым для повышения ее эффективности.

Библиографический список

1. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утв. распор. Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 12.12.2017).

2. Тимофеева Е. А., Усеев Р. З. Интеграция передового зарубежного опыта в деятельность уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: миф или реальность? // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3. С. 121–126.

3. Тимофеева Е. А. Частные тюрьмы: возможности интеграции зарубежного опыта в деятельность УИС России // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации): сб. тез. выступ. и докл. участников (г. Рязань, 21–23 нояб. 2017 г.): в 8 т. Рязань, 2017. Т. 2. С. 102–107.

4. Тимофеева Е. А. О возможности интеграции зарубежного опыта в деятельность УИС России на современном этапе // II Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: сборник тезисов выступлений и докладов участников. Т. 1: Материалы пленарного заседания. Рязань, 2015. С. 346–354.

5. Колотушкин С. М. Правовые и организационные аспекты профилактики поступления на территорию учреждений Федеральной службы исполнения наказаний запрещенных предметов с использованием беспилотных летательных аппаратов // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: сб. тез. выступ. и докл. участников (Рязань, 21–23 нояб. 2017 г.): в 8 т. Рязань: Академия ФСИН России, 2017. Т. 1. С. 148–152.

6. Злаказова Н. Анатолий Рудый: «Задача системы ведомственного профобразования – обеспечить качественную подготовку кадров, способных к выполнению служебных задач на современном этапе развития уголовно-исполнительной системы» // Федеральный специализированный журнал «Кто есть Кто в образовании и науке». 2014. № 1(11) [Электронный ресурс]. URL: <http://ktovobrnauke.ru/2014/1/anatoliy-rudyy-zadacha-sistemy-vedomstvennogo-profobrazovaniya-obespechit-kachestvennuyu-podgotovku-kadrov-sposobnyh-k-vypolneniyu-služebnyh-zadach-na-sovremennom-etape-razvitiya-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy.html> (дата обращения: 12.09.2017).

References

1. Kontseptsiya razvitiya ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii do 2020 goda, utv. raspor. Pravitel'stva RF ot 14 oktyabrya 2010 g. № 1772-r [The concept of development of the penal correction system of the Russian Federation until 2020, app. thrust. The government of the Russian Federation of 14 October 2010 g. № 1772-R]. *SPS «Garant»* [*SPS «Guarantor»*] (Accessed: 12.12.2017) [in Russian].
2. Timofeeva E. A., Useev R. Z. Integratsiya peredovogo zarubezhnogo opyta v deyatel'nost' ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii: mif ili real'nost'? [Integration of foreign best practices into the activities of the penal correction system of the Russian Federation: myth or reality?]. *Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Legal science and practice. Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia], 2017, no. 3, pp. 121–126 [in Russian].
3. Timofeeva E. A. Chastnye tyur'my: vozmozhnosti integratsii zarubezhnogo opyta v deyatel'nost' UIS Rossii [Private prisons: the possibility of integration of international experience in the activities of the UIS Russia]. *III Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum «Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie» (k 20-letiyu vstupleniya v silu Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii): sb. tez. vystup. i dokl. uchastnikov (g. Ryazan', 21–23 noyab. 2017 g.): v 8 t.* [The third international penitentiary forum "Crime, penalty, correction" (to the 20th anniversary of the entry into force of the Criminal Executive code of the Russian Federation): collection of abstracts. ledge. and dokle. participants (Ryazan, 21–23 Nov. 2017): at 8 tons]. Ryazan', 2017, t. 2, pp. 102–107 [in Russian].
4. Timofeeva E. A. O vozmozhnosti integratsii zarubezhnogo opyta v deyatel'nost' UIS Rossii na sovremennom etape [About the possibility of integrating international experience into the activities of the UIS Russia at the present stage] *II Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum «Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie»: sbornik tezisov vystuplenii i dokladov uchastnikov. T. 1: Materially plenarnogo zasedaniya [II international penitentiary forum "Crime, penalty, correction": a collection of abstracts of the presentations and reports of participants. Vol. 1: materials of the plenary zasedaniya]*. Ryazan', 2015, pp. 346–354 [in Russian].
5. Kolotushkin S. M. Pravovye i organizatsionnye aspekty profilaktiki postupleniya na territoriyu uchrezhdenii Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii zapreshchennykh predmetov s ispol'zovaniem bespilotnykh letatel'nykh apparatov [Legal and organizational aspects of prevention of entry on premises of the Federal service of execution of punishments prohibited items with the use of unmanned aerial vehicles]. *III Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum «Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie»: sb. tez. vystup. i dokl. uchastnikov (Ryazan', 21–23 noyab. 2017 g.): v 8 t.* [The third international penitentiary forum "Crime, penalty, correction": SB. TEZ. ledge. and dokle. participants (Ryazan, 21–23 Nov. 2017): at 8 tons]. Ryazan': Akademiya FSIN Rossii, 2017, t. 1, pp. 148–152 [in Russian].
6. Zlakazova N. Anatolii Rudyi: «Zadacha sistemy vedomstvennogo profobrazovaniya – obespechit' kachestvennyuyu podgotovku kadrov, sposobnykh k vypolneniyu sluzhebnykh zadach na sovremennom etape razvitiya ugolovno-ispolnitel'noi sistemy» [Anatoly Rudy: "the task of the system of departmental vocational education is to provide high – quality training of personnel capable of performing official tasks at the present stage of the development of the penal correction system"]. *Federal'nyi spetsializirovannyi zhurnal «Kto est' Kto v obrazovanii i nauke»* [Federal specialized magazine "Who is Who in education and science"], 2014, no. 1(11). URL: <http://ktovobrnauke.ru/2014/1/anatoliy-rudyy-zadacha-sistemy-vedomstvennogo-profobrazovaniya-obespechit-kachestvennyuyu-podgotovku-kadrov-sposobnykh-k-vypolneniyu-sluzhebnykh-zadach-na-sovremennom-etape-razvitiya-ugolovno-ispolnitel'noy-sistemy.html> (Accessed: 12.09.2017) [in Russian].

УДК 340

Третьяков Д. В.

старший военный прокурор 3 отдела управления кадров,
Главная военная прокуратура РФ,
119160, Россия, г. Москва, пер. Хользунова, д. 14,
e-mail: finogentovaoe@mail.ru.

Dmitry V. Tretyakov

Senior Military Prosecutor 3 department
of personnel management,
The main military prosecutor's office of the Russian Federation,
Holzunov lane, 14, Moscow, Russia, 119160,
e-mail: finogentovaoe@mail.ru.

КЛАССИЧЕСКАЯ И ПОСТКЛАССИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМЫ В ПРОБЛЕМЕ ПОНИМАНИЯ СУБЪЕКТА ПРАВА

Аннотация. Статья исследует современные теоретические проблемы понимания субъекта права с точек зрения классического и постклассического правопонимания в современной российской юридической науке. Анализируются основные проблемы классической методологии, возникающие при изучении субъекта права. Указывается на то, что с точки зрения классической методологии субъект права рассматривается в качестве результата государственной деятельности. Автор считает, что в настоящее время легистский позитивизм продолжает занимать доминирующее положение в российской правовой науке. Автор исследует различные подходы к пониманию субъекта права с точки зрения постклассической парадигмы, указывает на их спорность и неоднозначность. В статье выявляются современные проблемы постклассической методологии при исследовании указанной проблемы: отрицание универсальности, рациональности, субъектоцентризма. Делается вывод о том, что постклассическая методология не дает четкого представления о месте, роли и понятии субъекта права.

Ключевые слова: субъект права, классическая теория субъекта права, интегративная концепция права, позитивистское правопонимание, социальный субъект, постмодернизм, номинализм, легистский позитивизм.

CLASSICAL AND POST-CLASSICAL PARADIGMS IN THE PROBLEM OF UNDERSTANDING THE SUBJECT OF LAW

Summary. The article examines contemporary theoretical problems of understanding the subject of law from the point of view of classical and postclassical legal understanding in modern Russian legal science. The main problems of the classical methodology emerging in the study of the subject of law are analyzed. It is pointed out that, from the point of view of classical methodology, the subject of law is considered as a result of state activity. The author believes that at the present time legist positivism continues to occupy a dominant position in Russian legal science. The author explores various approaches to understanding the subject of law from the point of view of the postclassical paradigm, indicating their controversy and ambiguity. The article reveals the current problems of postclassical methodology in the study of this problem: the denial of universality, rationality, subject-centrism. It is concluded that the postclassical methodology does not give a clear idea of the place and role and concept of the subject of law.

Keywords: subject of law, classical theory of the subject of law, integrative concept of law, positivist legal understanding, social subject, postmodernism, nominalism, legist positivism.

Несмотря на кажущуюся исследованность вопроса, проблема понятия субъекта права до сих пор является актуальной и спорной темой в теории права. Рост интереса к данному вопросу в последние годы вызван прежде всего активными попытками внедрения (к сожалению, не в полной мере удачными) в современную российскую государственную практику принципов правового государства.

Так, В. С. Нерсисянц в своей концепции правового государства отводит ведущую роль субъекту права, поскольку, по его мнению, правовое государство представляет собой «правовую форму организации и деятельности публично-политической власти и ее взаимоотношений с индивидами как с субъектами прав, носителями прав и свобод человека и гражданина» [1, с. 677]. В современной российской юридической науке проблема субъекта права рассматривается в основном в отраслевом, а не в общетеоретическом аспекте. По мнению ряда российских ученых, само понятие «субъект права» было заимствовано общей теорией права из цивилистики [2, с. 3], что в свою очередь привело к тому, что «они не прошли необходимой теоретической переработки» и

статус общетеоретических им был предан преждевременно [3, с. 2]. Таким образом, многие вопросы теории субъекта права еще недостаточно исследованы, например, вопросы соотношения субъекта права и субъекта правоотношений, классификация субъектов права и т. д.

Классическая теория субъекта права исходит из того, что только государство является создателем субъекта права, поскольку оно, нормативно закрепляя правовой статус за определенными лицами, превращает их в субъектов права. Таким образом, субъект права понимается как лицо, за которым государством признается способность быть носителем прав и юридических обязанностей [4, с. 94; 5, с. 591], соответственно именно государство создает виды субъектов права, закрепляет за ними определенный объем прав и обязанностей, регулирует механизм взаимоотношений между ними. При этом важно понимать, что объем прав и обязанностей лица как индивида и как субъекта права может существенно отличаться. Это может быть связано с господствующим в стране политическим режимом (так, при тоталитарном и авторитарном политических режимах объем прав индивида может быть существенно ограничен и быть уже чем при демократическом), с личными качествами индивида (нравственные, эмоциональные аспекты личности), которые просто не могут регулироваться правовыми нормами.

С позиции позитивистского правопонимания субъект права связан с категорией правосубъектности, которая определяется в ней как «особое юридическое качество или свойство, позволяющее лицу или организации стать субъектом права» А. Nevsky str. причем это юридическое качество признается за личностью государством. Е. В. Чиркин считает, что «субъект права – это самостоятельное (автономное в пределах закона) образование, имеющее свои интересы, цели, волю, права и обязанности, выполняющее свою роль в обществе и участвующее в создании норм права и (или) правоотношениях» [6]. В данном случае субъект права выступает в качестве участника правоотношения, наделенного волевыми свойствами, но подобный подход значительно сужает сферу исследования такого правового феномена, как субъект права.

Н. М. Марченко особо подчеркивает, что только государство может определять, кто и в каких случаях будет являться субъектом права и участником правоотношений, какие свойства он будет иметь [5, с. 292]. Подобная постановка проблемы предполагает, что государство является «постоянным правовым субъектом» [7] и не нуждается в каком бы то ни было признании ни с чьей стороны. На наш взгляд, такая позиция не совсем верна, поскольку любому демократическому, а тем более правовому государству требуется постоянная его легитимация со стороны общества. Таким образом, роль государства заключается в принятии властного решения, в результате которого социальные субъекты наделяются правосубъектностью.

Рассмотренная классическая интерпретация субъекта права, при которой субъект права является результатом государственной деятельности, разрабатывалась в рамках позитивистского понимания права. Позитивистское направление права активно развивалось в российских университетах во второй половине XIX в. Именно легистский позитивизм, как наиболее соответствующий идеологии марксизма «был принят в качестве официальной доктрины» Советского государства [8, с. 27]. Несмотря на то что в последнее время позиции этого направления в российской юридической науке значительно ослабли, «в силу большой инерции, набранной за долгую историю своего главенствующего положения» [9, с. 40] он продолжает занимать доминирующее положение в российской правовой науке.

Постклассическое направление правопонимания, активно развивающееся в российской юридической науке последние десятилетия, предлагает несколько различных подходов к пониманию субъекта права. В. А. Токарев, рассуждая о современном понимании субъекта права, справедливо указывает, что в настоящий момент «размышления о человеке как о субъекте права зачастую ведутся в контексте моральной философии эпохи модерна», при этом «моральное сознание, юридическая форма суждений и их антропологическое основание тесно переплетаются, когда стоит непростая задача обнаружить универсальные признаки субъекта права» [10, с. 15].

В. С. Нерсисянц, исследуя субъектов права собственности, сделал ряд выводов, развивавших теорию субъекта права в рамках постклассической парадигмы. По его мнению, основой для правоспособности и правосубъектности может являться только «свободный индивид, формально равный другому», это обязательное условие «для возможности также других, неиндивидуальных (групповых и т. д.) субъектов права» [11, с. 26–27]. По мнению В. Е. Чиркина, подобный подход к проблеме субъекта права ведет к ограничению творческих возможностей исследования этого явления, прежде всего в публично-правовой сфере [6].

Прежде чем исследовать основные положения постклассического подхода, необходимо сказать несколько слов о методологии этих исследований. Для постклассического (постмодернистского) типа мышления характерно отрицание универсальности, рациональности, субъектоцентризма. Его основные принципы: антиосновность, антиэссенциализм и антиреализм – приводят авторов к «деканонизации государственных и правовых начал» [12, с. 138]. Отрицание рациональности приводит к отрицанию существования универсальных правовых ценностей [13], в результате чего право перестает считаться мерилom справедливости. Более того, это делает невозможным обосновать сущность права единым началом государственного принуждения. Поскольку характерной чертой методологии постмодернизма выступает склонность к номинализму, то в качестве субъекта права здесь выступает исключительно человек. В результате чего специфической чертой постмодернистского мышления в отношении субъекта права является то, что при отказе от антропо- и субъектоцентризма в то же время происходит обращение к индивидуальному.

Использование постклассической методологии в конечном итоге приводит к выводам о том, что в основе общества лежит не субъект, а коммуникация, знание и соблюдение определенных правил, которые позволяют субъекту оставаться членом определенного социума [12, с. 138]. Понятно, что подобная трактовка не дает четкого представления о месте и роли, да и самом понятии субъекта права. Так, по мнению И. Л. Честнова, отличительной чертой субъекта права в постклассическую эпоху выступает его «перманентная изменчивость» [14, с. 26], вызванная глубокими изменениями всех сфер жизни общества.

Рассматривая субъект права с антрополого-культурологических позиций, И. Л. Честнов предлагает считать таковым «социальный субъект, конструируемый социумом», причем, по его мнению, «субъект права конструируется как теми, кто формирует правовые статусы, так и людьми, вынужденными «играть» по правилам этих статусов» [14, с. 18].

Подобный взгляд на проблему интересен прежде всего тем, что он не только указывает на участие самого человека в данном процессе, но и выявляет порядок превращения социального субъекта в субъекта права, которое происходит в форме «диалогической идентификации» человека с социальной группой. Однако, заявляя о диалогичности субъекта права, автор не учитывает того, что человеческая индивидуальность проявляется не только и не столько в диалоге индивида и общества.

Приведенный выше анализ постклассических исследований субъекта права позволяет автору согласиться со справедливым выводом Н. В. Малиновской, которая считает, что «понятие субъекта права в постмодернистской интерпретации пребывает еще на начальной стадии рассмотрения юридической наукой. Успешность такого изучения во многом зависит от возможности соединить в объяснении данной категории обезличенное и индивидуальное, пересмотрев оба компонента применительно к современному типу общества и его правовой культуры» [12, с. 141].

Попытки исследования субъекта права с точки зрения интегративной правовой концепции на настоящий момент не имеют положительного результата. Это прежде всего связано с проблемами методологического характера, вызванными тем, что авторы интегративных концепций пытаются при помощи методологического подхода одной концепции заполнить методологические лакуны другой, в результате чего не могут отойти от базовых типов правопонимания, что в свою очередь ведет, к тому, что все современные интегративные концепции обладают «отчетливо выраженным качеством неполноты, нецелостности, неполноценности» [15, с. 235]. Вместе с тем исследование категории «субъект права» с позиций интегративной теории, в междисциплинарном контексте, с использованием философских, социологических, политологических методов может дать новый толчок к ее современному пониманию.

Библиографический список

1. Проблемы общей теории права и государства: учебник для юридических вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М.: НОРМА- ИНФРА, 1999. 552 с.
2. Азими Д. М. О классификации субъектов права в контексте исследования вопросов отраслевой систематики права // Современное право. 2011. № 5. С. 3–7.
3. Архипов С. И. Субъект права (теоретическое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 522 с.
4. Алексеев С. С. Государство и право. Начальный курс. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрид. лит-ра, 1996. 192 с.

5. Марченко Н. М. Теория государства и права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби; Проспект, 2008. 648 с.
6. Чиркин Е. В. Юридическое лицо публичного права // Журнал российского права. 2005. № 5. С. 16–26.
7. Малахов В. П. Правовая политика и правопорядок // Правовая политика и пути совершенствования правотворческой деятельности в Российской Федерации / отв. ред. Н. С. Соколова. М.: Изд-во РУДН, 2006. С. 255–321. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrlaw.ru/publikacii/Malakhov1/index.html> (дата обращения: 11.09.2016).
8. Финогентова О. Е. Особенности марксистского правопонимания в социологической концепции права Е. Б. Пашуканиса // Правовое государство: теория и практика. Уфа, 2016. № 1. С. 27–30.
9. Долголенко Т. Н., Финогентова О. Е. Интегративные концепции как основы современного отечественного правопонимания // Вестник Самарского юридического института: научно-практический журнал. 2011. № 3 (5). С. 39–44.
10. Токарев В. А. Субъект заявляет о своем праве // Современное право. 2012. № 5. С. 15–20.
11. Нерсисянц В. С. Философия права. М.: Норма, 1997. 652 с.
12. Малиновская Н. В. Интерпретация субъекта права в постмодернизме // Материалы Международной научной конференции «Человек в глобальном мире». Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2015. С. 137–140.
13. Поляков А. В. Теория права в глобализирующемся обществе: постмодернистская интерпретация // Правоведение. 2007. № 4. С. 7–12.
14. Честнов И. Л. Субъект права: от классической к постклассической парадигме // Правоведение. 2009. № 3. С. 22–31.
15. Поляков А. В. Интегральная теория: миф или реальность? // Философия права в России: история и современность: материалы Третьих философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца. М., 2009. С. 234–242.

References

1. Problemy obshchei teorii prava i gosudarstva: uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov [Problems of General theory of law and state]. In V. S. Nersesyants (ed.). Moscow: NORMA- INFRA, 1999, 552 p. [in Russian].
2. Azimi D. M. O klassifikatsii sub"ektov prava v kontekste issledovaniya voprosov otraslevoi sistematiki prava [On classification of legal entities in the context of the study of the sectoral taxonomy of justice]. *Sovremennoe pravo* [Modern law], 2011, no. 5, pp. 3–7 [in Russian].
3. Arkhipov S. I. Sub"ekt prava (teoreticheskoe issledovanie). Diss. d-ra yurid. nauk. [The subject of law (a theoretical study). Doctor's of Law thesis]. Ekaterinburg, 2005, 522 p. [in Russian].
4. Alekseev S. S. Gosudarstvo i pravo. Nachal'nyi kurs [The state and law. Initial course]. 3-e izd., pererab. i dop. Moscow: Yurid. lit-ra, 1996, 192 p. [in Russian].
5. Marchenko N. M. Teoriya gosudarstva i prava: ucheb [Theory of state and law]. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow: TK Velbi; Prospekt, 2008, 648 p. [in Russian].
6. Chirkin E. V. Yuridicheskoe litso publicnogo prava [Public law legal entity]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2005, no. 5, pp. 16–26 [in Russian].
7. Malakhov V. P. Pravovaya politika i pravoporyadok [Legal policy and the rule of law]. *Pravovaya politika i puti sovershenstvovaniya pravotvorcheskoi deyatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii* [Legal policy and ways of improving law-making activity in the Russian Federation]. Moscow: RUDN, 2006, pp. 255–321.. URL: <http://www.centrlaw.ru/publikacii/Malakhov1/index.html> (Accessed: 11.09.2016) [in Russian].
8. Finogentova O. E. Osobennosti marksistskogo pravoponimaniya v sotsiologicheskoi kontseptsii prava E. B. Pashukanisa [Features of the Marxist interpretation of law in the sociological concept of law E. B. Pashukanis]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* [Legal state: theory and practice]. Ufa, 2016, no. 1, pp. 27–30 [in Russian].
9. Dolgolenko T. N., Finogentova O. E. Integrativnye kontseptsii kak osnovy sovremennogo otechestvennogo pravoponimaniya [An integrative concept as the basis of modern national consciousness]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta* [Bulletin of the Samara law Institute], 2011, no. (5), pp. 39–44 [in Russian].

-
10. Tokarev V. A. Sub"ekt zayavlyaet o svoem prave [The subject declares his / her right]. *Modern law [Sovremennoe pravo]*. 2012, no. 5, pp. 15–20 [in Russian].
 11. Nersesyants V. S. *Filosofiya prava [Philosophy of law]*. Moscow: Norma, 1997, 652 p. [in Russian].
 12. Malinovskaya N. V. Interpretatsiya sub"ekta prava v postmodernizme [Interpretation of the subject of law in postmodernism]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Chelovek v global'nom mire» [Proceedings of the international scientific conference "Man in the global world"]*. Voronezh: Izdatel'skii dom VGU, 2015, pp. 137–140 [in Russian].
 13. Polyakov A. V. Teoriya prava v globaliziruyushchemsya obshchestve: postmodernistskaya interpretatsiya [Theory of law in a globalizing society: postmodern interpretation]. *Pravovedenie [Jurisprudence]*, 2007, no. 4, pp. 7–12 [in Russian].
 14. Chestnov I. L. Sub"ekt prava: ot klassicheskoi k postklassicheskoi paradigme [Subject matter of law: from classical to post-classical paradigm]. *Pravovedenie [Jurisprudence]*, 2009, no. 3, pp. 22–31 [in Russian].
 15. Polyakov A. V. Integral'naya teoriya: mif ili real'nost'? [Integral theory: myth or reality?]. *Filosofiya prava v Rossii: istoriya i sovremennost': materialy Tret'ikh filosofsko-pravovykh chtenii pamyati akademika V. S. Nersesyantsa [Philosophy of law in Russia: history and modernity: materials Of the third philosophical and legal readings in memory of academician V. S. Nersesyants]*. Moscow, 2009, pp. 234–242 [in Russian].

УДК 340

Усеев Р. З.

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры режима и охраны в УИС,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: useev@rambler.ru

Renat Z. Useev

Candidate of Law, Associate Professor, Assistant Professor
of the Department of regime and security in the FPS,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: useev@rambler.ru

**О РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
ПРИ ИСПОЛНЕНИИ И ОТБЫВАНИИ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ
ВЕДОМСТВЕННЫМИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫМИ АКТАМИ
ОГРАНИЧЕННОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ**

***Аннотация.** В статье рассматриваются отдельные вопросы правового регулирования общественных отношений при исполнении и отбывании лишения свободы ведомственными нормативно-правовыми актами ограниченного пользования. Автором указываются основные проблемы закрепления в ведомственных нормативно-правовых актах с пометкой «для служебного пользования» положений о правовом статусе осужденных, отбывающих лишение свободы. Особый акцент в статье сделан на проблемах регулирования общественных отношений в процессе реализации требований режима в местах лишения свободы и смежных императивных и силовых способах обеспечения правопорядка в исправительных учреждениях.*

В настоящий момент в рамках правового регулирования исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы продолжают применяться ведомственные нормативно-правовые акты Минюста России, имеющие ограниченное использование. Они имеют прямое отношение к отдельным конституционным правам изолированной личности. Отмечена необходимость соблюдения требований ст. 15 Конституции РФ и исключения положений о правовом положении осужденных из ведомственных нормативно-правовых актов Минюста России, имеющих пометку «для служебного пользования».

***Ключевые слова:** лишение свободы, ведомственные нормативно-правовые акты, ограниченное пользование, общественные отношения, осужденный.*

**ON REGULATION OF THE PUBLIC RELATIONS AT EXECUTION
AND SERVING OF IMPRISONMENT WITH RESTRICTED DEPARTMENTAL
NORMATIVE LEGAL ACTS**

***Summary.** In article single questions of legal regulation of the public relations at execution and serving of imprisonment are considered by departmental normative legal acts of limited use. The author specifies the main problems of fixing in departmental normative legal acts with a mark «for office use» regulations on legal status of the convicts leaving imprisonment. The particular emphasis in article is placed on problems in regulation of the public relations in an occasion and in the course of implementation of requirements of the mode in places of detention and adjacent imperative and power ways of providing law and order in correctional facilities.*

At the moment within legal regulation of execution and serving sentence in the form of imprisonment the departmental normative legal acts of the Ministry of Justice of the Russian Federation having limited use continue to be applied. They have a direct bearing on separate constitutional rights of the isolated personality. Need of observance of requirements of article 15 of the Constitution of Russia and an exception of regulations on a legal status of convicts of the departmental normative legal acts of the Ministry of Justice of the Russian Federation having a mark «for office use» is noted.

***Keywords:** imprisonment, departmental normative legal acts, restricted, public relations, a prisoner.*

Вопросы правового регулирования реализации мер государственного принуждения в нашей стране прошли долгий, сложный и противоречивый путь. Особенно это следует отметить относительно мер принуждения, связанных с изоляцией личности. Поэтому система нормативно-правовых актов с учетом опыта предыдущих десятилетий также установила определенную специфику в регулировании данных общественных отношений, поскольку ряд таких отношений определяются подзаконными (ведомственными) нормативно-правовыми актами с пометкой «для служебного пользования».

В 1992 г. Указом Президента РФ все ограничительные грифы с подзаконных нормативно-правовых актов, регламентирующих организацию и деятельность мест изоляции УИС, а также режим отбывания различных видов наказаний, были сняты. Подзаконная нормативно-правовая база была обновлена. Документы, ограничивающие доступ заинтересованных лиц, были лишены грифа «для служебного пользования». Например, принятые 23 ноября 1992 г. Правила внутреннего распорядка исправительно-трудовых учреждений являлись открытым документом и без ограничительного доступа. Тем не менее, ряд общественных отношений при исполнении мер государственного принуждения в учреждениях УИС, к сожалению, продолжает регулироваться подзаконными нормативно-правовыми актами с пометкой «для служебного пользования». Думается, что на это есть несколько причин:

1. Жесткая государственная внутренняя политика в СССР 30–50 гг. XX в. привела к нивелированию принципа законности в праве. В результате этого важнейшим регулятором общественных отношений при исполнении мер принуждения, связанных с изоляцией личности, стал не Закон, а подзаконный акт, в том числе имеющий ограниченное пользование.

2. МВД (НКВД) СССР в указанные десятилетия выполняло достаточно широкий круг задач, затрагивающий многие общественные отношения в СССР: от охраны общественного порядка до управления государственной съемкой, картографией и шоссейными дорогами. В этих условиях признание общественных отношений осуществлялось через нормы (регламенты), правила которых прописывались и устанавливались для себя самих, а также иных субъектов правоотношений. Поэтому гриф, ограничивающий применение нормативно-правовых актов МВД (НКВД) СССР в среде иных лиц, способствовал претворению в жизнь нужных для того времени положений в различных сферах народного хозяйства.

3. УИС СССР фактически была закрыта от советского общества. Общественность играла в основном роль содействия администрации мест лишения свободы в исправлении и перевоспитании осужденного.

Анализ современного законодательства РФ показывает, что указанные причины оказывают определенное влияние на регулирование общественных отношений в настоящее время. Думается, что в том числе поэтому Концепция развития УИС до 2020 года (раздел I) указывает на архаизм УИС в отдельных направлениях ее деятельности.

Очевидно, что сегодня основной спектр общественных отношений в сфере исполнения наказания в виде лишения свободы должен быть установлен законом и, прежде всего, УИК РФ. Однако анализ IV раздела УИК РФ «Исполнение наказания в виде лишения свободы» показывает, что нормы указанного раздела УИК РФ носят бланкетный и отсылочный характер относительно практически всех общественных отношений в ИУ. Это касается режима и смежных императивных отношений, общественно полезного труда, воспитательного воздействия в отношении осужденных, а также их образования (обучения). Вместе с тем содержание отдельных общественных отношений в процессе исполнения и отбывания лишения свободы вовсе остается загадкой для лиц, не являющихся сотрудниками УИС. В основе такого рода отношений, с одной стороны, заложено усмотрение администрации ИУ по применению императивных и силовых способов обеспечения режима и смежных отношений, с другой – дополнительное ограничение в условиях изоляции конституционных прав человека. В УИК РФ это затрагивает общественные отношения по поводу и в процессе осуществления:

- охраны (вооруженной изоляции) осужденных (ч. 1 ст. 82 УИК РФ);
- надзора за осужденными (ч. 1 ст. 82 УИК РФ);
- обыска помещений, в которых проживают осужденные, досмотра вещей, находящихся при них (ч. ч. 5, 7 ст. 82 УИК РФ);
- перемещения осужденных под конвоем (ст. 76 УИК РФ).

Указанные общественные отношения в УИК РФ вовсе не урегулированы (охрана за осужденными и надзор за ними; обыск и досмотр в ИУ) либо урегулированы явно недостаточно (перемещение осужденных под конвоем). Однако для каждого из указанных отношений существует самостоятельная инструкция (порядок), имеющая пометку «для служебного пользования». Получается, что целый спектр деятельности современной УИС России лишен гласности, а нормативы, их определяющие, лишены открытого опубликования. В таком случае закон пробелен, а подзаконный акт по содержанию противоречив в силу своей закрытости.

Попробуем с практической точки зрения определить насколько этот вопрос серьезен и актуален.

Рассмотрим общественные отношения по поводу и в процессе перемещения осужденных под конвоем. Ежегодно под конвоем в специальном транспорте перемещается более 1,5 млн осужденных и лиц, содержащихся под стражей [1], что примерно составляет численность населения г. Новосибирска, третьего по численности (после Москвы и Санкт-Петербурга) среди городов-миллионников России. В течение года по стране конвоируется в 3 раза больше изолированных лиц, чем содержится в статических местах изоляции – в ИУ и СИЗО. Данное направление деятельности УИС обеспечивает свыше 12,5 тыс. сотрудников специальных подразделений УИС по конвоированию [2, с. 326]. Процесс перемещения личности под конвоем включает в себя систему обеспечения правового положения изолированных лиц (раздельное содержание, нормы посадки в транспорт, питание, медицинское обслуживание, санитарию, обыски и досмотры, вооруженную изоляцию и надзор в пути следования и т. д.). Вопросы соблюдения прав изолированных лиц в процессе их перемещения неоднократно становились предметом обсуждения в Европейском суде по правам человека (например, Худоев против России, 2005 г.; Гулиев против России, 2008 г.; Кавалеров и другие против России, 2017 г. и т. д.). Проблемам перемещения осужденных и лиц, содержащихся под стражей, специальным транспортом посвящен специальный доклад Международной неправительственной организации Amnesty International, подготовленный в октябре 2017 г. [3]. В данном докладе прямо отмечается факт закрытости нормативно-правовой базы о перемещении изолированных лиц от общественности [3].

Фактически подобная ситуация обстоит с обысками и досмотрами в местах изоляции УИС. Так, в настоящий момент в ИУ вопросы проведения обысков и досмотров регулирует Порядок проведения обысков и досмотров в ИУ УИС и прилегающих к ним территориях, на которых установлены режимные требования, утвержденный приказом Минюста России с пометкой «для служебного пользования». Этот Порядок существенно ограничивает ряд конституционных прав личности, в том числе право на личную неприкосновенность. Вместе с тем в соответствии с законом проведение обыска и досмотра в ИУ является правом администрации места лишения свободы (ч. 5 ст. 82 УИК РФ). В свою очередь, практика деятельности ИУ показывает, что обыски и досмотры в ИУ в отношении осужденных и вещей, имеющих при них, могут иметь регулярную основу. Анализ смежных процессуальных законодательств показывает, что тождественные вопросы в уголовно-процессуальном и административном праве урегулированы, прежде всего, в нормах закона (ст. ст. 182, 184 УПК РФ; ст. 27.7 КоАП РФ) и уже достаточно давно.

Определенный интерес вызывает ситуация, когда ведомственный нормативно-правовой акт в зависимости от времени его применения меняет свой статус, теряя пометку «для служебного пользования» либо, наоборот, приобретая ее. Так, в новейшей истории УИС России Инструкция о надзоре за осужденными, содержащимися в исправительных колониях, принималась МВД России и Минюстом России четырежды (в 1993, 1997, 2001 и 2006 гг.). При этом такие инструкции дважды в 1993 и 2006 гг. имели пометку «для служебного пользования», в двух других случаях (1997, 2001 гг.) не имели. В настоящий момент в учреждениях и органах УИС проходит обсуждение проект новой Инструкции о надзоре за осужденными, содержащимися в ИУ УИС, которая (предварительно) также имеет пометку «для служебного пользования».

Представляется, что общая сложившаяся ситуация с применением в практической деятельности ИУ ведомственных нормативно-правовых актов с пометкой «для служебного пользования» в определенной степени имеет расхождение с требованиями ст. 15 Конституции РФ. Последняя определяет правило, согласно которому любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения. В то же время ч. 1 ст. 12 УИК РФ дает возможность осужденному получать информацию о своих правах и обязанностях, о порядке и об условиях отбывания назначенного судом вида наказания.

Думается, что в данной ситуации выход следует искать в следующем:

во-первых, сущность и основную характеристику отдельных общественных отношений в законе необходимо восполнять. Для этого в УИК РФ все ключевые отношения, в том числе относительно исполнения и отбывания лишения свободы, должны быть определены;

во-вторых, УИК РФ должен отсылать к подзаконным нормативно-правовым актам РФ, в том числе к ведомственным, лишь для конкретизации и особенностей реализации общественных отношений;

в-третьих, из ведомственных нормативно-правовых актов РФ, имеющих пометку «для служебного пользования», необходимо исключать положения, которые затрагивают правовой ста-

тус изолированной личности. Возможно, указанные положения (при их анализе) могли бы войти в нормы УИК РФ. В то же время можно было бы предусмотреть разделение указанных ведомственных нормативно-правовых актов РФ на две части. Первая часть конкретизирует общественные отношения, в том числе вопросы, связанные с правовым положением осужденных. Она размещается в открытом доступе. Вторая – раскрывает тактику (регламент) деятельности сотрудников УИС при обеспечении тех или иных общественных отношений. Она может носить пометку «для служебного пользования».

Таким образом, учитывая бланкетно-отсылочный характер уголовно-исполнительного законодательства РФ, следует отметить, что отдельные общественные отношения при исполнении и отбывании лишения свободы продолжают регулироваться (не всегда обоснованно) ведомственными нормативно-правовыми актами ограниченного пользования. Это, в частности, затрагивает вопросы, связанные с правами, свободами и законными интересами осужденных. Представляется, что данная проблема в ближайшей перспективе должна стать предметом обсуждения законодателя, судов, правозащитных организаций, правоприменителя и иных заинтересованных лиц.

Библиографический список

1. Об итогах служебной деятельности по конвоированию в 2016 г. и мерах по ее совершенствованию // Информационное письмо ФСИН России от 28.02.2017 исх-08-12072.
2. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России (январь – декабрь 2016 г.): информационно-аналитический сборник. Тверь: НИИИТ ФСИН России, 2017. 385 с.
3. Этапирование заключенных в России: путь в неизвестность [Электронный ресурс] // Amnesty International (официальный сайт.) URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/eur46/6878/2017/ru/> (дата обращения: 14.11.2017).

References

1. Ob itogakh sluzhebnoi deyatelnosti po konvoirovaniyu v 2016 g. i merakh po ee sovershenstvovaniyu [About results of office activity on the convoy in 2016 and measures for its improvement]. Informatsionnoe pis'mo FSIN Rossii ot 28.02.2017 iskh-08-12072 [in Russian].
2. Osnovnye pokazateli deyatelnosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy FSIN Rossii (yanvar'-dekabr' 2016 g.): informatsionno-analiticheskii sbornik [Main indicators of activity of criminal-Executive system of the Federal penitentiary service of Russia (January – December 2016)]. Tver': NIIT FSIN Rossii, 2017, 385 p. [in Russian].
3. Etapirovanie zaklyuchennykh v Rossii: put' v neizvestnost' [Staging prisoners in Russia: the way to the unknown]. Amnesty International: ofits. site [Amnesty International]. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/eur46/6878/2017/ru/> (Accessed: 14.11.2017) [in Russian].

УДК 378

Вилкова А. В.

доктор педагогических наук, доцент,
главный научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России,
119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, ул. Житная, 14,
e-mail: mavlad67@mail.ru

Alevtina V. Vilkova

Doctor of Pedagogy, Associate Professor,
chief researcher The PKU research Institute of the Federal
penitentiary service of Russia,
Zhitnaya str., 14, GSP-1, Moscow, Russia, 119991,
e-mail: mavlad67@mail.ru

Литвишков В. М.

доктор педагогических наук, профессор, профессор
кафедры юридической психологии и педагогики,
Академия ФСИН России,
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, 1,
e-mail: mavlad67@mail.ru

Vladimir M. Litvishkov

Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department
legal psychology and pedagogics
Academy of the Federal penitentiary service of Russia,
Sennaya str., 1, Ryazan, Russia, 390000,
e-mail: mavlad67@mail.ru

Александрова М. В.

доктор педагогических наук, профессор, ректор
Региональный институт профессионального развития,
173001, г. Великий Новгород, ул. Новолучанская, д. 27
e-mail: m-alex05@rambler.ru

Marina V. Aleksandrova

Doctor of Pedagogy, Professor, rector,
Regional Institute of professional development,
Novoluchanskaya str., 27, Veliky Novgorod, Russia, 173001,
e-mail: m-alex05@rambler.ru

ВНЕДРЕНИЕ В СЛУЖЕБНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ЗАХВАТОВ ЗАЛОЖНИКОВ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос профилактики захватов заложников в исправительных учреждениях при подготовке юристов в вузе. Информация о профилактике захватов заложников в исправительных учреждениях в организациях высшего профессионального образования ФСИН России при подготовке юристов играет немаловажную роль. Специфика службы в ФСИН России такова, что с этим может столкнуться в своей дальнейшей практической деятельности каждый выпускник вуза.

Экстремальные ситуации, связанные с захватами и удержанием заложников, как правило, происходят при обострении обстановки в пенитенциарном учреждении, связанной с несправедливым обращением с осужденными и подследственными, нарушением законодательства, острых конфликтах, разрешение которых затягивается администрацией. К обстоятельствам, способствующим захвату заложников, также относятся: несоблюдение уставных требований по обеспечению безопасности персонала; отсутствие надлежащего контроля за поведением подследственных, обвиняемых и осужденных; недостаточный уровень профессиональной подготовленности сотрудников пенитенциарного учреждения; распространённость в стенах пенитенциарных учреждений употребления спиртных напитков, наркотических средств, азартных игр, изготовления и приобретения запрещенных предметов; ненадежность инженерно-технических средств обеспечения изоляции осужденных, содержащихся в штрафных изоляторах и помещениях камерного типа, тюрьмах и следственных изоляторах.

Ключевые слова: заложник, экстремальная ситуация, захват, профилактика, профессиональная подготовка, исправительные учреждения.

ADOPTION OF MODERN TECHNOLOGIES CONCERNING HOSTAGE TAKING PREVENTION WITHIN CORRECTIONAL ESTABLISHMENTS INTO OFFICIAL ACTIVITIES

Summary. The article discusses the issue of prevention of hostage-taking in penal institutions in the preparation of lawyers in high school. Information about the prevention of hostage-taking in penal institutions in higher professional education institutions of the Federal penitentiary service in the training of lawyers plays an important role. Specificity of service in the penitentiary is that this can encounter in their future practical activities of each graduate.

The extreme situation related to the seizure and holding of hostages, tend to occur in the aggravation of the situation in the penitentiary institution associated with the unjust treatment of convicts and persons under investigation, a violation of the law, sharp conflicts, the resolution of which is delayed administration. Other factors con-

tributing to hostage-taking include: failure to comply with statutory requirements to ensure the safety of personnel; failure to properly monitor the conduct of persons under investigation, accused persons and convicted persons.; insufficient level of professional training of staff of the penitentiary institution; prevalence within the walls of penitentiary institutions of alcohol consumption, drugs, gambling, manufacture and acquisition of prohibited items; unreliability of engineering and technical means of ensuring isolation of convicts held in penal insulators and cell-type premises, prisons and detention facilities

Keywords: *a hostage, an extreme situation, capture, prevention, vocational training, correctional institution.*

В пенитенциарной практике предупреждение захватов заложников затрудняется тем обстоятельством, что организация исполнения наказания в виде лишения свободы не предусматривает абсолютную изоляцию сотрудников от осужденных. Для реализации преступных намерений последние нередко изучали недостатки служебной деятельности сотрудников пенитенциарного учреждения, заранее определяли места совершения нападения и удержания заложников, планировали конкретные действия и распределяли роли между собой.

Значительное число захватов заложников было совершено при вводе и выводе осужденных, подследственных, обвиняемых из камерных помещений. Это чаще всего было связано с нарушением установленных правил, когда вместо двух сотрудников конвоирование осуществлялось одним младшим инспектором. Другой причиной возникновения кризисных ситуаций являлся «поверхностный» личный осмотр. Некачественное проведение обысков позволяло подследственным и осужденным в течение продолжительного периода времени готовить самодельные виды вооружения для реализации преступных замыслов.

Гуманизация исполнения наказаний ослабила условия обеспечения личной и профессиональной безопасности сотрудников. Каждый четвертый инцидент, связанный с захватом заложников, совершался в служебных кабинетах, не оборудованных инженерно-техническими и специальными средствами защиты, а также «тревожной» сигнализацией [1].

Одним из факторов, способствующих захватам заложников, является недостаточная профессиональная подготовленность персонала в экстремальных условиях. Так, изучение материалов служебных проверок по фактам захватов заложников показывает, что этому предшествовали неадекватные действия сотрудников по разрешению конфликтов. Актуальной проблемой остается «феминизация» персонала пенитенциарных учреждений, когда большинство должностей, связанных с надзором за преступниками, занято женщинами. Для предупреждения преступлений, связанных с захватом заложников, особое место должно отводиться своевременному анализу и разрешению конфликтов, удовлетворению законных требований и обоснованных заявлений осужденных и заключенных под стражу.

При разработке комплексных профилактических мероприятий необходимо обратить внимание на следующие элементы:

- личная безопасность не может быть эффективной без продуманной системы организационных и правовых мер, а также без оснащения персонала специальными средствами защиты;
- организационные меры должны быть направлены на выявление и устранение факторов, которые ослабляют профессиональную безопасность сотрудников пенитенциарных учреждений.

Правовую основу обеспечения безопасности составляют действующие нормы уголовно-исполнительного и уголовного законодательства, а также ведомственные нормативные правовые акты. Превентивная функция этих документов заключается в установленных законом санкциях за преступления, сопряженные с захватом и удержанием заложников, в предоставлении правовых оснований сотрудникам органов и учреждений ФСИН России применять силу, специальные средства и оружие. Однако, как показывает пенитенциарная практика, само существование нормативно-правовых требований не реализует в полном объеме вышеуказанную функцию. Их реализация в предупредительных целях – это не только правоприменительная деятельность, но и деятельность, предусматривающая непрерывный процесс информационного и правового воздействия на личность.

Организация мер защитного характера предусматривает ограничительные меры, связанные: с нахождением сотрудников с преступниками «лицом к лицу»; с сопровождением женщин в стенах пенитенциарного учреждения; с оснащением служебных помещений системами связи и «тревожной» сигнализации; с обеспечением персонала специальными средствами безопасности.

Организация мероприятий профилактического и специального характера достигается:

эффективной системой динамического контроля поведения осужденных на всех объектах их нахождения, особенно в местах, которые могут быть потенциально использованы для реализа-

ции преступных намерений (медицинская часть, магазин, столовая, школа, локальные производственные объекты, помещения для длительных свиданий, служебные кабинеты);

активной просветительской, воспитательной, профилактической и психологической работой с осужденными (диагностика групп дисциплинарного риска, выявление неформальных группировок и их лидеров, изучение личностных особенностей и др.);

целенаправленной оперативно-розыскной деятельностью, включающей проведение предусмотренных Законом РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» мероприятий, направленных на выявление осужденных, склонных к совершению деструктивных действий различного характера; регулярной отработкой адекватных действий (например, в ходе тренировок, групповых упражнений, тренингов) персонала и сотрудников специальных подразделений при возникновении угрозы нападения, а также практических навыков разрешения кризисных ситуаций, связанных с захватом и удержанием заложников.

Организация профессиональной подготовки и обучения сотрудников проводится по следующим направлениям:

- обучение правилам безопасного несения службы;
- овладение приемами распознавания преступных замыслов осужденных;
- развитие практических навыков и умений противодействовать насилию;
- внедрение в служебную деятельность современных технологий, способствующих повышению профессиональной компетентности сотрудников.

Указанные положения должны найти свое отражение в кризисных планах учреждения в специальных разделах. Конкретные мероприятия должны учитывать специфику пенитенциарного учреждения, особенности персонала, профиль работы и другие факторы.

Очевидно, что психолог и юрист не может повлиять на объективно существующие факторы экстремальной ситуации, но они могут способствовать лучшей подготовленности, оптимальной адаптации сотрудников к ней, успешному преодолению возможных отрицательных психологических и юридических последствий.

Экстремально-психологическое и юридическое обеспечение выделилось в самостоятельное направление работы практических психологов, юристов пенитенциарной системы и требует закрепления в нормативных и инструктивно-методических материалах. Оно предполагает и особую профессиональную и психологическую подготовленность специалистов психологической и юридической служб. Основываясь на имеющихся у нас в стране и за рубежом исследованиях и опыте, основными целями экстремально-психологического и юридического обеспечения выступают:

1. Формирование экстремально-психологической и юридической подготовленности и готовности личного состава к решению оперативно-служебных задач.
2. Поддержание оптимального уровня морально-психологического состояния и профессиональной работоспособности.
3. Обеспечение эффективных действий сотрудников в экстремальных ситуациях, связанных с преодолением психологических трудностей.
4. Оказание неотложной психологической и юридической помощи непосредственно в ходе решения задач в экстремальных ситуациях.
5. Сохранение (или восстановление) психологического здоровья и социального благополучия в постэкстремальный период.
6. Формирование навыков обеспечения личной профессиональной безопасности в ситуациях повышенного и смертельного риска [2].

Существует необходимость в разработке эффективных техник и технологий работы с личным составом подразделений ФСИН России в различных экстремальных ситуациях, в том числе в ситуации захвата заложников, до и после участия в них. Переговоры – это не только наука, но и искусство, творческая деятельность, неповторимое сочетание интуитивных и логических действий для достижения поставленной цели. Искусство заключается в мастерстве оценки ситуации, приведении неожиданных доводов и аргументов, психологической гибкости и смене позиций, их корректировке.

Экстремальная психология относится к наиболее молодым разделам юридической психологии, однако она как никогда сегодня востребована практикой. Накопленные ею факты, наблюдения нуждаются в дальнейшей систематизации и обобщении. Психологическая подготовка к деятельности в ситуации захвата заложников должна стать неотъемлемой частью профессиональной подготовки сотрудников и руководителей исправительных учреждений.

Таким образом, формирование у сотрудников пенитенциарного учреждения оптимального стиля поведения в экстремальных условиях и обучение их тактике ведения переговоров в экстремальных условиях являются важной задачей психологической подготовки сотрудников исправительных учреждений.

Библиографический список

1. Павлик М. Ю. Террористический акт, захват заложника, бандитизм: монография. М.: Юридический центр-Пресс, 2011. 372 с.
2. Пузыревский Р. В. Формирование профессиональной готовности курсантов (слушателей) образовательных учреждений уголовно-исполнительной системы Минюста России к действиям в экстремальных ситуациях: дис. ... канд. пед. наук. Рязань, 2002. 192 с.

References

1. Pavlik M. Yu. Terroristicheskii akt, zakhvat zalozhnika, banditizm: monografiya [Terrorist act, hostage-taking, banditry]. Moscow: Yuridicheskii tsentr-Press, 2011, 372 p. [in Russian].
2. Puzyrevskii R. V. Formirovanie professional'noi gotovnosti kursantov (slushatelei) obrazovatel'nykh uchrezhdenii ugovovno-ispolnitel'noi sistemy Minyusta Rossii k deistviyam v ekstremal'nykh situatsiyakh: dis. ... kand. ped. nauk. [Formation of professional readiness of cadets (listeners) of educational institutions of criminal and Executive system of the Ministry of justice of the Russian Federation to actions in extreme situations. Candidate's of Pedagogy thesis]. Ryazan', 2002, 192 p. [in Russian].

УДК 378

Головкин Р. Б.

доктор юридических наук, профессор
кафедры теории и истории государства и права,
Владимирский государственный университет
им. Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых,
600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87,
e-mail: golovkinrombor@mail.ru

Roman B. Golovkin

Doctor of Law, Professor of Department of theory
and history of state and law,
Vladimir state University named after Alexander Grigorievich
and Nikolai Grigorievich Stoletovs,
Gorkiy str., 87, Vladimir, Russia, 600000,
e-mail: golovkinrombor@mail.ru

Коломина А. В.

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституци-
онного и муниципального права,
Владимирский филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы,
600017, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 59а,
e-mail: kolomina@mail.ru

Anastasia V. Kolomina

Candidate of Law, Assistant Professor of constitutional and
municipal law,
Vladimir branch of the Russian Academy of national economy
and public administration,
Gorkiy str., 59a, Vladimir, Russia, 600017,
e-mail: kolomina@mail.ru

ПРАВО И ИСКУССТВО В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УИС

Аннотация. Проблема социального регулирования на сегодняшний день достаточно подробно исследована, однако, есть еще много явлений, непосредственно воздействующих на сознание человека, следовательно, и на его поведение, и на общественные отношения. К указанным явлениям можно отнести музыку и песни.

Результаты психофизических исследований свидетельствуют о том, что физически звук воздействует на состояние здоровья и психики, что является мощнейшим фактором влияния на поведение человека, следовательно, и общественные отношения. В социологических науках музыка рассматривается как определенный социальный институт. Таким образом, музыка и песни как биофизический социальный регулятор – это комплекс звуковых колебаний, взаимодействующий с текстуальной информацией, индивидуально-ситуативно формирующий у человека определенное психоэмоциональное состояние и, как правило, побуждающий его к определенным действиям и решениям.

Регулятивные свойства музыки и песен достаточно широко отражаются в современном законодательстве и правоприменительной практике. В статье автором особо отмечается роль музыки и песен в уголовно-исполнительной системе.

Ключевые слова: регулирование, музыка, песни, поведение, право, правоприменительная практика, уголовно-исполнительная система.

LAW AND ART IN THE SYSTEM OF SOCIAL REGULATION OF THE FPS

Summary. The problem of social regulation is studied in detail today, however, there are still many phenomena that directly affect the co-knowledge of a person, therefore, on his behavior, and on social relations. To the specified phenomena can be accounted music and songs.

The results of psychophysical studies indicate that the physical sound affects the state of health and psyche, which is a powerful factor of influence on human behavior, therefore, social relations. In sociological Sciences music been viewed as a social institution. Thus, music and songs as a biophysical social regulator is a complex of sound vibrations interacting with textual information, individually – situationally forming a certain psychoemotional state in a person and, as a rule, inducing him to certain actions and decisions.

Regulatory properties of music and songs are widely reflected in the modern legislation and law enforcement practice. In the article the author of Oso-Bo notes the role of music and songs in the penal correction system.

Keywords: regulation, music, songs, behavior, law, law enforcement practice, the penal system.

Социальное регулирование есть сложное, многогранное и зачастую противоречивое явление. Социальное регулирование представляет собой определенную функцию общества, сущность которой состоит в упорядочении социальных процессов особыми, выработанными в сознании субъектов регулирования программами, способными активно влиять на все сферы общества. Центральными компонентами социального регулирования, безусловно, выступают правовые и моральные нормы, а именно нормативные регуляторы.

Иным, ненормативным, несистемным, средствам социального регулирования в научной литературе уделяется значительно меньше внимания. Как правило, акцентуация происходит на индивидуальных актах, кроме того, в некоторых работах затрагиваются ситуативные социальные и несоциальные регуляторы, обуславливающие поведение человека в обществе [1; 2; 3].

Безусловно, проблема социального регулирования на сегодняшний день достаточно подробно исследована, однако, есть еще много явлений, непосредственно воздействующих на сознание человека, следовательно, и на его поведение, и на общественные отношения. К указанным явлениям, представляется, можно отнести музыку и песни.

Свойства музыки и песен как сильных средств, влияющих на эмоциональное состояние человека и его поведение, известны с незапамятных времен. До сих пор можно обнаружить сохранившиеся у малых народов Севера и Востока древние ритуалы, сопровождающиеся музыкой и песнями (например, горловое пение шаманов). Позитивное воздействие музыки на здоровье и самочувствие человека было еще обосновано в сочинениях Пифагора, Платона, Аристотеля, древних врачей Индии и Китая, в исследованиях И. М. Догеля, И. Р. Торханова, В. М. Бехтерева. В настоящее время музыка широко применяется в медицине при лечении различных заболеваний, в том числе в практике психопатологии и психотерапии [4]. Влияние музыки на физическое состояние здоровья и психики обуславливается психофизической природой звука, который помимо второй сигнальной системы воздействует на мозг и весь организм человека. В соответствии с психобиоакустическими исследованиями в этой области воздействие на человека звуковых колебаний осуществляется двумя путями – *информационным*, когда звуковые колебания воспринимаются органами слуха и передают информацию в мозг, и *непосредственным*, когда звуковые колебания оказывают влияние на определенные органы человека и на весь организм в целом [5]. Иными словами, результаты психофизических исследований свидетельствуют о том, что физически звук воздействует на состояние здоровья и психики, что является мощнейшим фактором влияния на поведение человека, следовательно, и общественные отношения. К тому же не стоит сбрасывать со счетов и общеизвестный факт о том, что музыка, да и большинство звуков, имеет психоэмоциональную и интеллектуальную составляющую, которые тесно связаны с жизнью человека в системе социальных связей и процессов. Так, известный теоретик музыки из США Дж. Левинсон справедливо утверждает, что музыка выступает не менее эффективной системой социального взаимодействия, нежели обычный человеческий язык [6].

В социологических науках музыка рассматривается как определенный социальный институт, а также как средство, используемое при организации современного социального пространства [7]. При этом, как считают ученые-социологи, интегрирующий характер музыки определяет особенности многих общественных явлений и процессов, которые в свою очередь оказывают воздействие на музыку [7].

Еще более сильную социальную составляющую имеют положенные на музыку песни. Текстуальное выражение музыки через песню оказывает мощное регулятивное воздействие на общественные отношения – достаточно вспомнить слова песни «Легко на сердце от песни веселой» (слова В. Лебедева-Кумача, музыка И. Дунаевского), ставшие крылатыми: «Нам песня строить и жить помогает».

По мнению исследователей песенного искусства, песня вдохновляет, пробуждает историческую память и просто улучшает настроение. Она была и остается наиболее гибким видом музыкального искусства. Именно песня первой фиксирует эмоциональный отклик людей на события. Пылкие слова в сочетании с музыкой рожают многогранные образы, передают чувства и зачастую становятся решающим фактором в формировании общественного мнения о том или ином событии [8].

В США осуществлялись работы, касающиеся моделирования поведения человека с помощью песен. Исследование признано удачным: было доказано, что определенные типы песен, несущие определенную смысловую нагрузку (в основном оказание помощи ближнему), влияют на действия человека. В процессе данного воздействия происходит модуляция поведения в соответствии с музыкой и текстами песен. В связи с указанными обстоятельствами авторы исследования сформулировали концептуальный прогноз о том, что со временем с помощью музыки и песен можно будет даже изменить текущий социальный строй [9].

Конечно, представленный вывод несколько легковесен и наивен, но данное исследование подтверждает влияние музыки и песен на общественные отношения. Иными словами можно резюмировать, что музыка и песни – это биофизический, социальный регулятор поведения человека. Представляется, что музыка и песни как биофизический социальный регулятор – это комплекс звуковых колебаний, взаимодействующий с текстуальной информацией, индивидуально-

ситуативно формирующий у человека определенное психоэмоциональное состояние и, как правило, побуждающий его к определенным действиям и решениям.

Регулятивные свойства музыки и песен достаточно широко отражаются в современном законодательстве и правоприменительной практике. В рамках данной статьи видится необходимым отметить особую роль музыки и песен в уголовно-исполнительной системе.

Итак, ст. 9 УИК РФ детально отражает цели и задачи воспитательной работы с осужденными и определяет основные методы ее осуществления. При этом ст. 109 УИК РФ [10] указывает, что воспитательная работа с осужденными к лишению свободы направлена на их исправление, перевоспитание, а также на повышение их образовательного и культурного уровня.

Практически реализуя указанную норму статьи, в большинстве исправительных учреждений РФ уделяется серьезное внимание вопросам организации досуга осужденных, создаются условия для развития их творческих и музыкальных способностей. Еще И. Я. Фойницкий отмечал, что «...безделье развращает арестантов и делает весьма трудным надзор за ними, без которого невозможно никакое исправительное воздействие тюремных мер...» [11, с. 84].

В колониях создаются музыкальные кружки, а также вокально-инструментальные ансамбли, которые участвуют в праздничных концертах для сотрудников и осужденных учреждения. Основной целью таких концертов является творческое развитие личности, снятие психологического напряжения в коллективе, профилактика правонарушений, организация занятости осужденных в свободное время, а также материальное обеспечение воспитательной работы с осужденными.

В ряде исправительных колоний существует опыт проведения концертов на платной основе, вырученные от них средства направляются на поощрение участников музыкальной самодеятельности, а также на укрепление материальной базы исправительного учреждения.

Также регулятивные свойства музыки проявляются при организации труда осужденных, что выражается в повышении его производительности.

Подтверждает регулятивные свойства музыки исторический анализ жизни арестантов ГУЛАГа: музыку и песни активно использовали в пропаганде правопослушного поведения, они помогали выжить в суровой лагерной жизни. В Исправительно-трудовом кодексе РСФСР 1924 г. имелось указание, что труд обязателен и должен совмещаться с «культурно-просветительской работой», целью которой является перевоспитание, перестройка человека для «нового общества» [12]. Архивные документы подтверждают, что при выходе на работу у ворот лагеря оркестры играли маршевую музыку, что способствовало поддержанию духа арестантов, а главным образом – повышению производительности труда.

Кроме того, музыка и песни приносили смысл в суровые лагерные будни, давали осужденным возможность забыть о своем униженном положении.

Таким образом, краткий анализ психофизических, социальных и правовых свойств музыки и песен позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, музыка и песни, безусловно, выступают фактором, влияющим на сознание, поведение людей.

Во-вторых, музыка и песни имеют социальную природу, существуют в обществе и выполняют социально полезные функции.

В-третьих, музыка и песни могут выступать биофизическим и социальным регулятором поведения людей.

В-четвертых, использование музыки и песен в регулировании поведения отражается и используется в правовом регулировании общественных отношений.

В-пятых, музыка и песни могут выступать в виде социально-нормативного правового регулятора (например, гимн России), но, как правило, это ненормативный биофизический регулятор, который в некоторых случаях используется как вспомогательное средство правового регулирования.

В-шестых, в исправительных учреждениях музыка и песни являются неотъемлемым компонентом воспитательной работы с осужденными, которая способствует их перевоспитанию и повышению их образовательного и культурного уровня.

Библиографический список

1. Головкин Р. Б. Право в системе нормативного регулирования современного российского общества: монография. Владимир: ВГПУ, 1999. 160 с.
2. Исаков Н. В. Правовые акты: общетеоретический аспект исследования // Известия высших учебных заведений. Правоведение: научно-теоретический журнал. 2003. № 7. С. 82–88.

3. Мицкевич А. В. Акты высших органов Советского государства. М., 1967. 172 с.
4. Горбулина Т. Г. Влияние музыки на человека и на его поведение [Электронный ресурс]. URL: <http://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2012/02/14/issledovatelskaya-rabota-vliyanie-muzyki-na-cheloveka-i-na-ego-povedenie> (дата обращения: 03.07.2017).
5. Влияние музыки на человека [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oum.ru> (дата обращения: 03.07.2017).
6. Восемь фактов о влиянии музыки на работу головного мозга [Электронный ресурс]. URL: <http://lpgenerator.ru/blog/2013/11/29/8-faktov-o-vliyanii-muzyki-na-rabotu-golovnogogo-mozga/> (дата обращения: 30.06.2017).
7. Чепурова К. И. Музыка как социально-пространственный феномен культуры: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2005. 23 с.
8. Якушенко И. Нам песня строить и жить помогает [Электронный ресурс]. URL: <http://strana-sssr.net> (дата обращения: 12.07.2017).
9. Амелина Н. Влияние прослушивания песен с просоциальными текстами на просоциальное поведение [Электронный ресурс]. URL: <https://social.hse.ru/psy/socps/news/73415303.html> (дата обращения: 14.07.2017).
10. Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.
11. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. М., 2000. 464 с.
12. Клаузе И. Музыка по приказу. Официальная культурная жизнь в ГУЛАГе [Электронный ресурс]. URL: <https://shalamov.ru/research/61/13.html#n10> (дата обращения: 14.07.2017).

References

1. Golovkin R. B. Pravo v sisteme normativnogo regulirovaniya sovremennogo rossiiskogo obshchestva: monografiya [Law in the system of normative regulation of modern Russian society]. Vladimir: VGPU, 1999, 160 p. [in Russian].
2. Isakov N. V. Pravovye акты: obshcheteoreticheskii aspekt issledovaniya [Legal acts: General theoretical aspect of research]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie: nauchno-teoreticheskii zhurnal* [Proceedings of higher educational institutions. Jurisprudence: theoretical and scientific journal], 2003, no. 7, pp. 82–88 [in Russian].
3. Mitskevich A. V. Akty vysshikh organov Sovetskogo gosudarstva [The acts of the Supreme bodies of the Soviet state]. Moscow, 1967, 172 p. [in Russian].
4. Gorbulina T. G. Vliyanie muzyki na cheloveka i na ego povedenie [Influence of music on a person and his behavior]. URL: <http://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2012/02/14/issledovatelskaya-rabota-vliyanie-muzyki-na-cheloveka-i-na-ego-povedenie> (Accessed: 03.07.2017) [in Russian].
5. Vliyanie muzyki na cheloveka [The effect of music on people]. URL: <https://www.oum.ru> (Accessed: 03.07.2017) [in Russian].
6. Vosem' faktov o vliyanii muzyki na rabotu golovnogogo mozga [Eight facts about the effect of music on brain function]. URL: <http://lpgenerator.ru/blog/2013/11/29/8-faktov-o-vliyanii-muzyki-na-rabotu-golovnogogo-mozga/> (Accessed: 30.06.2017) [in Russian].
7. Chepurova K. I. Muzyka kak sotsial'no-prostranstvennyi fenomen kul'tury: avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk [Music as a socio-spatial phenomenon of culture. Extended Abstract of candidate's of Sociology thesis]. Saratov, 2005, 23 p. [in Russian].
8. Yakushenko I. Nam pesnya stroit' i zhit' pomogaet [Song we build and live help]. URL: <http://strana-sssr.net> (Accessed: 12.07.2017) [in Russian].
9. Amelina N. Vliyanie proslushivaniya pesen s prosotsial'nymi tekstami na prosotsial'noe povedenie [Influence of listening to songs with prosocial lyrics on prosocial behavior]. URL: <https://social.hse.ru/psy/socps/news/73415303.html> (Accessed: 14.07.2017) [in Russian].
10. Sobranie zakonodatel'stva RF [Meeting of the legislation of the Russian Federation], 1997, no. 2, st. 198 [in Russian].
11. Foinitskii I. Ya. Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem [Doctrine of punishment in connection with prison studies]. Moscow, 2000, 464 p. [in Russian].
12. Klauze I. Muzyka po prikazu. Ofitsial'naya kul'turnaya zhizn' v GULAGE [Music on orders. The official cultural life in the Gulag]. URL: <https://shalamov.ru/research/61/13.html#n10> (Accessed: 14.07.2017) [in Russian].

УДК 378

Диривянкина О. В.

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры общей и социальной педагогики,
Кубанский государственный университет,
350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149,
e-mail: o.eva777@mail.ru

Olga V. Dirivyankina

Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Assistant Professor of the general and social pedagogics,
The Kuban state university,
Stavropolskaya str., 149, Krasnodar, Russia, 350040,
e-mail: o.eva777@mail.ru

ЭВРИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК МЕТОД НЕСТАНДАРТНЫХ ВЕРОЯТНОСТНЫХ РЕШЕНИЙ. ХАРАКТЕРИСТИКИ И СТРАТЕГИИ

Аннотация. В статье рассматриваются различные характеристики и стратегии эвристической деятельности. Общее содержание эвристической деятельности заключается в построении и последовательном уточнении информационных моделей решаемой задачи. При этом информационные модели могут меняться под влиянием возникающей в процессе работы новой информации. С целью инициировать подобную деятельность разрабатываются специальные эвристические методы, уникальным свойством которых является отсутствие жесткого регламентирования деятельности. Стратегией эвристической деятельности является поиск не доказательных, а правдоподобных рассуждений, позволяющих подкрепить высказанные предположения.

Эвристическая учебная деятельность имеет в своей основе мыслительные механизмы поискового характера и направлена на преобразование модели проблемной ситуации в план, с помощью которого исходная стратегия приведет к решению задачи. Гипотетический план действий в случаях с применением эвристической деятельности может неоднократно уточняться и меняться до полной неузнаваемости, чтобы в конечном итоге быть доведенным до наиболее достоверного. При этом сам интеллектуальный акт эвристической деятельности ведет к выработке таких способов регуляции, которые помогают соединить в единый пазл фрагментарно разрозненные компоненты операции.

Стратегическая обоснованность методов эвристической деятельности – один из важных факторов процесса познания и обучения. Эвристическая организация творческой деятельности является компонентом в системе непрерывного образования.

Ключевые слова: эвристическая деятельность, проблемная ситуация, эвристические методы, метаспособы, мыслительные механизмы проблемной ситуации, продуктивная деятельность, проблемно-эвристическая подсистема.

HEURISTIC ACTIVITY AS A METHOD OF NON-STANDARD PROBABILISTIC SOLUTIONS. CHARACTERISTICS AND STRATEGIES

Summary. The article considers various characteristics and strategies of heuristic activity. The total content of heuristic activity is to build and successive refinement of information models of the problem being solved. At the same time, information models can change under the influence of new information arising in the course of work. In order to initiate such activities, special heuristic methods are developed, the unique property of which is the absence of strict regulation of activities. The strategy of heuristic search activities is not evidence-based and plausible reasoning, allowing to reinforce the assumptions.

Heuristic educational activity is based on the mental mechanisms of searching character and is aimed at transforming the model of the problem situation into a plan by which the original strategy will lead to the solution of the problem. The hypothetical plan of action in cases involving heuristic activity can be repeatedly refined and changed to complete beyond recognition, in order to eventually be brought to the most reliable. At the same time, the very intellectual act of heuristic activity leads to the development of such methods of regulation that help to combine fragmentally separated components of the operation into a single puzzle.

The strategic validity of heuristic activity methods is one of the important factors of cognition and learning process. Heuristic organization of creative activity is a component in the system of continuous education.

Keywords: heuristic activity, a problem situation, heuristic methods, metamethods, mental mechanisms of the problem situation, productive activity, problem-heuristic subsystem.

Образную характеристику эвристической деятельности дал в одной из своих работ по эвристике Д. Пойа, сравнивая ее со строительными лесами, без которых невозможно возвести зда-

ние. Исследователь подразумевал, что эвристическая деятельность – это вспомогательная, но при этом необходимая работа, которая проводится при решении проблемной ситуации.

Общее содержание эвристической деятельности заключается в построении и последовательном уточнении информационных моделей решаемой задачи. При этом информационные модели могут меняться под влиянием возникающей в процессе работы новой информации. С целью инициировать подобную деятельность разрабатываются специальные эвристические методы, уникальным свойством которых является отсутствие жесткого регламентирования деятельности. Это не только связано со спецификой проблемной задачи, но и напрямую зависит от индивидуальных особенностей интеллекта. Более общие механизмы, независимые от предмета изучения, по мнению Ю. Кулюткина, связаны с тем, что инструментарий эвристики – это метаспособы, которые несут в себе «общие закономерности поиска, направленного на раскрытие самых разнообразных конкретно-содержательных отношений» [1, с. 12–13].

Стратегией эвристической деятельности является поиск не доказательных, а правдоподобных рассуждений, позволяющих подкрепить высказанные предположения. Гипотетический план действий в случаях с применением эвристической деятельности может неоднократно уточняться и меняться до полной неузнаваемости, чтобы в конечном итоге быть доведенным до наиболее достоверного. Ярче и доступнее всего различие между доказательными и правдоподобными рассуждениями демонстрирует Д. Пойа: «Математическое доказательство является доказательным рассуждением, а индуктивные доводы физика, косвенные улики юриста, документальные доводы историка и статистические доводы экономиста относятся к правдоподобным рассуждениям. Различие между этими двумя типами рассуждений велико и многообразно. Доказательное рассуждение надежно, неоспоримо и окончательно. Правдоподобное рассуждение рискованно, спорно и условно. Доказательные рассуждения пронизывают науку в той же мере, что и математика, но сами по себе (как и сама по себе математика) не способны давать существенно новые знания об окружающем нас мире. Все новое, что мы узнаем о мире, связано с правдоподобными рассуждениями... они не противоречат друг другу; напротив, они друг друга дополняют» [2, с. 14–15].

Таким образом, эвристическая учебная деятельность имеет в своей основе мыслительные механизмы поискового характера и направлена на преобразование модели проблемной ситуации в план, с помощью которого исходная стратегия приведет к решению задачи. При этом сам интеллектуальный акт эвристической деятельности ведет к выработке таких способов регуляции, которые помогают соединить в единый пазл фрагментарно разрозненные компоненты операции.

Природа эвристической деятельности конфликтна. Другими словами, для того чтобы разрешить заданную ситуацию, нужно ее обострить, и это помогают сделать эвристические методы формирования цели [3, с. 120–121]. По этой причине для эвристической деятельности столь значима восприимчивость исследователя или обучаемого к свежему ракурсу, умение сфокусироваться не на стереотипной точке зрения на предмет или явление, а творческая дерзость и незашоренность, позволяющая посмотреть на вещи с наименее предсказуемой позиции, разрушив привычные шаблоны. Очень ценным свойством при этом является способность сопротивляться диктату сложившихся штампов, которые кажутся, на первый взгляд, наиболее пригодным инструментарием для вдумчивого исследования проблемной задачи, и лишь при наличии интеллектуальной свободы может стать серьезным препятствием для продуктивной деятельности. Эвристической деятельности отводится первостепенная роль в развитии сложных научных теорий, невозможных без проблемно-эвристической подсистемы [4].

Содержание педагогической эвристики, по И. Лернеру, состоит «в самостоятельном переносе ранее усвоенных знаний и умений в новую ситуацию, видение проблемы в знакомых условиях и среде, неожиданных функций знакомых объектов, структуры объектов и пр.» [5, с. 350]. Здесь же вводится такое понятие как «объективная значимость продукта». Чтобы понять, каким образом одно связано с другим, достаточно вспомнить, что именно эвристическая деятельность имеет первостепенное значение в глобальных достижениях науки, то есть именно она непосредственно влияла на принятие решений, связанных с объективно значимыми для человека предметами и явлениями.

Между творческой продуктивной и эвристической деятельностью достаточно сложно провести различие, однако тут можно руководствоваться классическим постулатом о разной ценности процесса и результата в разных ситуациях. Если для продуктивной деятельности важен результат, то эвристическая характеризуется, прежде всего, процессом. В первом случае речь идет о ценности конечного продукта деятельности, будь то изобретение или научное открытие. Во втором – поисковых актах, инициирующих формирование правильного вектора исследований.

Безусловно, между эвристической и творческой деятельностью существует определенная размытость границ, связанная с тем, что сходство между ними заложено в самой ренессансной сущности подхода к поиску решения проблемных задач. Сравнивая характеристики эвристической и творческой деятельности, можно наглядно убедиться, что в реальном исследовательском процессе они выступают в симбиозе, и вопрос о первичности того или иного вида деятельности по сей день остается крайне дискуссионным.

В обучении различным методам деятельности важна серьезная предварительная разработка закономерностей и механизмов деятельности. Это необходимо, чтобы в процессе работы с обучаемым избежать манипулятивных уловок, связанных с простым комбинированием данных. К сожалению, на этом этапе возникают трудности объективного характера, поскольку каждый тип деятельности обусловлен не только симптоматическими особенностями, присущими только ему, но и напрямую мотивирован обстоятельствами учебной ситуации, которая временами выходит из-под контроля в силу так называемого человеческого фактора. Исследователи субъективно-личностных характеристик учащихся, такие как М. Вертгеймер, Л. С. Выготский, Л. Л. Гурова, В. В. Давыдов и другие, соотносят природу эвристической и творческой продуктивной деятельности с индивидуальными свойствами субъектов исследовательского процесса.

Способности, которые служат ориентирами для выявления эвристического и творческого мышления, базируются на определенных психологических качествах индивида. В первую очередь, для успешных занятий творчеством необходима перспективная мотивация, то есть своего рода способность к потенциальной реализации планов. Здесь же следует отметить, что важным фактором для устойчивой мотивации являются эмоционально-прагматические способности, то есть не только целенаправленная и настойчивая работа на результат, но и умение сохранять душевное равновесие, если произошла неудача или результаты не оправдывают ожиданий.

Не менее важным фактором является динамичность восприятия, то есть способность к гипотетическому эксперименту, когда от субъекта исследования требуется хорошее воображение, чтобы представить себе образ изучаемого продукта в динамике. Эта способность будет недостаточно продуктивна сама по себе, вне связи со способностью сжимать, классифицировать и обобщать информацию, структурируя ее в строгую иерархическую систему, удобную в работе.

Способность к принятию гибких решений – очень эффективное свойство, если речь идет об умении мыслить вокруг решаемой задачи, отстранившись от нее на некоторое расстояние, чтобы соизмерить все возможные риски и масштабы потерь в случае творческой неудачи. Кроме того, эта способность очень помогает преодолеть инертность мышления и не концентрироваться на узком поле заданной проблемы, расширяя спектр возможностей (в том числе и благодаря эвристической деятельности).

Умение действовать экономным образом, обходя решения, требующие энергоемких умственных затрат и не ведущие к творческому катарсису, точно так же, как и способность к принятию гибких решений, помогает придать процессу исследования необходимый темпоритм и глубину.

Рациональность – безусловно, ценное свойство, без которого фактически невозможна системная научная работа, однако очень часто сами условия научной работы требуют хотя бы на время отказа от рационального подхода. Общеизвестен факт, когда для разработки одного из «шаттлов» были приглашены гуманитарии – их миссию разъяснили тем, что у ученых этого профиля незашоренное мышление, и они могут предложить настолько нестандартные в своем варварском неведении предмета решения, что именно этот отказ от рациональности пойдет на пользу проекту.

В этом контексте уместно вспомнить о понятии субъективной вероятности, то есть о степени уверенности человека в том, что некое изучаемое или рассматриваемое явление может осуществиться в реальности. Эвристическая деятельность включает в себя аспект субъективной вероятности, так как в процессе этой деятельности исследователь волей-неволей оперирует такими оценочно-экспрессивными понятиями, как «невероятно», «неправдоподобно», «маловероятно» или, напротив, «возможно», «убедительно» и пр. Тем самым прогнозируется динамика вероятного достижения результата, причем эти прогнозы параллельно выстраиваются как на осознанном, так и на неосознаваемом уровне. Это достаточно зыбкий аспект исследования эвристической деятельности, поскольку здесь мы вплотную приближаемся к теории вероятности, а она в свою очередь уводит нас в область так называемого «метаязыка». Это именно та самая неосознваемая сфера эвристической деятельности, которая помогает исследователю стоически проживать неизбежные моменты полной

неопределенности. При этом польза такого знакомства с теорией вероятности очевидна, в том числе и потому, что она помогает прояснить детерминизм причинно-следственных связей.

Таким образом, стратегическая обоснованность методов эвристической деятельности является одним из важных факторов процесса познания и обучения. Исходя из этого можно утверждать, что эвристическая организация творческой деятельности является значимым компонентом в системе непрерывного образования начиная с дошкольного игрового обучения. Не будучи антагонистом или противовесом аналитической научной деятельности, эвристическая деятельность помогает преодолеть творческий ступор перед неизведанным, а также способствует развитию нестандартных подходов к обработке информации.

Библиографический список

1. Кулюткин Ю. Эвристические методы в структуре решений. М.: Педагогика, 1970. 232 с.
2. Пойа Д. Математическое открытие. Решение задач. Основные понятия, изучение и преподавание. М.: КомКнига, 2010. 450 с.
3. Дункер К. Психология продуктивного (творческого) мышления // Психология мышления. М., 1965. С. 86–234.
4. Бургин М. С., Кузнецов В. И. Введение в современную точную методологию науки: структуры систем знания: пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 1994. 302 с.
5. Лернер И. Развивающее обучение с дидактических позиций. М.: Педагогика, 1999.

References

1. Kulyutkin Yu. Evristicheskie metody v strukture reshenii [Heuristic methods in the structure of solutions]. Moscow: Pedagogika, 1970, 232 p. [in Russian].
2. Poia D. Matematicheskoe otkrytie. Reshenie zadach. Osnovnye ponyatiya, izuchenie i prepodavanie [Mathematical discovery. Solve problems. Basic concepts, study and teaching]. Moscow: KomKniga, 2010, 450 p. [in Russian].
3. Dunker K. Psikhologiya produktivnogo (tvorcheskogo) myshleniya [Psychology of productive (creative) thinking]. *Psikhologiya myshleniya* [Psychology of thinking]. Moscow, 1965, pp. 86–234 [in Russian].
4. Burgin M. S., Kuznetsov V. I. Vvedenie v sovremennuyu tochnuyu metodologiyu nauki: struktury sistem znaniya: posobie dlya studentov vuzov [Introduction to modern exact methodology of science: structures of knowledge systems]. Moscow: Aspekt Press, 1994, 302 p. [in Russian].
5. Lerner I. Razvivayushchee obuchenie s didakticheskikh pozitsii [Developing training from didactic positions]. Moscow: Pedagogika, 1999 [in Russian].

УДК 378

Пиюкова С. С.

кандидат педагогических наук, начальник кафедры
пенитенциарной психологии и педагогики,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: piyukova@gmail.com

Svetlana S. Piyukova

Candidate of Pedagogics, head of the Department
of penitentiary psychology and pedagogics,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: piyukova@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УСТАНОВОК КУРСАНТОВ ВЕДОМСТВЕННЫХ ВУЗОВ

Аннотация. В статье приводятся результаты изучения учебно-профессиональных установок курсантов 2-го и 5-го курсов Самарского юридического института ФСИН России. Исследование показало, что 50 % обучающихся оценивают вузовскую подготовку как хорошую; 55 % довольны учебой; 55 % выпускников полагают, что у них будут трудности на работе из-за недостаточности практических знаний и умений по специальности; 27,5 % разочаровались в выборе профессии. Также по результатам исследования был составлен рейтинг наиболее важных личностных качеств, необходимых сотруднику пенитенциарной системы, проанализированы замечания и предложения курсантов по улучшению профессиональной подготовки в вузе. Предлагаются пути и средства коррекции учебно-профессиональных установок курсантов, важнейшими из которых являются учебная, производственная и преддипломная практики, научно-исследовательская деятельность, психологическое обеспечение и привлечение к участию в учебном процессе не только сотрудников психологической службы, но и преподавателей, кураторов взводов, а также офицеров учебно-строевых подразделений.

Ключевые слова: учебно-профессиональные установки, уголовно-исполнительная система, курсанты, квалификационные требования, профессиональная деятельность, мотивация, качества личности.

FORMATION OF TRAINING AND PROFESSIONAL ATTITUDES OF THE CADETS OF DEPARTMENTAL INSTITUTES

Summary. The results of an inventory study of training and professional attitudes among the second and fifth year cadets of Samara Law Institute of the FPS of Russia are given in this text. The study shows that 50 % of the students evaluate their institute training as good; 55 % are satisfied with their studies; 55 % of graduates believe that they will have difficulties at work due to the lack of practical knowledge and skills within their specialty; 27.5 % are disappointed in their profession. Subsequent to the results of the study the rating of the most important personal qualities necessary for penal officers is made, cadets' comments and suggestions to professional training improvement are analysed. The ways and methods of correction of cadets' training and professional attitudes are offered. The most important of them are training, industrial and pre-graduation practical training, psychological supporting and involvement to the educational process not only the officers of the psychological unit but also teachers, platoons' curators as well as officers of the combat units.

Keywords: training and professional attitudes, the penal system, the cadets, qualification criteria, professional activity, motivation, personal qualities.

Современные исследования указывают на то, что только около трети сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) после первого года службы обладает существенной мотивацией к продолжению работы в пенитенциарной системе, а каждый пятый из выпускников вузов Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН России) уже в начале профессионального пути проявляет сомнения в правильности своего профессионального выбора.

Практика показывает, что адаптация в служебных коллективах тех курсантов, чьи учебно-профессиональные установки не соответствуют характеристикам, обозначенным в квалификационных требованиях работодателя к подготовке выпускников, сопряжена с возникновением психологических и служебных проблем.

Для того чтобы своевременно корректировать учебно-профессиональные установки обучающихся в направлении большего их соответствия реальности условий несения службы и выполнения задач практической деятельности, необходимо регулярно изучать особенности психологического состояния курсантов в процессе обучения в вузе.

Учебно-профессиональная установка – неосознанное психологическое состояние, характеризующее predisposition личности к учебной деятельности, направленной на освоение будущей профессии, которая проявляется в стремлении обучающегося соответствовать требованиям будущей профессии [1, с. 109].

По мнению Ю. Н. Корепановой, учебно-профессиональную установку следует рассматривать как совокупность следующих элементов: аффективного (удовлетворенность обучающегося содержанием и процессуальной сторонами обучения в вузе и выбором сферы профессиональной деятельности в целом); когнитивного (степень сформированности компетенций, необходимых для решения профессиональных задач, увлеченность обучающегося процессом приобретения знаний); поведенческого (настроенность на реализацию себя в избранной сфере деятельности, решимость достичь высоких профессиональных результатов) [2, с. 16].

В процессе экспериментальной работы по изучению учебно-профессиональных установок курсантов Самарского юридического института ФСИН России испытуемым, в качестве которых выступили 48 курсантов 2-го курса и 50 курсантов 5-го курса (всего – 98 человек), предлагалось ответить на пять вопросов, характеризующих их отношение к учебной деятельности по освоению профессии сотрудника УИС.

Отвечая на первый вопрос, курсантам необходимо было выбрать три фактора, являющихся ключевыми при подготовке специалистов для работы в УИС.

Как показали результаты анкетирования, представленные в таблице 1, подавляющее большинство опрошенных считают, что наиболее важное в подготовке сотрудника УИС – практика по специальности; на втором месте по значимости находятся знания теории; уровень компетентности профессорско-преподавательского состава и его умение работать с обучающимися важны примерно для трех четвертей опрошенных. При этом курсанты 2-го курса более высоко оценивают возможность получить практические навыки, а для курсантов 5-го курса характерен рост интереса к теоретическим знаниям и повышение требований к квалификации преподавателей. Обращает на себя внимание факт, что только пятая часть опрошенных отмечает важность личных качеств курсанта в процессе подготовки специалиста, что, вероятно, указывает на то, что большинство опрошенных не ощущает себя активными участниками учебного процесса, от усилий и способностей которых зависит конечный результат.

Таблица 1

Что является главным в подготовке специалиста для УИС?

Ответы	Курсанты 2-го курса	Курсанты 5-го курса
общетеоретические сведения по специальности	65 %	75 %
практика по специальности	90 %	85 %
общепрофессиональная (служебная) подготовка	15 %	10 %
отдельные гуманитарные дисциплины	10 %	10 %
навыки самостоятельной работы	65 %	70 %
организация процесса обучения в институте	5 %	15 %
уровень подготовки преподавателей и их умение работать с обучающимися	75 %	85 %
качества личности курсанта (желание, трудолюбие и т. д.)	15 %	20 %

Ответы курсантов на второй пункт анкеты, в котором им необходимо было указать в предложенном перечне черт характера те, которые являются существенными для их будущей профессии, представлены в таблице 2.

Таблица 2

Качества личности, наиболее важные для профессиональной деятельности

Ответы	Курсанты 2-го курса	Курсанты 5-го курса
запас профессиональных знаний	65 %	55 %
широкий круг интересов	25 %	15 %
способность самостоятельно думать и принимать решения	45 %	35 %
способность управлять людьми	15 %	20 %
коммуникативная компетентность	45 %	50 %
спокойствие в сложных обстоятельствах	15 %	25 %
уравновешенность	40 %	35 %
прилежание	10 %	10 %
предприимчивость	15 %	5 %
энергичность	10 %	15 %
критическое отношение к себе	10 %	15 %
упорство	15 %	20 %
пунктуальность	20 %	25 %
умение себя вести, хорошие манеры	10 %	10 %
ответственность	40 %	35 %
вежливость	10 %	10 %
способность быстро дать оценку ситуации	45 %	35 %

По мнению респондентов, наиболее важны для профессии следующие личностные качества: запас профессиональных знаний, коммуникативная компетентность, способность быстро дать оценку ситуации, способность самостоятельно думать и принимать решения, самообладание, ответственность, широкий круг интересов, выдержка, пунктуальность, упорство, способность управлять людьми. Последние места заняли такие качества, как прилежание, предприимчивость, критическое отношение к себе, энергичность, умение себя вести, хорошие манеры, вежливость. При этом курсанты 2-го курса отдают приоритет профессиональным знаниям, а курсанты 5-го курса, прошедшие учебную и производственную практики, примерно одинаково высоко оценивают значение знаний в области избранной профессии и способность к коммуникации.

Далее курсанты выбирали из предложенного списка личностных качеств те, которые препятствуют освоению профессиональной деятельности и достижению в ней высоких результатов.

Согласно ответам респондентов, представленным в таблице 3, курсанты института считают, что выполнение профессиональных обязанностей затрудняют такие качества, как лень, недисциплинированность, ненадежность и беспечность.

Таблица 3

Качества личности, которые могут помешать в работе

Ответы	Курсанты 2-го курса	Курсанты 5-го курса
лень	75 %	80 %
раздражительность	15 %	20 %
недисциплинированность	35 %	40 %
неуверенность	10 %	10 %
стеснительность	5 %	–
замкнутость	10 %	10 %
ненадежность	35 %	25 %
беспечность	45 %	40 %
прямолинейность в общении	15 %	10 %

Значительная часть респондентов не удовлетворены своими результатами в учебной деятельности: они полагают, что могли бы учиться лучше. Ответы обучающихся на вопрос о причинах их неудовлетворенности учебой, представленные в таблице 4, указывают на недостаток их мотивации и неумение правильно расставить приоритеты.

Примерно половина опрошенных называет лень и нехватку времени в качестве причин низких результатов в учебе, причем к выпускному курсу количество курсантов, ответивших подобным образом, увеличивается соответственно на 5 % и на 10 %.

Таблица 4

Причины неудовлетворенности учебой

Ответы	Курсанты 2-го курса	Курсанты 5-го курса
леность	45 %	50 %
недостаток времени	45 %	55 %
отсутствие интереса	40 %	35 %
преподаваемый материал слишком сложен	10 %	–
имею возможность учиться лучше, но не хочу	85 %	80 %
не могу реализовать свои способности	45 %	35 %

Мнения опрошенных по улучшению процесса обучения в институте представлены в таблице 5.

Таблица 5

Меры по повышению качества подготовки курсантов
к профессиональной деятельности

Ответы	Курсанты 2-го курса	Курсанты 5-го курса
улучшить качество преподавания	25 %	35 %
увеличить требования к курсантам	20 %	25 %
повысить количество практических и лабораторных занятий	30 %	35 %
активизировать контроль за учебной деятельностью курсантов	15 %	30 %
добавить время на проведение производственной практики	45 %	50 %
оперативно вносить изменения в организацию учебного процесса	35 %	45 %

По мнению респондентов, необходимо добавить время на проведение производственной практики, повысить количество практических и лабораторных занятий и оперативно вносить изменения в организацию учебного процесса.

Исследование учебно-профессиональных установок курсантов вуза уголовно-исполнительной системы позволяет сформулировать следующие выводы.

Значительная часть курсантов высоко оценивает профессиональную подготовку в институте и выражает удовлетворение от процесса обучения. В качестве главного в подготовке специалиста они отмечают практику по специальности, знания теории; уровень компетентности профессорско-преподавательского состава и его умение работать с обучающимися.

В качестве наиболее важных для профессии личностных качеств курсанты выделяют умение работать с людьми, быстро оценивать ситуацию, способность самостоятельно думать и при-

нимать решения, самообладание, ответственность, широкий круг интересов, выдержка, пунктуальность, упорство, способность управлять людьми.

Большинство курсантов считают, что они могли бы повысить показатели своей учебной деятельности, отмечают недостаток мотивации, отсутствие интереса к учебе, а также нехватку времени. С точки зрения обучающихся, чтобы овладеть мастерством в своей профессии, им необходимо добиваться улучшений в направлении узкой специализации, одновременно занимаясь общепрофессиональной подготовкой и расширением круга интересов. Многие отмечают, что не могут в полной мере реализовать свои способности. В то же время заниматься самоподготовкой и совершенствовать свои личностные качества готовы далеко не все из опрошенных.

Результаты исследования убедительно демонстрируют преимущества практико-ориентированного подхода к реализации профессиональной подготовки обучающихся в Самарском юридическом институте ФСИН России, важнейшим из которых является возможность привести в соответствие представления курсантов о выбранной профессии с истинным содержанием профессиональной деятельности сотрудников учреждений, исполняющих уголовные наказания, и скорректировать их учебно-профессиональные установки [3].

Кроме этого, в целях «погружения» обучающихся в выбранную предметную область необходимо обратить внимание на организацию в вузе соответствующей образовательной среды, эффективно решающей задачи по ориентации курсантов в выбранной профессии, позволяющей им в полной мере реализовать свой личностный потенциал. Среди необходимых компонентов образовательной среды вуза уголовно-исполнительной системы хотелось бы отметить следующие: осуществление психолого-педагогического сопровождения процесса формирования учебно-профессиональных установок обучающихся, принимающее во внимание возрастные и психологические особенности курсантов, уровень развития у них профессиональных способностей, степень выраженности мотивации к профессиональной деятельности; систематическое наблюдение и отслеживание процесса развития учебно-профессиональных установок курсантов, а также самоанализ учебно-профессиональной деятельности обучающимися.

Важную роль в стремлении молодых сотрудников УИС соответствовать требованиям выбранной профессии играет привлечение обучающихся к научно-исследовательской деятельности. Изучение опыта, накопленного в пенитенциарных системах различных стран, участие в поиске и внедрении в практическую деятельность инновационных форм и методов работы формирует у обучающихся творческий подход к решению профессиональных задач, побуждает к самообразованию и самосовершенствованию.

Формирование у курсантов вуза уголовно-исполнительной системы желания соответствовать требованиям будущей профессиональной деятельности является сложной задачей, решение которой должно возлагаться не только на профессорско-преподавательский состав и сотрудников психологической службы. Существенный вклад в этой работе принадлежит лицам, в функционал которых входит организация и проведение воспитательной работы с курсантами: офицеров учебно-строевых подразделений, кураторов взводов.

Библиографический список

1. Ощепкова О. В., Родионова О. Г. Взаимосвязь перфекционистских установок и мотивации успеха у курсантов СЮИ ФСИН России // Вестник Самарского юридического института: научно-практический журнал. № 1(15)/2015. С. 109–113.
2. Корепанова Ю. Н. Взаимосвязь акцентуаций характера и учебно-профессиональных установок курсантов юридического института МВД России: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Самара, 2007. 25 с.
3. Пилюкова С. С., Плотникова А. Л. Учебно-профессиональные установки курсантов вуза уголовно-исполнительной системы // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2017. № 2. С. 213–219.

References

1. Oshchepkova O. V., Rodionova O. G. Vzaimosvyaz' perfektsionistskikh ustanovok i motivatsii uspekha u kursantov SYuI FSIN Rossii [Relationship perfectionist attitudes and motivation of success for the cadets of SUI FSIN of Russia] *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta: nauchno-prakticheskii zhurnal* [Bulletin of Samara law Institute: scientific and practical journal], 2015, no. 1(15), pp. 109–113 [in Russian].
2. Korepanova Yu. N. Vzaimosvyaz' aktsentuatsii kharaktera i uchebno-professional'nykh ustanovok kursantov yuridicheskogo instituta MVD Rossii. Avtoref. diss. kand. psikh. nauk [Interrelation of accentuations of character and educational and professional installations of cadets of law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. Extended Abstract of candidate's of Psychology thesis]. Samara, 2007, 25 p. [in Russian].
3. Piyukova S. S., Plotnikova A. L. Uchebno-professional'nye ustanovki kursantov vuza ugolovno-ispolnitel'noi sistemy [Educational-professional installation of cadets of the University of the penal system]. *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii* [Bulletin of Voronezh Institute of the Federal penitentiary service of Russia], 2017, no. 2, pp. 213–219 [in Russian].

УДК 159.9

Горностаев С. В.

кандидат психологических наук, доцент, докторант,
Академия ФСИН России,
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, 1,
e-mail: stanislavrz@yandex.ru

Stanislav V. Gornostayev

Candidate of Psychology, Associate Professor, doctoral student,
Academy of the Federal penitentiary service of Russia,
Sennaya str., 1, Ryazan, Russia, 390000,
e-mail: stanislavrz@yandex.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛУЖЕБНОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ УИС РАЗЛИЧНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ

Аннотация. В статье описаны эмпирически выявленные особенности служебной лояльности как психоповеденческой интегрированности сотрудников УИС различных категорий в функционирующие в профессионально-служебной среде группы. Для сбора информации использована модифицированная автором методика цветowych метафор. В статье представлены особенности четырех из шестнадцати изученных категорий сотрудников, наиболее отличающихся от среднего профиля выборки. Отмечены отличия в наиболее и наименее часто сформированных лоялностях, мотивах и ценностях, лежащих в их основе. Приводятся предположения о причинах формирования этих лояльностей, а также информация о том, в какой степени те или иные лояльности у анализируемой категории сотрудников ассоциируются у них с такими идеалами государственной службы, как законность, справедливость и общее благо. В отношении каждой проанализированной категории сотрудников предложена интерпретация полученных результатов с точки зрения возможных профессиональных и служебных факторов формирования доминирующих лояльностей.

Ключевые слова: служебная лояльность, сотрудники УИС, группы, причастность.

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE OFFICIAL LOYALTY OF THE PRISON STAFF OF DIFFERENT PROFESSIONAL CATEGORIES

Summary. The article describes the empirically discovered features of official loyalty – psycho-behavioral integration of the prison staff of different categories in various groups in a professional service environment. As the tool of research was used the author's modified Color metaphor method. The article presents the characteristics of four of the sixteen studied categories of staff, the most unusual in their profile of official loyalty. The main differences in the most and least formed loyalties, and driving them motives and values are noted. Discussed the reasons for the formation of these loyalties and the interrelations between the loyalties and the values of the public service as the rule of law, Justice and the common good. Professional and official factors in the formation of dominant loyalties are analyzed.

Keywords: official loyalty, employees of the penitentiary system, groups, participation.

Проблема социально-психологической интеграции сотрудника УИС в профессионально-служебную среду, ее диагностики и коррекции является одной из актуальных проблем пенитенциарной науки и практики [1; 2; 3].

Статья содержит результаты, полученные в ходе разработки инструментария социально-психологической диагностики сотрудников УИС, а также апробации и конкретизации разработанной автором концепции служебной лояльности.

Предметом исследования являлась причастность личности сотрудника на взаимосвязанных уровнях самоопределения, групповых эмоций, а также мотивации, направленности и процессов групповой активности к тем или иным группам, функционирующим в профессионально-служебной сфере. Исследовалась психоповеденческая причастность к таким группам, как «Карьерная команда», «Мое подразделение», «Госслужащие», «Сотрудники правоохранительных органов», «Сотрудники УИС», «Друзья по службе», «Клиенты по службе», «Сообщество профессионалов», «Коллектив в целом». В исследовании особенностей этой причастности, кратко обозначаемой автором как «служебная лояльность», хорошо зарекомендовала себя методика цветowych метафор (МЦМ), разработанная И. Л. Соломиным [4] и адаптированная автором [5] под указанные

выше цели исследования, которая оказалась максимально информативной в выявлении психологических особенностей служебной лояльности сотрудников УИС, представляющих различные отделы и службы.

У представителей различных отделов и служб анализировались следующие основные показатели: 1) группы, к которым психоповеденческая причастность сформирована в большей мере (для сравнения исследовалась также причастность к наиболее вероятным потенциальным группам лояльности вне служебной сферы: «Семья» и «Друзья вне службы»); 2) ценности, эмоции и стратегии поведения, связанные с этими группами у представителей анализируемой категории; 3) связь тех или иных групп в сознании представителей различных отделов и служб с такими идеалами государственной службы, как законность, справедливость и общее благо.

Исследование проводилось при помощи методов частотного и кластерного анализа, теста значимости связи переменных «хи-квадрат Пирсона», а также анализа сопряженности понятий-стимулов, использованных в примененном варианте МЦМ, с использованием программ Psychometric Expert 9.0.4 и SPSS Statistics 17.0.

Наиболее специфичным по сравнению со средним по УИС профилем служебной лояльности обладают сотрудники следующих подразделений.

Сотрудники медицинской службы (далее – медики)

В профиле сформированных лояльностей у медиков имеется несколько заметных отличий от средних показателей по УИС. Медики имеют больший процент сформированных лояльностей во внеслужебной и меньший – в служебной сфере. Все служебные группы реже, чем в среднем по УИС, ассоциируются у медиков с понятиями «интересное занятие», «эмоции» и «духовность». На этом основании можно полагать, что служба в УИС гораздо реже соответствует жизненным планам, интересам и духовным потребностям медицинских работников УИС, чем у других сотрудников.

Сформированная лояльность группе «Карьерная команда» встречается у медиков на 10,5 % реже, чем в среднем по УИС, что может быть связано с очевидными ограничениями в карьерном росте и перемещениях в рамках УИС.

В результате кластеризации группа «Сообщество профессионалов», так же как и типичные для кластера служебной лояльности понятия «сотрудничество» и «самоутверждение», вошла в один кластер с внеслужебными группами. Группа «Сообщество профессионалов», относимая медиками, скорее, к внеслужебным, реже ассоциирующаяся у них с типичными для данной группы факторами лояльности, такими как «выгода», «согласие», «разум», «общение», «уважение» и «Я на самом деле», отражая фрустрированность данных потребностей и ценностей.

В целом низким по сравнению со средним по УИС процентом сформированных лояльностей служебным группам можно объяснить объективными факторами – изолированностью и специфичностью медицинской работы в УИС, а также сравнением сотрудниками данного подразделения своей медицинской деятельности со своими интересами и планами, а также с деятельностью коллег-медиков вне УИС.

Сотрудники отделов специального назначения (сотрудники ОСН)

Тесно ассоциируемые (возможно, отождествляемые испытуемыми) группы «Мое подразделение» и «Коллектив в целом» явно доминируют в профиле сформированных лояльностей сотрудников ОСН. Частота встречаемости сформированной лояльности группе «Коллектив в целом» у сотрудников ОСН выше среднего по УИС на 13,9 %. У 68 % сотрудников ОСН сформирована лояльность группе «Мое подразделение» – это максимальный процент среди всех групп, на 16,2 % превышающий средневыворочный по УИС. В результате кластеризации групп лояльности ближе всего к ядру кластера служебных лояльностей – группам «Мое подразделение» и «Коллектив в целом» – оказалась группа «Сообщество профессионалов», что нехарактерно ни для одной другой профессиональной категории. Такая структура кластера может свидетельствовать о приоритете этой неформальной профессиональной группы перед условными формальными. Группа «Госслужащие» несколько отделена от ядра кластера, еще дальше располагается группа «Карьерная команда». Группа «Клиенты по службе» располагается обособленно.

Группы, в отношении которых у сотрудников ОСН сформированы лояльности чаще, чем в среднем по УИС, ассоциируются у них с такими понятиями, как «мое настоящее», «Я на самом деле», «каким Я хочу быть», «мой отец», «уважение», «гордость», «мое увлечение», «самореализация», «активность», «единство». Это говорит о комплексном влиянии на формирование лояльностей сотрудников ОСН факторов удовлетворенности как самой деятельностью, так и связанного с ней статуса и признания. Большинство групп лояльности заметно реже ассоциируются у сотруд-

ников ОСН с понятием «противоречия», что говорит о возможности сотрудников ОСН гармонично совмещать служебные лояльности. Об идеализации данной профессионально-служебной деятельности свидетельствует тот факт, что ведущая группа лояльности сотрудников ОСН «Мое подразделение» на 14,4 % чаще, чем в среднем по выборке, ассоциируется с понятием «идеал», на 8,2 % – с «чувством как дома», на 10,9 % – с «хорошими людьми». С данной группой сотрудники ОСН достигают высочайшей самоидентификации, превосходящей даже семейную самоидентификацию (понятия «Мое подразделение» и «Я на самом деле» ассоциируются в 52 % наблюдений, что на 19,9 % больше средневывборочного показателя).

Лояльность группе «Мое подразделение» теснее всего статистически связана в ОСН с рассмотренными идеалами государственной службы.

Сотрудники отделов специального учета (далее – сотрудники ОСУ)

Служебно-профессиональные группы лояльности у сотрудников ОСУ вошли в состав двух различных кластеров. В первый вошли группы: «Сотрудники правоохранительных органов», «Сотрудники УИС» и «Госслужащие», а также множество компонентов и факторов лояльности. Во второй кластер вошли остальные группы лояльности и понятие «компромисс». Данный результат свидетельствует о том, что в сознании сотрудников ОСУ формальные группы принадлежности, определяющие их социальный статус, и реальные группы взаимодействия отражаются в сознании отдельно. Лояльность первым мотивирована более комплексно.

Процент лояльностей, сформированных в отношении всех профессионально-служебных групп, у сотрудников ОСУ ниже, чем в среднем по УИС. Наиболее заметна разница в проценте лояльностей, сформированных в отношении таких потенциальных групп лояльности, как «Сообщество профессионалов» (ниже среднего на 16,9 %), объясняемая низким уровнем специфичности деятельности сотрудников ОСУ, отсутствием в ней творческих элементов; «Коллектив в целом» (на 13,3 %) – объясняется отсутствием необходимости обращаться к смежникам для решения своих задач и «Друзья по службе» (13,5 %) – также изолированностью в решении служебных задач.

В связи с рутинным характером самой деятельности и сравнительно низким уровнем взаимодействия в решении служебных задач большинство групп лояльности у сотрудников ОСУ статистически реже, чем в среднем по УИС, ассоциируется со многими ключевыми факторами лояльности, такими понятиями, как «уважение», «интересное занятие», «мое увлечение», «единство», «активность», «идеал», «духовность» и др.

Предпочтительными с точки зрения служебной деятельности группами лояльности сотрудников ОСУ, статистически связанными с идеалами государственной службы, являются группы «Сотрудники УИС» ($p \leq 0,01$) и «Коллектив в целом» ($p \leq 0,05$).

Факторы лояльности этим группам у сотрудников ОСУ немногочисленны. С этими группами связаны ($p \leq 0,01$) такие понятия, как «мой ближний круг», «Я на службе», указывающие на территориальное присутствие в группе как на фактор формирования лояльности, а также понятия «традиции» и «разум» ($p \leq 0,05$), указывающие на стабильность и прогнозируемость этих групп как на фактор их привлекательности для сотрудников ОСУ.

Инспекторы уголовно-исполнительных инспекций (сотрудники УИИ)

При уровне сформированности служебных лояльностей ниже среднего по УИС, сформированная лояльность группе «Коллектив в целом» у сотрудников УИИ встречается чаще, чем в среднем по выборке. Это может быть связано со сравнительно невыраженной специализацией в профессиональной деятельности сотрудников УИИ. Сформированная лояльность группе «Сотрудники правоохранительных органов» встречается реже на 8,2 %, чем в выборке по УИС в целом. Это может быть связано с тем, что выполнение служебных обязанностей инспекторским составом УИИ осуществляется без спецсредств и оружия, без применения сил и средств ОРД, нередко в гражданской форме одежды. В группе отмечается достаточно низкий по отношению ко всей выборке (на 9,2 % ниже средневывборочного) процент сформированных лояльностей группе «Клиенты по службе», что может быть связано с текучестью спецконтингента.

Группа «Мое подразделение» на 10,8 % чаще, чем в среднем по выборке, ассоциируется у инспекторов УИИ с понятием «хорошие люди», что может указывать на повышенное содержание межличностных составляющих в лояльности данной группы.

С группой «Сообщество профессионалов» ряд понятий ассоциируется заметно чаще, чем в общей выборке: «Я на самом деле» ассоциируется на 7,1 % чаще, чем в общей выборке, «включенность» – на 6,2 %, «разум» – на 5,6 %, «Я на службе» – на 5,6 %, «единство» – на 5,5 %. Меньшая включенность в формальные структуры дает большие возможности для включения в нефор-

мальные. С группой «Друзья по службе» у сотрудников УИИ чаще, чем в среднем по выборке, ассоциировались понятия «Я на самом деле» (на 8,9 % чаще), «согласие» (на 7,2 %), «доверие» (на 6 %), «моя мать» (на 5,8 %) и «мой отец» (на 5,2 %). Ассоциации с данными понятиями более характерны для сформированных внеслужебных лояльностей, что может говорить об их субъективном сходстве для испытуемых с лояльностью группе «Друзья по службе», объяснимое все той же меньшей изолированностью служебных и внеслужебных сфер сотрудников.

Наиболее предпочтительными со служебной точки зрения для сотрудников УИИ являются лояльности группам «Госслужащие» и «Коллектив в целом», статистически связанные ($p \leq 0,01$) с идеалами государственной службы.

Таким образом, специфика служебной лояльности сотрудников различных подразделений сотрудников УИС выражается в наиболее сформированных лоялностях, обуславливающих их факторах, а также в степени ассоциированности тех или иных групп лояльности в сознании сотрудников с идеалами государственной службы.

Библиографический список

1. Гаврина Е. Е. Специфика проявления коррумпированного поведения сотрудников правоохранительных органов // Прикладная юридическая психология. 2010. № 3. С. 64–69.
2. Клячкина Н. Л. Специфика профессионального общения сотрудников УИС // Вестник Самарского юридического института: научно-практический журнал. № 2(24)/2017. С. 120–128.
3. Пестриков Д. В. Развитие установки на толерантное поведение в общении (на примере курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования ФСИН России) // Прикладная юридическая психология. 2008. № 2. С. 86–96.
4. Соломин И. Л., Чернышкова М. П., Суворина Н. Ю. Использование методики цветowych метафор И. Л. Соломина в практике психологов уголовно-исполнительной системы: метод. пособие. СПб., 2012. 69 с.
5. Горностаев С. В. Методика цветowych метафор как средство диагностики служебной лояльности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 3(70). С. 67–72.

References

1. Gavrina E. E. Spetsifika proyavleniya korrumpirovannogo povedeniya sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov [Specificity of manifestation of corrupt behavior of law enforcement officers]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied legal psychology], 2010, no. 3, pp. 64–69 [in Russian].
2. Klyachkina N. L. Spetsifika professional'nogo obshcheniya sotrudnikov UIS [Specifics of professional communication of employees of UIS]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta: nauchno-prakticheskii zhurnal* [Bulletin of Samara law Institute: scientific and practical journal]. 2017, no. 2, pp. 120–128 [in Russian].
3. Pestrikov D. V. Razvitie ustanovki na tolerantnoe povedenie v obshchenii (na primere kursantov i slushatelei obrazovatel'nykh uchrezhdenii vysshego professional'nogo obrazovaniya FSIN Rossii) [Development of an attitude to tolerant behavior in communication (on the example of cadets and students of higher professional education institutions of FSIN of Russia)]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied legal psychology], 2008, no. 2, pp. 86–96 [in Russian].
4. Solomin I. L., Chernyshkova M. P., Suvorina N. Yu. Ispol'zovanie metodiki tsvetovykh metafor I. L. Solomina v praktike psikhologov ugovolno-ispolnitel'noi sistemy: metod. Posobie [The use of color metaphors I. L. Solomin in the practice of psychologists of the penal correction system]. Saint-Petersburg, 2012, 69 p. [in Russian].
5. Gornostaev S. V. Metodika tsvetovykh metafor kak sredstvo diagnostiki sluzhebnoi loyality [Methods of color metaphors as a means of diagnosing service loyalty]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh* [Psychopedagogy in law enforcement bodies], 2017, no. 3(70), pp. 67–72 [in Russian].

УДК 159.9

Ежова О. Н.

кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры пенитенциарной психологии и педагогики, Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в, e-mail: e-olesja2008@mail.ru

Olesya N. Ezhova

Candidate of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of penitentiary psychology and pedagogics, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022, e-mail: e-olesja2008@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ У КУРСАНТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗОВ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению правового сознания сотрудников, работающих в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, в контексте профилактики у них профессиональной деструкции и фактов нарушения законности.

В статье анализируются необходимые условия, при которых сотрудник, работающий в пенитенциарной системе, будет соблюдать требования закона.

В результате проведенного анализа автор рассматривает правовое сознание сотрудников уголовно-исполнительной системы как отдельный вид профессионального правового сознания. Представлена структура правового сознания, в которой выделены три компонента – когнитивный, эмоциональный и поведенческий.

Особое внимание в статье уделяется функциям профессионального правового сознания сотрудников уголовно-исполнительной системы и причинам его деформации.

Приводятся результаты исследования уровня правового сознания у курсантов 2-го курса Самарского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний.

Рекомендации, сформулированные в статье, могут быть использованы как психологами для выявления особенностей личности кандидатов при устройстве на работу в уголовно-исполнительную систему, преподавателями и курсовыми офицерами специализированных учебных учреждений, так и инспекторами воспитательных отделов для профилактической и коррекционной работы с сотрудниками, у которых отмечается недостаточно высокий уровень правового сознания.

Ключевые слова: правовое сознание, профессиональное правовое сознание, криминальный тип личности, профессиональная деструкция.

FORMATION OF LEGAL CONSCIOUSNESS AMONG CADETS OF LAW INSTITUTES

Summary. The article is devoted to the consideration of the legal consciousness of officers working in the institutions and bodies of the penal system, in the context of the prevention of their professional destruction and the facts of law violation.

The article analyzes the necessary conditions under which an employee working in the penal system will be law-abiding.

As a result of the analysis, the author considers the legal consciousness of any penal officer as a separate type of professional legal consciousness.

The structure of legal consciousness is considered, in which three components are distinguished: cognitive, emotional and behavioral.

In the article special attention is paid to the functions of professional legal consciousness of the staff of the penal system and the reasons for its deformation.

The results of the study of the legal consciousness level among the second-year cadets of Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia are given.

The recommendations, mentioned in this article, may be used both by psychologists for examinations of personal peculiarities of candidates obtaining employment in the penal system, teachers, officers of specialized educational institutions, and by inspectors of educational units for preventive and corrective work with those, who have an insufficiently high level of legal consciousness.

Keywords: legal consciousness, professional legal consciousness, criminal personality type, professional destruction.

Профилактика нарушений служебной дисциплины, должностных злоупотреблений, коррупционных проявлений и других деструктивных форм поведения сотрудников, противоречащих нормам и требованиям к служебному поведению работников уголовно-исполнительной системы, явля-

ется важной задачей в рамках кадрового обеспечения развития уголовно-исполнительной системы (УИС).

При профессиональной деструкции происходит изменение всей структуры личности сотрудника (его ценностной сферы, мировоззрения, установок, черт характера, шаблонов поведения и способов общения с окружающими людьми), причиной которых выступают особенности служебной деятельности.

Риск совершения противоправных действий повышает наличие у сотрудников УИС такого качества личности, как низкая антикриминальная устойчивость. В этом случае у сотрудника отсутствует (или слабо выражена) способность противостоять негативному воздействию обстоятельств или людей с асоциальной мотивацией либо осужденных, предпочитающих преступное поведение правопослушному (криминальный тип личности) [1].

У этой категории сотрудников происходят изменения и в ценностно-мотивационной сфере: формируется негативное отношение к правовым ценностям и нормам, что проявляется в аморальных поступках и безнравственном поведении.

В основе законопослушного поведения человека лежат несколько взаимосвязанных компонентов: знание закона, отношение к нему и желание ему следовать, которое в обязательном порядке должно сопровождаться волевым актом. Человек может нарушать закон в следующих случаях:

- по незнанию;
- если он считает закон несправедливым или не доверяет людям, от которых зависит его претворение в жизнь;
- если у человека отмечается слабая воля, необходимая не только для исполнения закона, но и для противостояния различным соблазнам, или низкая саморегуляция, которая проявляется либо в неумении совладать с эмоциями в напряженных ситуациях, либо с переоценкой собственных сил, либо с недооценкой сложности ситуации.

Таким образом, правосознание представляет собой целую систему отношений с правом (интегральное личностное образование), включающую в себя когнитивный (взгляды, идеи, представления о праве), эмоциональный (отношение к закону и представителям власти) и поведенческий компонент (действия, направленные на реализацию закона).

Целью правосознания является сохранение целостности общества [2, с. 56]. Это возможно только при условии реализации принципа справедливости при урегулировании спорных вопросов, возникающих в процессе отношений между людьми. Правовое сознание и действующее законодательство – нетождественные понятия, и уровень правосознания не измеряется лишь суммой знаний о нем.

И, тем не менее, это знание о праве необходимо. И. А. Ильин отмечал, что если народ не знает существующих в его стране законов, то тогда и жизнь его будет неправовой или он будет довольствоваться самодельными и неустойчивыми зачатками права [3, с. 83].

Правовое сознание является формой общественного сознания и представляет собой систему знаний, установок, оценок человека по отношению к праву, проявляющееся в отношениях человека с другими людьми и миром в целом, регулирующее поведение личности в ситуациях, значимых с точки зрения исполнения закона [4, с. 19].

Таким образом, правовым сознанием является комплекс социальных представлений о правовых объектах, которые конструируются в ходе коммуникации между людьми и являются специфическими для конкретной социальной группы.

Во многом объясняет формирование у человека правосознания теория Р. Мертон. Он выделил пять способов приспособления человека к обществу: конформность, инновация, ритуализм, ретритизм и мятеж, из которых только первый не приводит к девиантному поведению.

Если человек выбирает как способ приспособления к обществу инновацию, то значит, что он согласен с существующими в обществе целями, но выбирает социально неодобряемые (преступные) способы их достижения (шантаж, угрозы, насилие, рэкет). Ритуализм, наоборот, предполагает отрицание целей, но согласие использовать социально одобряемые средства (бюрократизация). Одновременное отвержение и целей, и социально одобряемых средств их достижения (ретритизм) характерно для бродяг и наркоманов. Если человек не только отвергает социально одобряемые цели и способы, но и старается их изменить, то это уже мятеж.

Правосознание сотрудников УИС следует рассматривать как отдельный вид профессионального правосознания – специализированного, характеризующего спецификой выполняемых служебных функций, сложившимися в этой связи стереотипами в оценках правовой действительности, методами и способами деятельности.

М. А. Шерменев считает [5], что профессиональным правосознанием является важнейший компонент профессиональной пригодности сотрудников любых юридических специальностей, оно рассматривается как элемент идеальной модели профессионала.

У «неэффективных» сотрудников наиболее выражены такие черты правосознания, как правовой нигилизм, а именно отрицательное и пренебрежительное отношение к праву, инфантилизм и правовой цинизм, который выражается в негативном отношении к закону при хорошем его знании. Все эти признаки совершенно несовместимы с профессиональной деятельностью в соответствии с общественными ожиданиями. Помимо этого группе таких сотрудников присущ конформизм, то есть «подстройка» под сложившиеся стандарты правового поведения, стремление угодить коллегам по работе и начальству либо действовать исходя из практической значимости, поступая так, «как принято», даже если это не совсем соответствует установленному правовому порядку. Все это тоже приводит к уже названной деформации профессионального правосознания, которая способствует в свою очередь совершению правонарушений и профессиональной деформации сотрудников УИС. Низкий уровень правосознания приводит к тому, что у сотрудника УИС происходит рассогласование целей, декларированных обществом, и институционализированных средств их достижения, он обесценивает традиционные ценности, снимает с себя ответственность, выстраивая при этом целую систему оправдательных аргументов, разрешая себе тем самым противоправное поведение.

Профессиональное правосознание не возникает у сотрудника УИС вместе с его поступлением на службу, этот процесс идет постепенно, в течение всей его жизни. Но если на начальном этапе он представляет собой своеобразный переход от обыденного к профессиональному, то впоследствии «формирование» происходит в виде дополнения, коррекции (в том числе деформирующей) уже существующего профессионального правосознания.

Н. Я. Соколов отмечал, что правосознание многофункционально, то есть содержит в себе множество функций [6]. Выделяют общие функции правосознания, к которым можно отнести:

- регулятивную (правосознание определяет поведение человека, его готовность к определенному виду поведения (мотивацию));
- оценочную (на основании представлений о законопослушном («должном») поведении человек дает правовую оценку происходящему как с другими людьми, так и с самим собой);
- познавательную (изучение правовых основ существования общества и осмысление их);
- воспитательную, которая заключается в формировании правосознания у членов общества, разъяснение содержания правовых норм (правовое воспитание);
- информационную (получение и передача сведений правового характера);
- прогностическую (предвидение последствий морального выбора и прогноз человеческого поведения в различных ситуациях).

Функции профессионального правосознания согласуются с теми социальными ролями, которые выполняют представители каждой профессии.

В. А. Щегорцев выделяет у правосознания еще идеологическую и когнитивную функции [7, с. 90–92]. Целью когнитивной функции, по его мнению, является получение правовых знаний определенного уровня, в то время как цель познавательной – выработка отношения к правовым явлениям в социуме.

Идеологическая функция проявляется не только в осознании государственных правовых норм, но и в формировании правовой культуры как общества в целом, так и отдельных профессиональных групп.

Профессиональное пенитенциарное правосознание является своеобразным мостиком между индивидуальным и общественным сознанием, поэтому выполняет с учетом особенностей служебной деятельности в УИС кроме общих еще и специализированные функции:

- защитную (способность противостоять криминальному заражению);
- адаптационную (позволяет адаптироваться к условиям служебной деятельности при сохранении своих ценностей и нравственных идеалов);
- инструментальную (консультирование осужденных по вопросам законодательства);
- телеологическую (оказание социальной и психологической помощи осужденным как условие их успешной ресоциализации – цель деятельности сотрудников УИС).

Мы проводили исследование уровня правосознания у 88 курсантов 2-го курса Самарского юридического института ФСИН России по методике Е. А. Певцовой [8]. Анализ полученных результатов показал, что у 12,5 % курсантов отмечается низкий уровень развития правосознания (правовой нигилизм); у 45,5 % основы правосознания заложены (средний уровень), у 34 % – пра-

восознание в основном сформировано, а у 8 % отмечается высокий уровень развития правосознания (правосознание сформировано).

Правовой нигилизм характеризуется тем, что человек не признает необходимость правового регулирования отношений, рассматривает все отношения с позиции своих морально-нравственных ценностей, а все другие жизненные ценности и этические нормы, которые не совпадают с его собственными, не признает. Люди с низким уровнем развития правосознания характеризуются безответственностью, конфликтным поведением, у них часто отмечается непоследовательность в принятии решений.

У почти половины курсантов (40 человек) основы правосознания заложены, однако оно пока противоречиво, сформировано не полностью и регулирует поведение только в отдельных сферах (бытовой, профессионально-деловой или социально-гражданской). Если правосознание в основном сформировано, то человек старается не нарушать установленные правила, точно соблюдать инструкции, достаточно надежен в деловой сфере, корректен в деловом общении и взаимодействии, хотя при этом у него может сохраняться отрицательное отношение к правовому регулированию в целом и к существующим законам в частности.

Следует отметить, что только у 7 курсантов правосознание сформировано, то есть они понимают важность буквы закона и осознают необходимость регулирования отношений на основе права. Они осознают этические нормы и толерантны к чужим жизненным ценностям, поэтому могут эффективно выполнять свои служебные обязанности и взаимодействовать с различными категориями людей вне зависимости от их вероисповедания, национальности и социальной принадлежности.

Кроме того, мы изучили индивидуальные особенности профессиональных установок курсантов с помощью Опросника профессиональных установок подростков И. М. Кондакова. Профессиональные установки позволяют сотруднику эффективно принимать решения, осуществлять моральный выбор в различных ситуациях служебной деятельности. На формирование профессиональных установок влияют не только требования самой профессиональной деятельности, но и личный опыт самого сотрудника.

Моральный выбор предполагает не только наличие самой возможности реализации различных вариантов выбора (объективные условия), но и отсутствие внешней принудительной силы в виде физического принуждения, осуждения общества, угрозы наказания (субъективные условия).

Сотрудники УИС должны обладать устойчивой психикой, быстрой реакцией, способностью выполнять функциональные обязанности в экстремальных условиях. Особое внимание обращается на воспитание уважительного отношения к осужденным, которые остаются гражданами страны, несмотря на наказание. При этом нравственным долгом сотрудника является исправление осужденных, которое возможно лишь при нравственно здоровом поведении самих сотрудников УИС.

Особую тревогу вызывает тот факт, что по шкале «Зависимость в профессиональном выборе» высокие показатели были выявлены у 14 % курсантов. Это свидетельствует о их социальной незрелости, то есть в случае ситуаций морального выбора они могут проявить несамостоятельность в принятии решений. Перечисленные качества с учетом специфики служебной деятельности (необходимость взаимодействовать с осужденными, у которых правосознание уже деформировано) создают риск у их обладателей совершения противоправных действий.

Полученные результаты говорят о необходимости работы, направленной на повышение уровня правосознания будущих сотрудников УИС.

По мнению большинства, в учебных заведениях ФСИН России закладывается тот фундамент, на основании которого не только формируется правосознание, но и личность сотрудника УИС, которая способна противостоять профессиональной деформации.

Правосознание как интегральное личностное образование несовместимо с инфантилизмом, который не предполагает, что человек возьмет на себя ответственность в целом за свою жизнь и за свой выбор в частности поэтому оно отражает личностную зрелость человека [9, с. 4].

Для формирования правосознания у курсантов юридических вузов нужно осуществлять целый комплекс мероприятий, которые бы задействовали все три компонента правосознания – когнитивный, эмоциональный и поведенческий.

Каждому сотруднику необходимо не просто знать нормативные документы, но и включать правовые и профессионально-этические нормы в систему служебных отношений, которые приобретают при этом личностный смысл. Исходя из этого образовательные компетенции формируются с учетом требований профессиональной деятельности к уровню профессиональной подготовки

будущих сотрудников УИС. Это позволяет скоординировать процесс определения содержания образования.

С этой целью в Самарском юридическом институте используется практико-ориентированная модель обучения, при которой образовательный процесс носит непрерывный формирующий характер на основе деятельностного подхода, при котором профессиональные компетенции формируются за счет максимального приближения к реальным условиям службы.

Руководящий состав и ведущие сотрудники учреждений и органов УИС также привлекаются к проведению учебных занятий для формирования у курсантов интереса к будущей профессии.

Процесс обучения в специализированных вузах должен быть направлен также на формирование у курсантов чувства ответственности за свои действия, самостоятельности и навыков рефлексии, позволяющих в процессе служебной деятельности адекватно оценивать себя и поведение других людей.

Доброжелательное отношение руководства к курсантам, сплоченность постоянного состава института, здоровый нравственно-психологический климат в коллективе во многом определяют уровень правосознания курсантов, поэтому этим вопросам нужно уделять особое внимание.

Основными направлениями психологической работы с курсантами являются: снижение чувства беспомощности; развитие навыков самостоятельного принятия решения; обучение методам саморегуляции, позволяющим снять эмоциональное поведение; формирование умений и навыков бесконфликтного общения. Данные умения и навыки позволят курсантам принимать решение в соответствии с правовыми и моральными нормами и выбирать средства в соответствии с нравственной необходимостью. Этому во многом способствуют также правила, традиции и обычаи, сложившиеся в УИС.

Для того чтобы преодолеть деформацию правосознания сотрудников УИС, которая является опасным явлением для индивида и системы в целом, необходимо выявить явления, процессы, обстоятельства и тенденции, которые ее обуславливают.

Качество исполнения сотрудниками УИС своих должностных обязанностей напрямую связано с уровнем их правового сознания, которое детерминировано воздействием сложного комплекса разнонаправленных факторов, таких как экономические, политические, собственно юридические, материальные, духовные и другие. Здесь необходимо применение комплексного подхода к исследованию деформаций правосознания, который позволит учесть все многообразие вызывающих их обстоятельств, причин и условий.

Принятые меры будут способствовать становлению у сотрудников УИС развитого правосознания, которое включает в себя глубокие юридические знания, позитивные оценки уголовно-исполнительной политики государства, активную реализацию правовых норм и развитую правовую культуру.

Библиографический список

1. Ежова О. Н. Профилактика деструктивного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2017. № 3(39). С. 73–79.
2. Теория государства и права / под ред. М. Н. Марченко. М.: Зерцало-М, 2011. Т. 1. 516 с.
3. Ильин И. А. О сущности правосознания. М.: Рарогъ, 1993. 235 с.
4. Муслумов Р. Р. Правовое сознание личности: учебное пособие. Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2013. 83 с.
5. Шерменев М. А. Деформация профессионального правосознания сотрудников УИС (общеправовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 173 с.
6. Соколов Н. Я. Профессиональное правосознание юристов. М.: Наука, 1988. 224 с.
7. Щегорцов В. А. Социология правосознания: монография. М.: Мысль, 2010. 174 с.
8. Певцова Е. А. Правовое воспитание: вопросы теории и практики: учебное пособие. М.: Международный юридический институт, 2013. 296 с.
9. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Психология развития человека. Развитие субъективной реальности в онтогенезе. СПб: ПСТГУ, 2014. 540 с.

References

1. Ezhova O. N. Profilaktika destruktivnogo povedeniya sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noy sistemy [Prevention of destructive behavior of employees of the penal correction system]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* [*Herald of the Institute: crime, punishment, correction*], 2017, no. 3 (39), pp. 73–79 [in Russian].
2. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of Government and Rights]. In M. N. Marchenko (ed). Moscow: Zertsalo-M. 2011, t. 1, 516 p. [in Russian].
3. Il'in I. A. O sushchnosti pravosoznaniya [On the essence of legal consciousness]. Moscow: Rarog", 1993, 235 p. [in Russian].
4. Muslumov R. R. Pravovoe soznanie lichno-sti: uchebnoe posobie [Legal consciousness of person: a textbook]. Ekaterinburg: Ural'skiy federal'nyy universitet, 2013, 83 p. [in Russian].
5. Shermeneyev M. A. Deformatsiya professional'nogo pravosoznaniya sotrudnikov UIS (obshchepravovoy analiz): dis. ... kand. yurid. nauk [Deformation of professional sense of justice of UIS officers (general legal analysis). Candidate's of Law thesis]. Vladimir, 2006, 173 p. [in Russian].
6. Sokolov N. Ya. Professional'noe pravosoznanie yuristov [Professional legal awareness of lawyers]. Moscow: Nauka, 1988, 224 p. [in Russian].
7. Shchegortsov V. A. Sotsiologiya pravosoznaniya: monografiya [Sociology of legal awareness: monograph]. Moscow: Mysl', 2010, 174 p. [in Russian].
8. Pevtsova E. A. Pravovoe vospitanie: voprosy teorii i praktiki: uchebnoe posobie [Legal Education: Issues of Theory and Practice: A Training Manual]. Moscow: Mezhdunarodnyy yuridicheskiy institut, 2013, 296 p. [in Russian].
9. Slobodchikov V. I., Isaev E. I. Psikhologiya razvitiya cheloveka. Razvitie sub'ektivnoy real'nosti v ontogeneze [Psychology of human development. Development of subjective reality in ontogeny]. Saint-Petersburg: PSTGU, 2014, 540 p. [in Russian].

УДК 159.9

Иванова С. В.

кандидат психологических наук,
доцент кафедры управления и информационного
обеспечения деятельности УИС,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: karb-svetlana@yandex.ru

Svetlana V. Ivanova

Candidate of Psychology, Assistant Professor of Department
of management and information support in the FPS,
Samara Law Institute the Federal Penitentiary Service,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: karb-svetlana@yandex.ru

ПРИОРИТЕТ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ ТРУДА СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПОДГОТОВКИ К НЕЙ В ЮРИДИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Аннотация. В статье раскрываются особенности психологии труда сотрудников правоохранительных органов. Особый акцент сделан на управленческой деятельности как главном атрибуте социальной системы в целом и системы правоохранительных органов в частности. Управление позволяет обеспечить правильное взаимодействие подразделений правоохранительных органов как единого целого; оказывает влияние на систему, ее структуру, на сотрудников через воздействие на их волю в целях достижения эффективной, исполнительно-распорядительной деятельности, направленной на выполнение поставленных задач. В этой связи раскрыты особенности управленческой деятельности в данной профессиональной отрасли и основные направления. Организаторские способности сотрудника правоохранительных органов характеризуются как интегральные свойства личности, связанные с проявлением совокупности личностных качеств и умений, обеспечивающих ему успешное выполнение организаторской деятельности в системе правоохранительных органов. В заключение отмечается, что в основе психологии труда сотрудников правоохранительных органов лежит управленческая деятельность, психолого-педагогическими условиями подготовки к которой выступают: дифференциация процесса обучения за счет создания среды, способствующей формированию навыков самоорганизации посредством использования балльно-рейтинговой системы оценки качества знаний обучающихся.

Ключевые слова: управленческая деятельность, организаторская деятельность, организаторские способности, самоорганизация, дифференцированный подход к обучению, балльно-рейтинговая система.

THE MANAGEMENT ACTIVITY PRIORITY IN LABOUR PSYCHOLOGY OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS AND PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS OF TRAINING AT A LAW UNIVERSITY (LAW HIGH SCHOOL)

Summary. The article reveals the peculiarities of psychology of work of law enforcement officers. Particular emphasis is placed on management as the main attribute of the social system in General and the system of law enforcement in particular. Control allows you to ensure the correct interaction of the law enforcement units as a whole; has an impact on the system, its structure, employees through the impact on their will to achieve effective Executive and administrative activities aimed at accomplishment of the tasks. In this regard, the peculiarities of management activity in this professional field and the main directions are revealed. Organizational skills of a law enforcement officer are characterized as integral properties of a person associated with the manifestation of a set of personal qualities and abilities that ensure his / her successful performance of organizational activities in the system of law enforcement agencies. In conclusion, it is noted that the psychology of work of law enforcement officers is based on management, psychological and pedagogical conditions of preparation for which are: differentiation of the learning process by creating an environment conducive to the formation of self-organization skills through the use of score-rating system to assess the quality of students' knowledge.

Keywords: management activity, organization activity, organization abilities, self-organization, differentiated approach to training, point-rating system.

Управленческая деятельность является неизменным атрибутом любой социальной системы, что вполне объясняется необходимостью организации общества в целом и человеческой деятельности в частности. Именно управление позволяет обеспечить системе определенную структуру, поддержать режим ее деятельности и реализацию целей [1], превратить неорганизованную толпу в эффективную целенаправленную группу (П. Друкер).

Особенно актуально управление для правоохранительных органов, в которых все структурные подразделения являются специализированными управляемыми социальными системами.

Оно позволяет обеспечить правильное взаимодействие подразделений правоохранительных органов как единого целого; оказывает влияние на систему, ее структуру, на сотрудников через воздействие на их волю в целях достижения эффективной, исполнительно-распорядительной деятельности, направленной на выполнение поставленных задач.

Актуальность работы в данном направлении подтверждается требованиями к результатам освоения основных образовательных программ по специальности 40.05.02 Правоохранительная деятельность. Так, в области организационно-управленческой деятельности необходимо сформировать у студентов юридического вуза такие профессиональные компетенции, как

способность принимать оптимальные управленческие решения (ПК-24);

способность организовать работу малого коллектива исполнителей, планировать и организовывать служебную деятельность исполнителей, осуществлять контроль и учет ее результатов (ПК-25);

способность осуществлять свою профессиональную деятельность во взаимодействии с сотрудниками иных правоохранительных органов, представителями других государственных органов, органов местного самоуправления, общественных объединений, с муниципальными органами охраны общественного порядка, трудовыми коллективами, гражданами, со средствами массовой информации (ПК-26) [2].

Следуя логике В. Я. Назмутдинова, И. Ф. Яруллина, раскрывающих понятие «управление» с трех самостоятельных позиций как деятельность, воздействие и взаимодействие, мы пришли к выводу, что особенностью управления в правоохранительных органах является интеграция всех трех управленческих аспектов. В связи с этим, интерпретируя понятие «управление в правоохранительных органах», мы представляем его тождественным понятию «организаторская деятельность» с точки зрения Л. И. Уманского. В нашем понимании это есть процесс воздействия одного человека на группу людей с целью их объединения, психологического взаимодействия и сотрудничества в достижении единой цели [3, с. 86].

По авторитетному мнению Б. М. Теплова, успешность выполнения деятельности зависит от соответствующих способностей. Соответственно, успешность организаторской деятельности, лежащей в основе управления в правоохранительных органах, зависит от организаторских способностей руководителя.

Возможно, здесь у многих возникнет вопрос о необходимости готовить к управленческой деятельности всех, без исключения, студентов, поскольку далеко не каждый выпускник юридического института будет занимать руководящую должность. В защиту управленческой деятельности добавим, что представленная различными подразделениями, связанными между собой и с общественными и государственными организациями, структура правоохранительных органов априори предполагает организацию такой системной, согласованной, координированной работы, которая позволила бы с наименьшими физическими и финансовыми затратами противодействовать преступности. Следовательно, организаторская деятельность заведомо заложена в структуре правоохранительных органов, а формирование организаторских способностей у будущих специалистов правоохранительной деятельности является одной из главных целей при подготовке кадров.

Очевидно, что, несмотря на достаточную разработанность проблемы содержания организаторских способностей (А. А. Бодалев, В. Л. Боднар, Н. А. Галеева, А. Л. Карпова, А. Г. Ковалев, А. Н. Лутошкин, И. С. Мангутов, Л. И. Уманский и т. д.), их сущность будет иметь особенности в зависимости от специфики профессиональной деятельности. Возникает вопрос, каким содержанием должны быть наполнены организаторские способности сотрудников правоохранительных органов, чтобы они могли обеспечить сотрудника всем арсеналом средств, необходимым и достаточным для осуществления организаторской деятельности в данной системе?

В поисках ответа мы исходили из функций социального управления и их специфики в системе правоохранительных органов. Так, управленческая функция учета здесь предполагает умение проводить статистическое наблюдение с целью сбора информации о массовых явлениях общественной жизни, правоохранительной или правоприменительной сферах деятельности, правосудия. Анализ сводится к обработке, осмыслению и оценке полученной в процессе статистического наблюдения информации, установлению причинно-следственных связей между общественными явлениями и криминогенной обстановкой. Прогнозирование – к непрерывному предвидению различных ситуаций и объективной их оценке в социальной жизни и, как следствие, в системе правоохраны, к предоставлению возможностей планирования, которое в свою очередь создает алгоритм деятельности системы правоохранительных органов, описывая последовательность отдельных этапов решения практических задач. Организация – к формированию организационных отношений, обеспечивающих достижение целей правоохранительной деятельности, связанных с установлением правопорядка в обществе, с минимальными затратами сил и средств. Мотивация – к фор-

мированию мотивов поведения, выступающих многоуровневым регулятором поведения и деятельности, с одной стороны, каждого сотрудника, с другой – общества в целом [4]. Регулирование признано поддержать существующие связи между различными элементами системы управления в правоохранительных органах с целью обеспечения согласованной работы по поддержанию общественного порядка, осуществить оперативное управление системой. Наконец, контроль позволяет соотнести фактически достигнутые результаты с целями общества в плане правопорядка.

Обобщая основные характеристики всех перечисленных выше функций управления, обозначилась специфика организаторской деятельности в правоохранительных органах – прямая и тесная зависимость от процессов динамики и прогнозирования социальных явлений. Сама же организаторская деятельность в системе правоохранительных органов представляет собой социально значимый процесс реализации всех управленческих функций, направленный на установление одновременного взаимодействия и воздействия на сотрудников правоохранительных органов, коррелирующий с массовыми общественными изменениями.

Вторичный характер организаторской деятельности вносит особенности и в содержательные характеристики организаторских способностей сотрудников правоохранительных органов. В связи с этим при сохранении традиционной структуры организаторских способностей (когнитивный, эмоционально-волевой, поведенческий компоненты) [5], их содержание будет иметь свою специфику.

Так, когнитивный компонент должен быть наполнен знаниями об организаторской деятельности; знаниями социологии и социальной психологии; методов исследования в области этих наук. Особенно важны знания о целях и задачах управленческой деятельности в правоохранительных органах, о методах и формах ее осуществления, о психологических особенностях личности и коллектива, об особенностях взаимодействия сотрудников разных структурных подразделений, о требованиях к процессу и результатам управленческой деятельности в правоохранительных органах.

Одной из главных составляющих эмоционально-волевого компонента, безусловно, является эмпатия, позволяющая установить эмоционально-ценностное отношение к подчиненным, определяющая тип воздействия организатора. Немаловажным аспектом выступает стеничность, предполагающая приложение к процессу организаторской деятельности волевых усилий и проявление саморегулятивных действий (А. В. Батаршев, Е. Жариков, Е. Крушельницкий Л. И. Уманский и др.).

Наконец, поведенческий компонент организаторских способностей должен носить интегративный характер и представлять собой комплекс организаторских умений, позволяющих реализовать основные управленческие функции в правоохранительных органах, согласуя их с социальными явлениями. Среди них: аналитические, рефлексивные, прогностические, проектировочные, коммуникативные и мобилизационные умения.

Вышесказанное позволяет раскрыть организаторские способности сотрудника правоохранительных органов как интегральные свойства личности, характеризующиеся проявлением совокупности личностных качеств и умений, обеспечивающих ему успешное выполнение организаторской деятельности в системе правоохранительных органов.

Безусловно, формирование таких способностей в рамках образовательного процесса юридического вуза требует пересмотра давно используемых и привычных нам педагогических технологий, наполнения их большей психологической составляющей.

Поскольку формирование организаторских способностей необходимо обеспечить каждому студенту вуза независимо от его личностных особенностей (темперамента, социально-психологического типа, направленности), в основе образовательного процесса института должен лежать дифференцированный подход. Следуя логике К. А. Абульхановой-Славской, М. И. Дьяченко, В. А. Караковского, В. Е. Клочко и др., одним из условий, реализующих дифференциацию процесса формирования организаторских способностей, является самоорганизация. Выступая «клеткой» организаторской деятельности, она предоставляет студенту возможность упражняться в ней, что положительно влияет на процесс формирования организаторских способностей в целом (В. П. Бедерханова, В. М. Коротова, А.И. Матусик и т. д.) [6] и подготовку будущего сотрудника к выполнению управленческой деятельности.

Эффективной системой, способствующей самоорганизации, является балльно-рейтинговая оценка качества знаний студентов. Она позволяет каждому студенту уже на 1-м курсе обучения в вузе прожить весь событийный ряд организаторской деятельности. Определяя успешность и качество освоения программы дисциплины посредством определенных показателей, мы ставим студента в ситуацию самоменеджмента. Каждый из них автоматически выполняет все управленческие функции. Очевидно, что на первое место в данной ситуации выступает функция мотивации, которая инициирует затем все остальные процессы управленческой деятельности. Функция учета реализуется на стадии сбора информации о том, каковы способы набора баллов по данной дисциплине.

Далее происходит анализ всех возможных способов, сопоставление их с реальными условиями, созданными в рамках образовательного процесса вуза, оценка возможностей получения баллов и планирование собственной деятельности по достижению поставленной цели. В процессе реализации плана студент сознательно регулирует ход собственной деятельности, умело направляя и корректируя свои действия в соответствии с разворачивающимися событиями. По окончании изучения дисциплины и получения результатов деятельности студент переходит на этап рефлексии, на котором определяет проблемные участки, выделяя причины, по которым не были набраны баллы, намекая детерминанты устранения неудач и дальнейшие пути организаторской деятельности.

Системное использование балльно-рейтинговой оценки качества знаний позволяет «оттачивать» у студентов умения и навыки управленческой деятельности на протяжении всего процесса обучения, проецируя и «отрабатывая» их на старших курсах в процессе выполнения собственно профессиональной деятельности в период практики.

Таким образом, в основе психологии труда сотрудников правоохранительных органов лежит управленческая деятельность, психолого-педагогическими условиями подготовки к которой выступают: дифференциация процесса обучения за счет создания среды, способствующей формированию навыков самоорганизации посредством использования балльно-рейтинговой системы оценки качества знаний студентов.

Библиографический список

1. Урбанович А. А. Психология управления: учебное пособие. Мн.: Харвест, 2003. 640 с.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по специальности 40.05.02 Правоохранительная деятельность: Приказ Минобрнауки России от 16.11.2016 №44618 (ред. от 13.07.2017) [Электронный ресурс]. URL: <http://rulaws.ru/acts/Prikaz-Minobrnauki-Rossii-ot-16.11.2016-N-1424/> (дата обращения: 24.08.2017).
3. Уманский Л. И. Психология организаторской деятельности школьника. М.: Просвещение, 1980. 160 с.
4. Ежова О. Н. Основы управления в правоохранительных органах: курс лекций. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2015. 226 с.
5. Иванова С. В. Психолого-педагогические условия формирования организаторских способностей будущих учителей начальных классов в педагогическом колледже: дис. ... канд. псих. наук. Самара, 2013. 242 с.
6. Бедерханова В. П. Личностно-профессиональная позиция педагога. Краснодар: Просвещение-Юг, 2001. 67 с.

References

1. Urbanovich A. A. Psikhologiya upravleniya: uchebnoe posobie [Management psychology]. Minsk.: Kharvest, 2003, 640 p. [in Russian].
2. Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart vysshego obrazovaniya po spetsial'nosti 40.05.02 Pravookhranitel'naya deyatel'nost': Prikaz Minobrnauki Rossii ot 16.11.2016 no. 44618 (red. ot 13.07.2017) [Federal state educational standard of higher education, specialty 40.05.02 law Enforcement: Order of the Ministry of education of the Russian Federation of 16.11.2016 no. 44618 (ed. from 13.07.2017)]. URL: <http://rulaws.ru/acts/Prikaz-Minobrnauki-Rossii-ot-16.11.2016-N-1424/> (Accessed 24.08.2017) [in Russian].
3. Umanskii L. I. Psikhologiya organizatorskoi deyatel'nosti shkol'nika [Psychology of organizational activity of a schoolboy]. Moscow: Prosveshchenie, 1980, 160 p. [in Russian].
4. Ezhova O. N. Osnovy upravleniya v pravookhranitel'nykh organakh: kurs lektzii [Fundamentals of governance in law enforcement]. Samara: Samarskii yuridicheskii institut FSIN Rossii, 2015, 226 p. [in Russian].
5. Ivanova S. V. Psikhologo-pedagogicheskie usloviya formirovaniya organizatorskikh sposobnostei budushchikh uchitelei nachal'nykh klassov v pedagogicheskom kolledzhe: dis. ... kand. psikh. nauk [Psychological and pedagogical conditions of formation of organizational abilities of future primary school teachers in pedagogical College. Candidate's of Psychology thesis]. Samara, 2013, 242 p. [in Russian].
6. Bederkhanova V. P. Lichnostno-professional'naya pozitsiya pedagoga [Personal and professional position of the teacher]. Krasnodar: Prosveshchenie-Yug, 2001, 67 p. [in Russian].

УДК 340

Минсафина С. Н.

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
уголовного и уголовно-исполнительного права,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: science@samlawin.ru

Svetlana N. Minsafina

Candidate of Law, Associate Professor, Assistant Professor
of the criminal and penal law department,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: science@samlawin.ru

Долина В. А.

курсант 4-го курса,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: science@samlawin.ru

Valeria A. Dolina

4 year cadet,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Rylskaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: science@samlawin.ru

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН

Аннотация. Статья посвящена проблемам содержания в исправительных колониях осужденных беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет.

Кроме проблем материально-бытового содержания данной категории осужденных, в которых отражаются особенности их обеспечения, в статье рассматриваются проблемы, связанные с совместным проживанием матери и ребенка: законодательство допускает проживание женщин со своими рожденными в колонии детьми, однако в настоящее время это мало распространено. Также уделяется внимание проблемам применения к осужденным беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, мер воспитательного воздействия, а именно применения мер взыскания, так как в уголовно-исполнительном законодательстве в отношении беременных осужденных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до 3 лет в домах ребенка, не может быть применено взыскание в виде выдворения в штрафной изолятор и помещение камерного типа.

Несмотря на то что на законодательном уровне введено достаточное количество мер по улучшению содержания данной категории осужденных, условия их содержания до сих пор до конца не усовершенствованы. Авторами делаются предложения по внесению дополнений в уголовно-исполнительное законодательство.

Ключевые слова: осужденная, беременные женщины, дом ребенка, дети до 3 лет, меры взыскания.

SPECIAL ASPECTS OF PUNISHMENT EXECUTION IN THE FORM OF IMPRISONMENT TOWARDS WOMEN

Summary. The article is devoted to the problems of convicts of pregnant women and women with children under the age of three years in penal colonies.

In addition to the problems of material maintenance of this category of convicts, which reflect the features of their provision, the article discusses the problems associated with the joint residence of the mother and the child, despite the fact that the law allows the residence of women with their children born in the colony, but at present this is not common. Attention is also paid to the problems of applying educational measures to convicted pregnant women and women with children under the age of three, namely the use of penalties, as in the criminal legislation on pregnant women convicted women and women with children aged up to 3 years in the homes of the child, recovery can not be applied in the form of deportation to the punishment cell and a chamber type room.

Despite the fact that a sufficient number of measures have been introduced at the legislative level to improve the content of this category of convicts, the conditions for their maintenance have not been fully improved to the present. The authors make proposals on introducing amendments to the penal enforcement legislation.

Keywords: convicted, pregnant women, child's house, children under 3 years, measures of recovery.

Осужденные к лишению свободы отбывают наказание в исправительных учреждениях. Исправительные учреждения являются частью уголовно-исполнительной системы Министерства

юстиции Российской Федерации. По состоянию на 1 мая 2017 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы России содержатся 622 079 человек, из них 39 447 женщин. Они содержатся в исправительных колониях, лечебно-исправительных и лечебно-профилактических учреждениях. На сегодняшний день в России существуют 35 женских колоний общего режима.

Российское законодательство допускает проживание женщин со своими рожденными в колонии детьми, но в настоящее время это мало распространено. Всего в России существует 13 колоний, которые имеют на своей территории дома ребенка, в них проживают 576 детей в возрасте до трех лет [1]. Несмотря на то что дети были рождены на территории исправительной колонии во время отбывания наказания матери, в домах ребенка создаются все условия для их полноценного роста и развития. Женщинам, имеющим детей, а также беременным женщинам во время отбывания наказания предоставляются определенные льготы, установленные законодательством.

К сожалению, зачастую ребенок женщине в колонии нужен лишь для того, чтобы получить для себя послабление в режиме. Безусловно, к такой категории относятся не все женщины. Однако есть и те, кто искренне рад рождению своего ребенка, у них просыпается материнское чувство, меняется поведение, они становятся спокойнее, уравновешеннее, не нарушают порядок отбывания наказания. Эти женщины полностью отдаются детям, ценят время проведенное с ними, которого, к сожалению, совсем мало.

В соответствии с уголовно-исполнительным законодательством женщинам разрешено проводить с детьми все свободное от работы время. Однако это время ограничено, примерно в день на общение с ребенком остается около 2 часов [2], поскольку женщина отбывает наказание и обязана соблюдать строгий распорядок дня. Мы считаем правильным проживание матери с ребенком в соответствии с ч. 1 ст. 100 УИК РФ, так как 2 часов для воспитания ребенка явно недостаточно. К сожалению, в практической деятельности данная льгота предоставляется не во всех женских колониях и применяется не ко всем осужденным, где имеется дом матери и ребенка. В ч. 1 ст. 100 УИК РФ законодатель не указывает категорию осужденных, кому может быть предоставлено право проживания с ребенком. Считаем, что в данной части статьи необходимо указать, кому именно может быть предоставлено это право, уточнить, что злостные нарушители установленного порядка отбывания наказания не имеют права совместного проживания с детьми. Также необходимо обеспечить женские колонии, в которых существуют дома ребенка, общежитиями, в которых женщина могла бы проживать со своим ребенком. Безусловно, постоянный надзор и контроль за осужденными и вывод их на работу не отменяется.

Но, как мы говорили ранее, в рассматриваемой нами категории осужденных есть те, которые рожают ребенка исключительно для улучшения своих условий отбывания наказания. К примеру, в соответствии с ч. 5 ст. 88 УИК РФ [3] осужденным беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до 3 лет в домах ребенка, разрешено расходовать денежные средства на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости без ограничения. Также согласно ч. 3 ст. 107 УИК РФ на лицевой счет им зачисляется независимо от всех удержаний не менее 50 % от заработной платы, пенсии, иных доходов. Кроме того, послабления режима касаются и мер взысканий, которые к ним невозможно применять. Так, согласно ч. 7 ст. 117 УИК в отношении беременных осужденных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до 3 лет в домах ребенка, не может быть применено взыскание в виде выдворения в штрафной изолятор и помещение камерного типа. Считаем, что необходимо разрешить применение к осужденным женщинам меру взыскания в виде выдворения в штрафной изолятор и помещение камерного типа за нарушения установленного порядка отбывания наказания, а если осужденная по состоянию здоровья не может быть помещена в штрафной изолятор, то предлагаем наложить запрет на длительное или краткосрочное свидание с родственниками. К сожалению, в таком случае женщина будет лишена возможности общения с ребенком, но из этого можно сделать вывод, она, намеренно нарушая порядок отбывания наказания, зная о наложении взыскания, не боится на время разлучиться с ребенком. Следовательно, осужденная не желает встать на путь исправления и не хочет заниматься воспитанием своего ребенка. Данного поведения не следует допускать, ведь согласно ч. 1 ст. 1 УИК РФ цель исполнения наказания заключается в исправлении осужденных.

Обобщая все вышесказанное и подводя итог, можно сказать, что законодательство, регулирующее условия для содержания беременных женщин и женщин, имеющих детей до 3 лет, нуждается в дальнейшем совершенствовании, несмотря на то что введено достаточное количество мер по улучшению их содержания. Для этого необходимо учесть практический опыт содержания данной категории осужденных, поскольку дети, рожденные в колонии, не должны получать мень-

ше внимания и заботы от своих матерей, чем другие дети. Однако при этом нельзя забывать, что целью исполнения наказания является исправление осужденного независимо от его пола и положения.

Библиографический список

1. Официальный сайт ФСИН России [Электронный ресурс]. URL: www.fsin.ru/www.fsin.ru/ (дата обращения: 12.11.2017).
2. Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений: Приказ Министерства юстиции РФ от 16 декабря 2016 г. № 295. Приложение № 6 к Правилам внутреннего распорядка исправительных учреждений [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 12.11.2017).
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 28.05.2017) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 12.11.2017)

References

1. Ofitsial'nyi sait FSIN Rossii. [Official site of the Federal penitentiary service of Russia]. URL: www.fsin.ru/www.fsin.ru/ (Accessed: 12.11.2017) [in Russian].
2. Ob utverzhdenii Pravil vnutrennego rasporyadka ispravitel'nykh uchrezhdenii: Prikaz Ministerstva yustitsii RF ot 16 dekabrya 2016 g. № 295. Prilozhenie №6 k Pravilam vnutrennego rasporyadka ispravitel'nykh uchrezhdenii [About the approval of rules of internal regulations of correctional institutions: the Order of the Ministry of justice of the Russian Federation of December 16, 2016 no. 295. Annex 6 to the internal regulations of correctional institutions]. *SPS «Konsul'tant Plyus»* [*SPS Consultant Plus*] (Accessed: 12.11.2017) [in Russian].
3. Ugolovno-ispolnitel'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 08.01.1997 N 1-FZ (red. ot 28.05.2017) [Criminal Executive code of the Russian Federation of 08.01.1997 n 1-FZ (ed. from 28.05.2017)]. *SPS «Konsul'tant Plyus»* [*SPS Consultant Plus*] (Accessed: 12.11.2017) [in Russian].

УДК 340

Мусалева А. В.

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рылская, 24в,
e-mail: Musaleva.a@yandex.ru

Anna V. Musaleva

Candidate of Law, Assistant Professor
of criminal and penal law department,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Ryl'skaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: Musaleva.a@yandex.ru

Шкиль Д. А.

курсант 4-го курса,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рылская, 24в,
e-mail: science@samlawin.ru

Dmytrij A. Shkil

4 year cadet,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Ryl'skaya str., 24v, Samara, Russia, 443022,
e-mail: science@samlawin.ru

СУДЕБНЫЙ ШТРАФ КАК МЕРА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

Аннотация. В соответствии с Федеральным законом от 3 июля 2016 г. №323-ФЗ был изменен Уголовный кодекс Российской Федерации, а именно раздел VI дополнен новой главой 15.2, регламентирующей совершенно новую меру уголовно-правового характера – судебный штраф.

Данная статья посвящена проблемным вопросам назначения и реализации судебного штрафа как меры уголовно-правового характера.

Авторы отмечают, что условия применения судебного штрафа аналогичны условиям освобождения при примирении сторон и деятельном раскаянии, но выделяют их отличия при прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст.ст. 75, 76 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Также авторы проводят анализ новых норм Уголовного кодекса Российской Федерации и уже существующих судебных решений и приходят к выводу, что уголовный закон имеет пробелы в области назначения и проблемные вопросы применения судебного штрафа, а именно: с какого момента лицо считается освобожденным от уголовной ответственности – с момента вынесения решения или с момента его уплаты (предлагается внести изменения в ст. 76 Уголовного кодекса РФ); при совершении лицом не одного преступления, а нескольких, и если в этом случае закон позволяет освободить его от уголовной ответственности, можно ли складывать размеры судебных штрафов (предлагается прямо указать в законе определение конечного размера судебного штрафа при совершении лицом нескольких преступлений).

Ключевые слова: судебный штраф, уголовно-правовая мера, назначение судебного штрафа, применение судебного штрафа.

COURT FINE AS A MEASURE OF CRIMINAL LAW

Summary. In accordance with Federal law No. 323-FZ of 3 July 2016, the criminal code of the Russian Federation was amended, namely section VI, by a new Chapter 15.2, which regulates a completely new measure of criminal law—a court fine.

This article is devoted to the problematic issues of the appointment and implementation of a court fine as a measure of criminal law.

The authors note that the conditions of application of the court fine are similar to the conditions of release in reconciliation of the parties and active repentance, but distinguish their differences in the termination of the criminal case on the grounds provided for in articles 75, 76 of the Criminal code of the Russian Federation.

The authors also analyze the new norms of the Criminal code of the Russian Federation, as well as existing court decisions and come to the conclusion that the criminal law has gaps in the field of purpose and problematic issues of application of the court fine, namely: from what point a person is considered exempted from criminal liability - from the moment of making a decision or from the moment of its payment (it is proposed to amend article 76 of the Criminal Code of the Russian Federation); Commission by the person not of one crime, and several, and the law in this case allows to release it from criminal liability, in this connection whether it is possible to put the sizes of judicial penalties (it is offered to specify directly in the law definition of the final size of a judicial penalty at Commission by the person of several crimes).

Keywords: a court fine; criminal and legal measures; infliction of a court fine; application of a fine.

Уголовный кодекс РФ сравнительно недавно пополнился такой мерой уголовно-правового характера, как уплата судебного штрафа.

Что же из себя представляет судебный штраф? В соответствии со ст. 104.4. УК РФ судебным штрафом признается назначаемое судом денежное взыскание в предусмотренных ст. 76.2 УК РФ случаях при освобождении лица от уголовной ответственности [1].

Пояснительная записка к законопроекту указывает на то, что Верховный суд РФ нередко рассматривал вопросы о том, что деяния, квалифицируемые в качестве преступлений небольшой или средней тяжести, не обладают достаточной степенью общественной опасности, в связи с чем негативные последствия судимости неадекватны ни характеру деяния, ни личности осужденного.

Не вызывает сомнения, что данный законопроект создан для расширения института освобождения от уголовной ответственности, кроме того, данная уголовно-правовая норма поможет увеличить количество лиц, которым нецелесообразно для исправления назначать наказание в виде лишения свободы.

Таким образом, в преступлениях, где отсутствует потерпевший или не подпадающих под критерии ст. 75 УК РФ (о содействии и деятельном раскаянии), основаниями могут быть: отличное поведение лица, совершившего преступление с момента возбуждения в отношении него дела до фактической передачи дела в суд, мнение суда о целесообразности исправления лица без изоляции от общества, при применении только мер уголовно-правового характера.

С 15 июля 2016 г. суды и следственные органы стали применять новое основание прекращения дела – назначение судебного штрафа. Пока нельзя говорить о широкой практике применения данного вида уголовно-правового воздействия, так как со времени принятия дополнений прошел достаточно короткий промежуток времени. Однако, анализируя судебные решения, можно отметить несколько проблемных вопросов применения данной нормы.

Прежде всего, следует отметить, что условия применения судебного штрафа аналогичны условиям при примирении сторон и деятельном раскаянии.

Но существуют отличия: к примеру, при прекращении дела по основаниям ст. ст. 75, 76 УК РФ суд, следователь или дознаватель выносят постановление, и с этого момента лицо считается освобожденным от уголовной ответственности. Возможность же освобождения от уголовной ответственности в связи с уплатой назначенного судебного штрафа предусматривает выплату штрафа. Исходя из этого возникает вопрос, когда лицо считается освобожденным от уголовной ответственности: с момента вынесения решения об уплате штрафа или же когда судебный штраф закончил исполнение, то есть с момента его уплаты? Если не учесть данный момент, на практике может сложиться ситуация, когда суд освобождает лицо от уголовной ответственности, назначая ему судебный штраф, а в срок, определенный судом для его уплаты, лицо совершает преступление. Возникает вопрос: будет ли лицо считаться совершившим преступление впервые? В связи с этим целесообразно изложить ст. 76.2 УК РФ в следующей редакции: «Лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено судом от уголовной ответственности с момента назначения данному лицу судебного штрафа, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред».

Также открытым остается вопрос о сроке уплаты судебного штрафа. Так, срок оплаты судебного штрафа устанавливает УПК РФ, а именно ч. 6 ст. 446.2, согласно которой судья, отталкиваясь от материального положения лица, устанавливает срок оплаты судебного штрафа [2]. Следует отметить, что по поводу уплаты судебного штрафа законодатель не дал более подробного объяснения. Исходя из этого, можно сделать вывод, что срок оплаты судебного штрафа не должен превышать исковые сроки давности преступлений, а именно за преступления небольшой тяжести – 2 года, а за преступления средней тяжести – 6 лет. В противном случае теряется весь смысл новеллы: привлекаемое лицо и так будет освобождено от уголовной ответственности. В связи с этим считаем целесообразным дополнить ч. 6 ст. 446.2 УПК РФ соответствующей ссылкой на ст. 78 УК РФ.

Следует рассмотреть ситуацию, когда лицо совершает не одно преступление, а несколько. Закон позволяет освободить от уголовной ответственности за несколько преступлений, по каждому из которых обвиняемый возместил потерпевшим вред, а они заявили ходатайство о прекращении дела, соответственно по аналогии назначения судебного штрафа лицо можно освободить от уголовной ответственности в связи с его назначением. Сразу возникают вопросы: можно ли складывать размеры штрафов и по каким правилам определять окончательный размер? По нашему мнению, складывать судебные штрафы нет оснований, так как это не наказание, а мера уголовно-

правового характера, поэтому предлагаем прямо указать в уголовном законе определение конечного размера судебного штрафа при совершении лицом нескольких преступлений.

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать вывод о том, что данная новелла нуждается в доработке, так как содержит достаточно много пробелов, и именно поэтому может быть неэффективна.

Предложенные выше уточнения нормативно-правовых актов, на наш взгляд, устранили бы пробелы в действующем законодательстве и облегчили бы решение вопросов, связанных с назначением и исполнением судебного штрафа.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.12.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2015) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.09.2017).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 17.04.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2017) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.09.2017).

References

1. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 no. 63-FZ (red. ot 31.12.2014) (s izm. i dop., vstup. v silu s 11.01.2015). [Criminal code of the Russian Federation from 13.06.1996 no. 63-FZ (as amended on 31.12.2014) (Rev. and add., Intro. in force from 11.01.2015)]. *SPS «Konsul'tant Plyus»* [*SPS Consultant Plus*] (Accessed: 20.09.2017) [in Russian].

2. Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 18.12.2001 no. 174-FZ (red. ot 17.04.2017) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.06.2017) [Criminal procedure code of the Russian Federation from 18.12.2001 no. 174-FZ (as amended on 17.04.2017) (Rev. and add., Intro. in force from 01.06.2017)]. *SPS «Konsul'tant Plyus»* [*SPS Consultant Plus*] (Accessed: 20.09.2017) [in Russian].

УДК 378

Сергеева Д. В.

преподаватель-методист отделения менеджмента качества образования и инновационных технологий, Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 160002, Россия, г. Вологда, ул. Щетинина, 2, e-mail: dina_sergeeva@mail.ru

Dina V. Sergeeva

Teacher-methodologist of the Department of Quality Management of education and innovative technologies, Vologda Institute of law and Economics, Federal penitentiary service, Shchetinin str., 2, Vologda, Russia, 160002, e-mail: dina_sergeeva@mail.ru

Шлыков С. А.

старший инженер отделения менеджмента качества образования и инновационных технологий, Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 160002, Россия, г. Вологда, ул. Щетинина, 2, e-mail: prep50@mail.ru

Sergei A. Shlykov

Senior Engineer of the Department of Quality Management of Education and Innovative Technologies, Vologda Institute of law and Economics, Federal penitentiary service, Shchetinin str., 2, Vologda, Russia, 160002, e-mail: prep50@mail.ru

Соловьев А. С.

старший научный сотрудник отделения менеджмента качества образования и инновационных технологий, Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 160002, Россия, г. Вологда, ул. Щетинина, 2, e-mail: alexsolovyov@mail.ru

Alexandr S. Solov'ev

Senior Scientist of the Department of Quality Management of Education and Innovative Technologies, Vologda Institute of law and Economics, Federal penitentiary service, Shchetinin str., 2, Vologda, Russia, 160002, e-mail: alexsolovyov@mail.ru

Почеткова Е. С.

старший преподаватель-методист отделения менеджмента качества образования и инновационных технологий, Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 160002, Россия, г. Вологда, ул. Щетинина, 2, e-mail: pochetkova@mail.ru

Elena S. Pochetkova

Senior Teacher-methodist, Department of Quality Management of Education and Innovative Technologies, Vologda Institute of law and Economics, Federal penitentiary service, Shchetinin str., 2, Vologda, Russia, 160002, e-mail: pochetkova@mail.ru

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО СОЗДАНИЮ ЭЛЕКТРОННОЙ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ФСИН РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности построения и функционирования электронной информационно-образовательной среды образовательной организации высшего образования ФСИН России. Авторами статьи и сотрудниками НИИ ФСИН России было проведено исследование соответствия функционала программных продуктов, используемых для внедрения ЭИОС в деятельность образовательных организаций высшего образования ФСИН России, требованиям нормативно-правовых актов Российской Федерации. В результате было сформировано техническое задание «Формирование единого образовательного интернет-портала образовательной организации высшего образования ФСИН России», в котором была описана модель ЭИОС образовательной организации ФСИН России, удовлетворяющая требованиям федерального законодательства, подзаконных нормативных актов и указаний ФСИН России, ориентированная на повышение эффективности образовательного процесса как основную задачу рассматриваемой среды в образовательной организации.

В статье проанализированы свойства электронной информационно-образовательной среды, влияющие на эффективность планирования и сопровождения образовательного процесса, сформулированы предложения по ее реализации в образовательной организации высшего образования ФСИН России.

В завершение рассматривается возможность создания (на базе федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт информационных технологий Федеральной службы исполнения наказаний») единого информационно-образовательного портала образовательных организаций ФСИН России.

Ключевые слова: электронная информационно-образовательная среда, информатизация процесса образования, образовательные организации высшего образования ФСИН России, информационно-образовательный портал.

**GUIDELINES FOR CREATION OF ELECTRONIC INFORMATION EDUCATIONAL
ENVIRONMENT IN THE EDUCATIONAL ORGANIZATION
OF HIGHER EDUCATION OF THE FPS OF RUSSIA**

Summary. *The article discusses the features of the construction and functioning of the electronic information and educational environment of the educational organization of higher education FSIN of Russia. The authors of the article and employees of the research Institute of FSIN of Russia conducted a study of the compliance of the functionality of software products used for the implementation of EIOS in the activities of educational institutions of FSIN of Russia, the requirements of regulatory legal acts of the Russian Federation. The technical task "Formation of the uniform educational Internet portal of the educational organization of higher education of FSIN of Russia" in which the eios model of the educational organization of FSIN of Russia satisfying requirements of the Federal legislation, subordinate regulations and instructions of FSIN of Russia focused on increase of efficiency of educational process as the main task of the considered environment in the educational organization was described was as a result formed.*

The article analyzes the properties of electronic information and educational environment affecting the efficiency of planning and support of the educational process, formulated proposals for its implementation in the educational organization of higher education FSIN of Russia.

In conclusion, the possibility of creating (on the basis of the Federal state institution "Research Institute of information technologies of the Federal penitentiary service") a single information and educational portal of educational organizations of the Federal penitentiary service of Russia is considered.

Keywords: *electronic information and educational environment, informatization of the educational process, educational organizations of higher education of the FPS of Russia, informational and education portal.*

Информатизацию процесса образования можно рассматривать как одно из приоритетных направлений процесса информатизации современного общества.

Под термином «электронная информационно-образовательная среда» в данной работе мы будем понимать интеграцию образовательной и информационной сред. В свете такой интеграции компьютерные технологии призваны стать не дополнительным компонентом в обучении, а неотъемлемой частью целостного образовательного процесса, значительно повышающей его эффективность [1, с. 162].

Сегодня большое количество разработчиков предлагают образовательным организациям различные программные продукты, реализующие возможности сопровождения процесса обучения и управления образовательным процессом для создания электронной информационно-образовательной среды (далее – ЭИОС). Образовательные организации высшего образования ФСИН России выбирают и используют для этих целей самые разнообразные программные продукты, зачастую достаточно дорогостоящие.

Авторами данной работы и сотрудниками федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» было проведено исследование соответствия функционала программных продуктов, используемых для внедрения ЭИОС в деятельность образовательных организаций высшего образования ФСИН России, требованиям нормативно-правовых актов Российской Федерации. Исследование распространялось на все образовательные организации высшего образования ФСИН России.

В результате проведенного исследования было сформулировано техническое задание «Формирование единого образовательного интернет-портала образовательной организации высшего образования ФСИН России», в котором была описана модель ЭИОС образовательной организации ФСИН России, удовлетворяющая требованиям федерального законодательства, подзаконных нормативных актов и указаний ФСИН России, ориентированная на повышение эффективности образовательного процесса как основную задачу рассматриваемой среды в образовательной организации.

В настоящей работе, опираясь на результаты проведенного исследования, приведем рекомендации образовательным организациям ФСИН России по формированию ЭИОС:

1. В ЭИОС образовательной организации высшего образования ФСИН России должна быть реализована возможность создания различных операционных групп пользователей с возможностью гибкого управления их полномочиями и функциональностью. В частности, в ней должны быть предусмотрены возможности создания личных кабинетов пользователей, формирования учебных групп и ряд других функций, отражающих организацию учебного процесса.

2. В образовательных организациях ФСИН России традиционно ведутся классические журналы текущей успеваемости и посещаемости, поэтому целесообразно начать переход с бумаж-

ной версии данных журналов к электронной. Преподавателю следует предоставить доступ к просмотру и редактированию электронных журналов текущей успеваемости и посещаемости по дисциплинам, которые он преподает, обучающимся к просмотру результатов своей успеваемости. Немаловажно, чтобы в электронном журнале имелась возможность коррекции текущей успеваемости (отработка пропусков, неудовлетворительных оценок) и фиксации выполнения индивидуальных заданий по пропущенным по тем или иным причинам учебным занятиям. Журнал должен иметь возможность печати на бумажном носителе. В перспективе это позволит образовательным организациям ФСИН России легко интегрировать данный документ в электронный документооборот образовательного процесса.

3. ЭИОС образовательной организации ФСИН России должна быть реализована с учетом того, что в образовательной организации осуществляются различные формы обучения: очное, заочное, дистанционное, сетевое. Следует предусмотреть в системе возможности фиксации результатов завершения курса обучающимся, а также результатов тестирования и анкетирования, кроме того, предусмотреть возможность создания и формирования различных видов тестов и анкет с их автоматизированной обработкой.

4. ЭИОС образовательной организации ФСИН России должна предоставлять возможность размещения материалов в любых форматах, включая изображения, видео- и аудиофайлы. В данной среде должен быть организован доступ обучающегося к просмотру и редактированию своего портфолио и просмотру (при наличии доступа) портфолио других обучающихся. Преподаватели должны иметь доступ к просмотру портфолио обучающихся, иметь возможность оставить рецензию на любую работу. Учебно-вспомогательный персонал факультета должен иметь доступ к просмотру и редактированию (для контроля содержания и качества) материалов портфолио обучающихся.

5. ЭИОС образовательной организации ФСИН России должна предоставлять возможность синхронного (on-line) и асинхронного общения пользователей: форум, чат, электронная почта, блог, система оповещений о происходящих событиях (посредством sms, e-mail сообщений).

6. Рекомендуются образовательным организациям высшего образования ФСИН России закупка внутренней электронной библиотечной системы для размещения выпускных квалификационных работ обучающихся [2] и собственных разработок профессорско-преподавательского состава.

7. В свете требований Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования (далее – ФГОС ВО), достаточно актуальной является организация курсов повышения квалификации профессорско-преподавательского состава образовательных организаций высшего образования ФСИН России для формирования компетенций по работе с ЭИОС образовательной организации. Во ФГОС ВО отмечается, что функционирование ЭИОС образовательной организации обеспечивается соответствующими средствами информационно-коммуникационных технологий и квалификацией работников, ее использующих и поддерживающих [3]. Таким образом, администрирование, сопровождение и использование ЭИОС должны осуществлять сотрудники, имеющие соответствующее образование и документально подтвержденный уровень квалификации.

8. Отметим, что высокие требования ФГОС ВО к ЭИОС для всех образовательных программ (сходные с требованиями к реализации образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий) косвенно указывают на возможность развития дистанционной формы обучения для реализуемых образовательных программ высшего образования и повышения квалификации в образовательных организациях ФСИН России. Некоторые руководители кадровых подразделений в территориальных органах ФСИН России отмечают, что сотрудники учреждений более охотно идут учиться платно в неведомственные образовательные организации, реализующие образовательные программы в дистанционной форме, чем бесплатно (в частности заочно) в образовательные организации ФСИН России, чтобы обучение проходило без отрыва от места службы.

В завершении работы обратим внимание на то, что существует потенциальная возможность создания (на базе федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт информационных технологий Федеральной службы исполнения наказаний») единого информационно-образовательного портала образовательных организаций ФСИН России, который даст возможность сократить расходы на закупки, связанные с приобретением программного обеспечения для создания и поддержки функционирования ЭИОС, будет соответствовать требованиям федерального законодательства, подзаконных нормативных актов Российской Федерации и указаниям ФСИН России и позволит создать единообразную ЭИОС в образовательных организациях высшего образования ФСИН России.

Библиографический список

1. Еремина И. И. Формирование информационно-коммуникационных компетенций субъектов образовательного процесса в условиях информационной образовательной среды вуза // Педагогика. Психология. № 1/2012. С. 162–163.
2. Об утверждении Порядка проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета и программам магистратуры: приказ Минобрнауки России от 29 июня 2015 г. № 636, п. 38 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 17.11.2017).
3. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 35.03.02 Технология лесозаготовительных и деревоперерабатывающих производств: приказ Минобрнауки России от 26 июля 2017 г. № 698 п. 4.2.2 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 17.11.2017).

References

1. Eremina I. I. Formirovanie informatsionno-kommunikatsionnykh kompetentsii sub"ektov obrazovatel'nogo protsesssa v usloviyakh informatsionnoi obrazovatel'noi sredy vuza [Formation of information and communication competences of subjects of educational process in the conditions of information educational environment of higher education institution]. *Pedagogika. Psikhologiya*. [Pedagogy. Psychology], 2012, no. 1, pp. 162–163 [in Russian].
2. Ob utverzhdenii Poryadka provedeniya gosudarstvennoi itogovoi attestatsii po obrazovatel'nym programmam vysshego obrazovaniya – programmam bakalavriata, programmam spetsialiteta i programmam magistratury: prikaz Minobrnauki Rossii ot 29 iyunya 2015 g. no. 636, p. 38 [About the statement of the order of carrying out the state final certification on educational programs of the higher education-programs of the bachelor degree, programs of the specialty and programs of the magistracy: the order of the Ministry of education of the Russian Federation of June 29, 2015 no. 636, item 38]. *SPS «Konsul'tant Plyus»* [SPS Consultant Plus] (Accessed: 17.11.2017) [in Russian].
3. Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniya – bakalavriat po napravleniyu podgotovki 35.03.02 Tekhnologiya lesozagotovitel'nykh i derevopererabatyvayushchikh proizvodstv: prikaz Minobrnauki Rossii ot 26 iyulya 2017 g. no. 698 p. 4.2.2 [About the approval of the Federal state educational standard of the higher education – the bachelor's degree in the direction of preparation 35.03.02 Technology of logging and woodworking productions: the order of the Ministry of education of the Russian Federation of July 26, 2017 no. 698 item 4.2.2]. *SPS «Konsul'tant Plyus»* [SPS Consultant Plus] (Accessed: 17.11.2017) [in Russian].

ТРЕБОВАНИЯ К ПОДАЧЕ МАТЕРИАЛОВ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК САМАРСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА»

1. Для публикации научных материалов автор предоставляет в редакцию журнала: статью, оформленную по установленному стандарту; анкету автора публикации и оператора персональных данных (<http://sui.fsin.su/vestnik-syui-fsin-rossii/>) по адресу: 433022, г. Самара, ул. Рылская, 24в.

Статья принимается в одном экземпляре, в распечатанном, а также электронном виде.

2. Статья должна быть тщательно выверена автором. За достоверность и точность приведенных фактов, цитат и прочих сведений ответственность несет автор.

3. Каждый автор может опубликовать в одном номере журнала не более одной статьи. Количество статей одного автора, публикуемых в одном номере, может быть увеличено только по решению редакционной коллегии.

4. Электронная версия рукописи выполняется в редакторе Microsoft Word.

5. Формат страницы – А4, поля – по 2,5 см, шрифт основного текста и примечаний – Times New Roman, размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал основного текста – полуторный, остального текста – одинарный, абзацный отступ основного текста – 1,25, выравнивание страницы – по ширине.

6. Объем статьи должен составлять от 10 до 20 страниц (предусматривая автоматическую расстановку переносов в тексте). В ином случае необходимо данный вопрос согласовать с редакционной коллегией журнала.

7. В начале рукописи указывается код УДК. Далее приводятся сведения об авторе на русском и английском языках, включающие: Ф.И.О., ученую степень, ученое звание, должность, организацию, почтовый адрес организации, e-mail. Для англоязычных метаданных необходимо соблюдать следующий вариант написания сведений об авторе: полное имя, инициал отчества, фамилия (Anna I. Ivanova).

8. Далее пропускается одна строка и по центру жирным шрифтом сначала на русском, а затем на английском языках набираются название статьи, аннотация и ключевые слова.

Аннотация и ключевые слова к статье набираются курсивом. В аннотации должны быть отражены актуальность темы исследования, постановка проблемы, цели и методы исследования, результаты и выводы. Она должна быть информативной, оригинальной, содержательной, ее объем – от 150 до 250 слов. Ключевые слова служат для автоматизированного поиска информации и должны отражать как общие, так и частные аспекты результатов представленного в статье исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов – 8–10.

9. Затем следует основной текст статьи, библиографический список.

В статье допускается наличие таблиц, формул и рисунков. Обязательно наличие подрисуночных подписей, подписей к таблицам и ссылок на них в тексте. Всем иллюстрациям и таблицам необходимо давать сквозную нумерацию. Иллюстрации, приведенные в статье, должны быть высокого качества, хорошо читаемы. Таблицы должны быть выполнены в Microsoft Word. Не допускается применение фоновых рисунков и заливки в схемах, таблицах. При наличии в тексте диаграмм они должны быть сохранены в формате «диаграмма Microsoft Word» (данные диаграммы должны быть доступны для редактирования).

Библиографический список является обязательным атрибутом любой научной публикации.

Ссылки на упомянутую в тексте литературу приводятся в квадратных скобках (например [1, с. 7]) в порядке первого упоминания. Нежелательно включать в списки литературы анонимные источники и нормативные документы, предпочтительно их цитировать непосредственно в тексте или внутритекстовых сносках.

Источники в библиографическом списке оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

После библиографического списка приводится транслитерация References (перевод текста библиографического списка на латиницу). Для этого рекомендуется воспользоваться специальной программой (<http://translit.ru>, стандарт BSI). Кроме того, необходимо в квадратных скобках указывать название источника, переведенное на английский язык.

10. Все страницы рукописи, включая библиографический список, должны быть пронумерованы.

11. Статья должна быть подписана автором.

12. Перед подписью автор дает разрешение на публикацию в Интернете и гарантирует, что предоставленный в редакцию материал ранее не публиковался и не был предоставлен на публикацию одновременно в другие журналы.

Например: «Статья публикуется впервые. Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю».

13. В случае если автор является студентом, курсантом, аспирантом, адъюнктом или прикреплен к адъюнктуре (аспирантуре) для подготовки диссертационного исследования на соискание ученой степени кандидата наук, он должен предоставить ответственному секретарю рецензию от специалиста соответствующей отрасли науки, заверенную кадровым аппаратом соответствующего учреждения.

14. Материалы направляются в адрес редакции с пометкой «Вестник Самарского юридического института». В качестве имени файла русскими буквами указывается фамилия, инициалы автора (например, Петров А.А.doc).

15. Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

16. При несоблюдении указанных требований редакция журнала статьи к изданию не принимает.

*Адрес редакции: 443022, г. Самара, ул. Рылская, 24в, тел. 205-67-14
e-mail: science@samlawin.ru*

Научное издание

**ВЕСТНИК
САМАРСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА**

Научно-практический журнал

1 (27) / 2018

Редактор *О. Е. Тимошина*
Техническая редакция – *Н. В. Романова*
Компьютерная верстка – *Д. Б. Кротков*

Подписано в печать 12.03.2018
Усл. печ. л. 17,3 (18,8 печ. л.)
Тираж 100 экз. Заказ № 750
Цена свободная

Отпечатано в ООО «Прайм»
443544, Самарская обл., Волжский р-н, с. Курумоч, ул. Полевая, 49